

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2013 № 2 (7)

vopoliteco.ucoz.com

ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»

Учредитель журнала:

Международная политэкономическая ассоциация стран СНГ и Балтии
(МПЭА СНГ)

Журнал издается с 2011 года.

Редакционная коллегия:

Бузгалин А. В. (Москва, Российская Федерация).
Воейков М. И. (Москва, Российская Федерация).
Гайсин Р. С. (Москва, Российская Федерация).
Давыдов Ю. С. (Пятигорск, Российская Федерация).
Каширин В. В. (Москва, Российская Федерация).
Лебедева Н. Н. (Волгоград, Российская Федерация).
Мамедов О. Ю. (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).
Павлов М. Ю. (Москва, Российская Федерация).
Рязанов В. Т. (С.-Петербург, Российская Федерация).
Сидоров В. А. (Краснодар, Российская Федерация).
Сорокин Д.Е. (Москва, Российская Федерация).
Татуев А. А. (Нальчик, Российская Федерация).
Чекмарев В. В. (Кострома, Российская Федерация).
Ушвицкий Л. И. (Ставрополь, Российская Федерация).
Цаголов Г. Н. (Москва, Российская Федерация).
Алиев У. Ж. (Астана, Казахстан).
Тарасевич В. Н. (Днепропетровск, Украина) – главный редактор.

Адреса редакции:

Российская Федерация, 119991, г. Москва, ГСП-1, Воробьевы горы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 3-й новый учебный корпус, Экономический факультет, кафедра политической экономики

Украина, 49600, г. Днепропетровск, пр. Гагарина, 4. Национальная металлургическая академия Украины, кафедра политической экономики

Телефон: +380563748284

Сайт: vopoliteco.ucoz.com

E-mail: vopoliteco@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

<i>В.Д. Базилевич</i> ВВЕДЕНИЕ В МЕТАФИЗИКУ ЭКОНОМИКИ	5
<i>А.А. Пороховский</i> СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ	24

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

<i>В.Н. Тарасевич</i> НОВЫЙ ТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА И ГОСУДАРСТВО	32
---	----

ДИСКУССИИ О СТОИМОСТИ

<i>Т.И. Артемова</i> ОТНОШЕНИЯ СТОИМОСТИ: КЛАССИКА ЗНАЧИМА	39
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

<i>Г.В. Макаров</i> СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСТЕРИЗМ	56
---	----

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

<i>С.С. Губанов</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ КАПИТАЛИЗМА: КЛАССИКА ПРОТИВ «НЕОКЛАССИКИ»	80
---	----

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

<i>А.И. Московский</i> СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ	109
---	-----

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

<i>В.Т. Рязанов</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА	121
---	-----

ДИСКУССИИ О МОДЕРНИЗАЦИИ

<i>Р.С. Гринберг</i> ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОШЛОГО И ДИЛЕММЫ БУДУЩЕГО	141
<i>Е.Н. Бородина</i> ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СЕЛА УКРАИНЫ И РОССИИ И ЕГО ГАРМОНИЗАЦИЯ С ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКОЙ	157

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "УСЛОВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СТРАНАХ С РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКОЙ"	170
ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ XXI ВЕКА	179

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В.Н. Тарасевич, В.К. Лебедева</i> ТУПИКИ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ОРТОДОКСИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	189
---	-----

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ	193
--------------------------------	-----

CONTENTS

SUBSTANTIVE AND METHODOLOGICAL PROBLEMS

V. Bazilevich INTRODUCTION TO METAPHYSICS ECONOMY	5
A. Porokhovsky MODERN DEVELOPMENT AND ECONOMIC INTERESTS	24

PROBLEMS OF REPRODUCTION

V. Tarasevich NEW TYPE OF REPRODUCTION AND THE STATE	32
--	----

DISCUSSION ABOUT THE COST

T. Artemova RELATIONS VALUE: CLASSICS SIGNIFICANT	39
---	----

SOCIAL POLITICAL ECONOMY

V. Makarov SOCIAL CLUSTERIZM	56
------------------------------------	----

THE POLITICAL ECONOMY OF MARXISM

S. Gubanov HISTORICAL LIMITATIONS OF CAPITALISM:CLASSIC AGAINST «NEO-CLASSICAL».....	80
---	----

INSTITUTIONAL POLITICAL ECONOMY

A. Moscow MODERN ECONOMIC INSTITUTIONS AND COMPARATIVE ANALYSIS OF THE THEORETICAL PARADIGMS	109
---	-----

POLITICAL ECONOMY AND PHILOSOPHY OF ECONOMY

V. Ryazanov POLITICAL ECONOMY AND PHILOSOPHY OF ECONOMY	121
---	-----

DISCUSSIONS ON THE MODERNIZATION

R. Grinberg ECONOMIC TRANSFORMATION AND MODERNIZATION OF THE CONTRADICTIONS OF THE PAST AND THE DILEMMAS OF THE FUTURE	141
E. Borodina INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF AGRICULTURE AND VILLAGES OF UKRAINE AND RUSSIA AND ITS HARMONIZATION WITH THE EUROPEAN POLITICAL PRACTICE	157

SCIENTIFIC LIFE

VI INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "ECONOMIC GROWTH IN THE COUNTRIES WITH MARKET ECONOMY"	170
PARADIGMATIC SHIFTS IN THE ECONOMIC THEORY OF THE XXI CENTURY	179

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

V. Tarasevich, V. Lebedeva STUBS NEOLIBERAL ORTHODOXY AND PROSPECTS OF GLOBALIZATION	189
REQUIREMENTS TO PUBLICATIONS	193

ВВЕДЕНИЕ В МЕТАФИЗИКУ ЭКОНОМИКИ

Виктор Дмитриевич Базилевич,
член-корреспондент НАН Украины,
декан экономического факультета,
зав. кафедрой экономической теории Киевского национального
университета им. Тараса Шевченко,
д-р экон. наук, профессор.

Обосновывается потребность в новых обобщающих теоретических и методологических подходах к осмыслению актуальных экономических проблем, количество которых неуклонно растет. Раскрывается метафизическая сущность экономического знания, что в силу своего предмета проникает в содержание и значение вещей. Анализируются возможности и познавательный потенциал (производительные силы) "метафизики экономики", которая обращается к внутреннему духовному миру человека, фокусируется на восприятии и постижении многообразия экономического бытия, в частности трансцендентных ценностных смыслов и контекстов.

Ключевые слова: *экономическое знание, трансцендентные ценностные контексты, методологические подходы.*

V. Bazilevich. THE INTRODUCTION INTO THE METAPHYSICS OF ECONOMY.

Substantiates the need for new summarizing the theoretical and methodological approaches to understanding the current economic problems, the number of which is steadily increasing. The metaphysical essence of economic knowledge, by virtue of its subject penetrating into the meaning and value of things, is revealed. The possibilities and cognitive potential (productive forces) "metaphysics economy" facing the inner, spiritual world of man, aimed at the perception and comprehension of the diversity of economic life, including transcendental value of meanings and contexts..

Keywords: *economic knowledge, transcendental values contexts, methodological approaches.*

Все же никто не может считаться великим экономистом, если он остается только экономистом; я даже склонен утверждать, что экономист, который только экономист, рискует стать каким-то докучливым человеком, а то и носителем явной опасности.

Ф.А. фон Хайек

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Экономика — Бог современного человека. Этот статус обусловлен ее включенностью во все сферы жизнедеятельности общества, доминированием в решении большинства вопросов, порождаемых логикой развития нашей цивилизации. И вместе с тем она создает ряд новых проблем, которые становятся вызовами эпохи. Их решение обуславливает кардинальные перемены в мировоззрении, в общественном сознании и психологической настроенности, выступая основным фактором, вызывающим грандиозные трансформации в мире. Данное обстоятельство превращает экономику в определяющее условие современного бытия во всех его проявлениях. Главной характеристикой жизни становится «экономизм», и гордые дефиниции «*Homo sapiens*», «*Homo faber*», «*Homo creator*» уступают место «*Homo oeconomicus*». Экономическое общество, экономический человек не метафоры, а наиболее адекватные теоретические понятия для выражения современных форм жизни. В экономизме четко прослеживается зависимость между ценностной жизнью и бессмысленным существованием: все, что лишается духовно-смысловой наполненности, теряет свое значение, свое достоинство, свою способность к взаимодействиям и дальнейшему развитию.

Проблема «экономизма» сегодня находится в «поле» активных философских, культурологических, социологических, политических дискурсов. Их цель — определить место и состояние экономики в жизни современного общества и человека. Ведь распространенный взгляд на экономику только как на стоимостную, капиталистическую форму ведения хозяйства является узким, он мешает развитию самой экономической теории, сужая ее предмет и превращая в исторически временную науку. В силу такого подхода выпадает ключевая функция экономики, заключавшаяся в опосредствовании взаимоотношений человека с природой в процессе ее хозяйственного использования. Экономика, как сфера производственной деятельности человека, стоит между человеком и природой как «природопользование». Он является ключевым, родовым для понимания категории «экономика». В противном случае имеет место доминирование экономической точки зрения, отдающей приоритет категории «стоимость». Тем самым содержательное «поле» понимания экономики теряет информационное пространство. Это не означает уменьшение престижа экономической науки, но обуславливает резкое усиление необходимости раскрытия её *глубинных смыслов*, проникновения в масштабы экономической парадигмы мышления.

Решению данной задачи уделяют постоянное внимание экономическая теория, философия экономики, философия хозяйства. Последняя претендует на «космическую» всеобъемлющность знания о хозяйстве, составляющем основу жизни человека. «Хозяйствование — не просто спутник, но цель жизни человека, — отмечает Ю.М. Осипов,

В.Д. Базилевич

— как и способ его бытия. Вся жизнь человека — хозяйство. В том числе и жизнь интеллектуальная, и познавательная, и художественная”¹. Хозяйствуя, человек познает мир, себя, одновременно создавая собственный мир — мир культуры, мир социума, мир экономики, ми политики. Каждый из этих миров является объектом изучения общественной науки. Тем не менее возможности философии хозяйства имеют определенную границу, обусловленную спецификой ее предмета. Это касается также философии экономики, экономической теории, этической экономии. Возникает необходимость поиска новых средств углубленного проникновения в сущность экономической реальности.

Актуальность поиска новых подходов в познании *этоса экономического* вызвана также изменением социального и культурного статуса человека как результатом доминирующего влияния экономической сферы. Образовался новый вектор социоэкономического развития — *глобализация*. На ее основе складывается новая структура — прагматический *экономический универсум*, ориентированный на логику глобального управления. Подобная структура владеет колоссальной социальной инерцией, прямо и опосредованно влияя “на подвластные пространства, формируя и фиксируя определенные стереотипы и социокоды”². Согласно А. Тойнби, основу исторического существования человечества составляют совокупности дискретных единиц социальной организации. Человек — составная часть этноса (цивилизации). Глобализация нарушает равновесие сформировавшихся этносов — образуется определенная единая глобальная система, объединяющая «людей вообще», разрывающих связь с историчностью, с памятью о прошлом. Эта система не только стойкая, но и ведет к разрушению антропосферы, угрожает существованию человека как вида.

Максимальная прибыль в глобальной экономике обеспечивается развитием новых технологий. Избыточная прибавочная стоимость (сверхстоимость) возникает как за счет интеллектуального капитала, так и за счет привлечения ресурсов «нижней» части пирамиды, то есть эксплуатации «отсталых» народов и стран. Теоретическое осмысление данного процесса экономизации сегодня аналогично критическим вехам в эволюции науки, ведь речь идет о выборе стратегии развития *мира как системы*, ее элементов, государств, поведения отдельных индивидов.

Однако ныне происходит преимущественно *количественное* накопление подходов, идей, информации по исследованию процесса сложного явления экономических смыслов бытия в условиях глобализации, расставляющей новые акценты. Поскольку отсутствует законченная процедура накопления информации, то в теории геоэкономики, находящейся на стадии формирования, не просматривается пока то парадигмальное ядро, которое

¹ Осипов Ю.М. Философия хозяйства. - М., 2001. - С. 24.

² Неклесса А.И. Трансмутации истории // Вопр. философии. - 2001.- № 3. - С. 63.

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

сконцентрировало бы исследовательскую процедуру на получении системного и органически целостного знания. Такого, которое стало бы основанием всестороннего анализа и понимания *мира экономики*, его верифицированное.

Феномен глобализации нарушил стратегический консенсус между экономическим универсумом и свободной человеческой личностью, в результате чего предыдущие формы экономической теории и практики оказались под угрозой масштабного системного кризиса. Его наступление обусловило изучение экономической теории в других контекстах, которые возвращали бы абстрактность, целерациональность стремлений к жизненной конкретности. Пульс трансформационных изменений в социальных, политических, экономических процессах образовал "новые смысловые соединения, структура звеньев которых в каждом частном случае вроде бы как ясна, но общий смысл — не определен, а механизм действия часто тревожит"³. Данные видоизменения, полифония все большего количества инноваций на планете делают проблематичным дальнейшее использование традиционной экономической теории в решении противоречивых задач современного бытия. Собственно, это и стало главной причиной привлечения новых теоретических дискурсов в решении экономических проблем, одним из которых должна стать *«метафизика экономики»*. Вероятно, что в ее рамках возможно более конструктивно осмыслить современные экономику, хозяйственно-экономическую деятельность, экономическую реальность и смыслы экономического бытия.

Сегодня это приобретает особое значение. Французский мыслитель и метафизик *Р. Генен* развил учение о том, что доминирование экономики над социумом чрезвычайно серьезно, поскольку является предельной деградацией общества, человека и денег. Начиная с эпохи Возрождения не экономика служит жизни, а человеческая жизнь служит средством расширения, укрепления экономической сферы за счет сужения, разрушения сакральных и культурных ценностей. *Экономизм* стал базовым средством *искажения социума*, его познания, и самой экономики (не говоря уже о культуре). Не могут печень, рука, сердце, мозг, взятые сами по себе, поменять свое строение, назначение, функции и роль организма; полноценная рефлексия и самопознание их возможны только в целостной жизнедеятельности человека. Так и "в экономике самой по себе невозможна экономическая рефлексия"⁴: раскрыть место, функции и значение экономики в составе общества может лишь метафизическая мысль с ее способностью проникновения в сущность бытия.

Метафизика... Сокровенная привлекательность этого слова в течение веков существования интеллектуальной культуры мышления, науки вдохновляла на поиск окончательных основ бытия мира, смысла жизни человека. Метафизика настраивает на

³ Там же. — С. 58.

⁴ Шулевский Н.Б. Деньги -Логос -Инкогнито мира // Философия хозяйства. - 2008. -№ 2. - С. 170.

В.Д. Базилевич

уверенность в возможности проникновения в сокровенные глубины природной и социальной реальности. Одновременно она создает *мир новых смыслов, которые становятся новой духовной реальностью*. М. Хайдеггер сравнивал метафизику с возделыванием земли. Метафорически метафизика и есть «земля духа», поскольку представляет укорененность, основательность в соблюдении традиций углубленного познания действительности. Метафизика осваивает «новые земли», присоединяет новые пространства, одно из которых — экономическое бытие. Метафизика определяет и обуславливает роль и значение существующего, и в этом отношении должна стать переосмыслением экономического знания, одновременно определив его *новые смыслы, направить их на выявление самого смысла*.

Признаком серьезного научного подхода всегда было обращение к метафизике как к наиболее сущностному способу проникновения в содержание объекта исследования. Но метафизика — философская наука, фундамент философии, поскольку традиционно, со времен *Аристотеля*, носит название «*первой философии*», так как ее предметом являются начала и принципы, основополагающие для философского мышления. Любая развитая философская система невозможна без метафизики, имманентной ее построениям. В отличие от эмпирической науки, направленной на достижение конкретного результата, метафизику интересует *тайна бытия*. Не претендуя на ее окончательное познание, она стремится выявить ее и прикоснуться к ней. Если в эмпирической науке, идущей *от действительности к идее*, отсутствует универсальный метод познания, а истинность производна в зависимости от ситуации, то в метафизике, которая, как и философия, идет *от идеи к действительности*, вера, порыв, внутренняя склонность, образ мышления опережают ее продукт.

Метафизика — философская наука. В таком случае возникает вопрос: каким образом она может быть применена к экономике, имеющей свой предмет, развитую методологию исследования, содержательный теоретический инструментарий и т. п.? В чем смысл применения метафизики по отношению к экономике и выделения в качестве отдельной научной дисциплины «метафизики экономики»? Тем более что сегодня распространение приобретают публикации по «философии экономики», «философии хозяйства», еще больше проблематизирующих целесообразность предмета «метафизики экономики».

Определенное сомнение может вызвать само понятие «метафизика», которое в течение многих лет, в силу доминирования марксистской парадигмы философствования, употреблялось как синоним догматизма и отсталости мышления. В свою очередь, критическое отношение к метафизике было унаследовано марксизмом из гегелевской философии, в которой она предстала как антипод диалектики. Фактически речь шла о необходимости замены *рассудочного* стиля мышления творческим, диалектическим,

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

отождествляемым с *разумом*. Poleмика, происходившая в немецкой классической философии, критически переосмысливала достижения метафизики, особенно в ее нововременной версии, но не лишала ее предмета. Однако в советской философии и политической экономии метафизика утратила статус самостоятельной философской дисциплины. Она рассматривалась как «ненаучный» метод мышления и познания. И сегодня можно встретить негативные оценки метафизики, что свидетельствует о живучести такого к ней отношения. Во всяком случае у тех, для кого философия является синонимом диалектического и исторического материализма, термин «метафизика» может возбуждать только негативные теоретические реминисценции. Для представителей данного методологического подхода соединение «метафизики» с «экономикой» не всегда может вызвать адекватное их содержанию понимание. Здесь уместно замечание Ф.А. фон Хайека, который критикуя «конструктивный рационализм», писал: «Плодотворная социальная наука должна преимущественно заниматься исследованием *несуществующего*: создавать гипотетические модели возможных миров, которые могли бы существовать при изменении некоторых условий. Научная теория должна отвечать на вопрос: что случится, если некоторые условия окажутся не такими, как в прошлом? Задача науки не в накоплении отдельных факторов, а в выдвижении гипотез, способных выдержать систематические попытки их опровергнуть»⁵. Что подвластно метафизике, в силу своего предмета проникающей в смысл и значение вещей.

Для преодоления подобного предубежденного отношения к «метафизике экономики» необходимо показать цель и задачи данного исследования. Ведь речь идет не об обычном, локальном научном дискурсе, благодаря которому можно добавить что-то к уже известному. Цель более глобальна — раскрыть глубинные содержания экономического знания, используя *теоретические и методологические возможности метафизики*. Но насколько это возможно и, самое главное, целесообразно? Опыт многочисленных изложений метафизики европейскими и отечественными философами доказывает, что в общественной науке существует достаточно свободный подход к данной проблеме и какой-то устоявшейся структуры этой дисциплины нет.

Хотя, безусловно, есть определенный круг фундаментальных научных и философских проблем, которых должно коснуться каждое такое изложение. Без них не возможно систематическое изложение философской науки. Это традиционные для философии проблемы, от решения которых зависит сам тип философского мировоззрения или способ философствования: соотношение бытия и небытия (ничто), мышления и бытия, души и тела, духа и материальной природы, трансцендентного и имманентного, рациональ-

⁵ Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода. — М., 2006. — С. 36.

В.Д. Базилевич

ного и иррационального и т. д. Все они могут рассматриваться как по-разному сформулированные варианты или разновидности главной для метафизики *проблемы бытия*. Поэтому вполне уместными выглядят попытки отождествить «первую философию» (метафизику) с онтологией⁶. Экономика — это также учение о бытии, но бытии хозяйствующего человека, направленного в жизнь, в мир. Экономика — феномен универсальный, поскольку является производством не только одних потребительских благ, но производством жизни, бытия человека в целом.

Однако экономика, вопреки точкам соприкосновения по целому ряду пунктов с онтологией, не сводится к ней. Так же и метафизика, исследующая не только общие понятия *сущего*, но и разные способы и уровни бытия этого сущего. Предметом метафизики является *истина сущего* как в его общем, так и в высшем измерениях. Следовательно, онтология переходит в теологию, проявляет необходимую связь с ней. Здесь обнаруживается позиция, согласно которой истинная наука, экономика, философия, религия и т. п. почти не различаются, поскольку универсальны и, по сути, похожи. Ведь религия преследует цель постижения *смысла и ценности Вселенной и нашей с ней связи*, тогда как *цель науки — постижение порядка во Вселенной и природе вещей*. Цель экономики — активное целеполагание, преобразование хозяйственного бытия, продуктивной деятельности по осуществлению жизни, ее экономической благоустроенности и организации. Постигание порядка, ценности и цели — задачи, возможно, не идентичные, но они и не противоречат друг другу.

Приведенные размышления показывают, что выделение «метафизики экономики» как самостоятельного предмета закономерно и логично в контексте развития исследования *этого экономического как онтологического*. Ведь экономика — это не просто сфера производственной деятельности человека (аналог производства), она — мир экономического бытия человека.

Экономика — специфическая организация жизнедеятельности человеческого общества, основанная на специальном разделении хозяйствующего (производящего и потребляющего) общества; она реализует объединение всех действующих агентов в целостный воспроизводящий общественный организм через *товарный обмен* (трудом, благами, условиями и факторами производства, жизни); особенное по качеству хозяйственно-товарообменное хозяйство; тип цивилизационного устройства общества⁷. Если так, то экономика возникает перед нами как *своеобразная Вселенная*, как *специфически экономически обустроенное бытие*. Экономика, таким образом, но своей

⁶ Гусев В.И. Вступ до метафізики. — К., 2004. — С. 9.

⁷ Осипов Ю.М. Философия хозяйства. — С. 356.

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

онтологической сути является предметом метафизики, поскольку ее природа преисполнена метафизических смыслов.

Научно-теоретический дискурс «метафизики экономики» обусловлен необходимостью выявить внутренний, глубинный, трансцендентный смысл экономического бытия, проявившийся в экономическом знании. Но экономического знания не как «отражения» экономической реальности, а знания как истины экономического бытия. Реальность сама по себе — это не абстрактная констатация чего-то безликого, а бесконечная многомерность. С точки зрения *онтологии*, реальность есть «чувственно-сверхчувственная трехсоставная жестко иерархизированная структура, состоящая из аграрно-сырьевого (Премодерн), технократического (Модерн) и виртуально-информационного (Постмодерн) миров»⁸. С позиции *гносеологии* реальность есть деятельность субъективной воли некоего макросубъекта, создающего состояния, находящиеся «между бытием и ничто», между рациональным и иррациональным, между умом и безумием. Это — искусственная среда с творческим вакуумом, любые игровые, имитационные, манипуляционные и другие действия людей. С *патологической* точки зрения реальность — это антимир, живущий хаосом, управляемый хаосом и скрывающий в хаосе сущность и смысл вещей, людей, идей,

С философской точки зрения, реальность есть «метафизическое, метасмысловое» пространство борьбы за бытие, за мысль, за человека. Она — субъективная воля человека, превращающая хаос в порядок, все в ничто и наоборот, создающая и уничтожающая жизнь, человека, мир. Загадка и тайна современной реальности коренятся в *сущности сознания и мысли*, в их тайнах. Поэтому «работа над их совершенствованием, самосознанием, над выявлением их трансцендентных смыслов и оснований рано или поздно обратится не просто в качественно новое понимание реальности, но и просто в нормальную реальность»⁹. Эту работу можно осуществить только с позиций метафизического анализа, что и ставит своей задачей «метафизика экономики».

Учитывая колоссальную роль, которую сыграла для экономики в целом традиционная экономическая теория и ее современная версия — *экономике* (в ее концептуальной части), тем не менее нужно стремиться выходить за ее рамки. Она не то чтобы «устарела», но в целом ряде случаев динамика развития современной цивилизации требует расширения предметного поля экономического исследования. Дело в том, что современное теоретико-экономическое знание должно давать более целостное понимание

⁸ Шулевский Н.Б. Метафизика, наука и пророчество в философии хозяйства Ю.М. Осипова // Философия хозяйства. — М.; Екатеринбург, 2006. — С. 18.

⁹ Там же. — С. 19.

В.Д. Базилевич

изучаемого им предмета экономики. В этом заключается одно из проявлений извечного противоречия между теорией и практикой. Впрочем, ничего особенного в противоречии между реальностью и ее научным отражением нет. Подобные противостояния вообще присущи научному знанию, тем более имеющему дело с неточным, многовекторным, разнообразным, непостоянным, «выскальзывающим» объектом, которым собственно и является экономическое бытие человека и общества. Ничего особенного нет и в периодических «обострениях» данного экономического «онтолого-гносеологического» противоречия. Ведь реальность и человек в ней изменяются, и если наука отстает от перемен, ею осуществляемых и ею же обусловленных, то она попадает в состояние кризиса, из которого «обязана выбираться через изменения (метаизменения) своей аксиоматики и всей теоретической конструкции»¹⁰.

Состояние, в котором находится традиционная экономическая наука, выделяет задачу необходимости поиска и создания новых подходов к обобщающему знанию об экономической реальности и экономической деятельности человека. То есть знания, преодолевающего недостатки и разногласия существующей теоретической мысли. Иными словами, речь идет о развитии архитектоники имеющегося экономического знания, которое должно стать достойным дополнением современной экономической теории. Вся история экономической науки свидетельствует, что развитие теоретической экономики в рамках присущих ей парадигм периодически исчерпывается, требуя нового содержания и новой формы. *Поэтому сегодня нужна не только экономическая теория в традиционном понимании, но и новые обобщающие теоретические, методологические подходы к осмыслению актуальных экономических проблем, количество которых неуклонно возрастает.*

Определив «метафизику экономики» как методологию качественно новой экономической теории, мы исходим из других основ понимания экономики в качестве объекта познания. Она возникает не только как «товарообменное хозяйство», не только как «общественное производство» («производство»), но как колоссальный мир, «космос» (М. Вебер), «мир экономики». Его нельзя определить традиционными словами, нельзя проникнуть в его внутреннее содержание с помощью привычных методов. Оказывается, что этот мир, «вселенная экономики», преисполнен глубокими смыслами, многозначными символами, трансценденциями, нераскрытыми сущностями и т. д. «Мир экономики» — это не внешнее по отношению к человеку бытие. Он опосредствован деятельностью человека и в данном смысле преисполнен *социальности*. Что означает энергию конкуренции, свободу выбора, духовное напряжение социальных групп, страт и сообществ, изменение парадигм

¹⁰ Там же. — С. 410.

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

управленческих моделей и т. д. Все это превращает экономику в мир *«экономического бытия»*. Она стала экономической реальностью, *«третьей природой» бытия человека*. «Первая» природа как природа, «вторая природа» культура, и экономика — «третья природа», поскольку вне ее невозможна ни социофизическая, ни культурная жизнь человека и общества.

Экономика не возможна вне бытия человека, что делает необходимым существование особой сферы — сферы экономического бытия. Фундаментальная смысловая связка: *экономика и организация, организация и экономика* означает *движение, цель, проект, управление, производство*, в свою очередь порождающие *бытие, жизнь и экономику, экономику и бытие, жизнь*. Экономика человека — это дело общественное, что означает не просто действие отдельных людей, их развитие, а целый мир человеческих движений и действий, причем преимущественно не параллельных по отношению друг к другу, а взаимосвязанных и взаимообусловленных. Экономическая деятельность невозможна без взаимосвязанного и взаимообусловленного хозяйствования индивидов в их общественной целостности. Речь может идти об особом сообществе — семье, общине, социуме человечества в целом. Но сообществе как *экономическом целом*, причем активном, а значит, преисполненном внутренней духовной энергии, иррациональными силами и рациональными детерминациями и ожиданиями. Такие факты человеческого бытия обуславливают существование *экономического бытия* в полифонии его смыслов.

Чем выступает экономическое бытие, если мы применяем по отношению к нему метафизический анализ? Его не нужно понимать как нечто сугубо внешнее, в качестве «объективной реальности», противостоящей субъекту экономической деятельности. *Экономическое бытие* — это фактическое бытие человека, поскольку «пронизано» его экономической деятельностью. Если экономика является сферой производственно-хозяйственной деятельности человека, то она одновременно неотъемлема от человеческой жизни и ее смыслов. В данном плане она возникает как *метафизическая реальность*, поскольку наше знание о ней выходит за пределы чувственного восприятия и эмпирического опыта. И наоборот, мы знаем экономическое бытие *не таким*, каким его непосредственно видим, и не благодаря тому, что видим. На самом деле мы знаем мир экономического бытия таким, *каким его мыслим, постигаем с помощью разума*. А это означает, что в самой реальности есть нечто, не воспринимаемое «физическими глазами», но благодаря чему мы знаем, познаем эту реальность. В самой экономической реальности мы можем, таким образом, выделить то, что является предметом чувственного опыта (*феноменальная реальность*), и то, что постигается лишь *мышлением*, или, иначе,

В.Д. Базилевич

*реальность ноуменальную*¹¹. И если традиционная экономическая наука, используя мышление, рациональные методы и средства познания, стремится познать прежде всего мир чувственных явлений (мир эмпирически-конкретного экономического существования), то есть *мир экономики феноменальный*, то метафизика, переступая границы чувственного (конкретно-эмпирического) опыта, имеет своим предметом сферу экономической реальности, постигаемую самим только *разумом*, или *экономическую ноуменальную реальность*. Именно благодаря познанию этой сферы экономической реальности «метафизика экономики» имеет намерение отыскать средства истинного знания экономических вещей, познать их таковыми, какими они *есть*, а не таковыми, какими они *представляются*, кажутся нам.

Чем обуславливается ноуменальность экономического бытия, которое создает возможности для его метафизической рефлексии? В «очеловечивании» самого экономического бытия, в проникновении человека во все сферы экономического существования. И проблема здесь не в пребывании человека в реалиях экономического бытия, а в самом факте существования человека. Ведь *вопрос* о бытии человека, который должен вывести из *догматической объективности* фиксированных альтернативных мировоззрений, в качестве такового совсем не однозначней. То есть вопрос не заключается лишь в противопоставлении: *человек (субъект) — экономическое бытие (объект)* и в итоге — «*экономизированный*» (экономический) человек и «*очеловеченное*» экономическое бытие. Дело в человеке, который «*всегда больше того, что он знает о себе*» (К. Ясперс). Он не одинаков во всех случаях, он есть путь; не только в качестве существования, установленного как пребывание, но и как существующая в нем возможность, дарованная свободой, исходя из которой человек еще в своем *фактическом* деянии решает, кем он есть.

Экономическое бытие человека — не кругооборот, просто повторяющийся в поколениях, и не четкое, открывающее себя, *существование*. Человек «прорывается» через пассивность эмпирических вещей, постоянно окружающих его в процессе экономической деятельности. От *активности* человека зависит продолжение развития к «*незнакомой*» (*непознанной*) *цели*. Поэтому человек «расщеплен» в глубине своей сущности. Как бы он ни мыслил себя, но мысля, он противопоставляет себя себе и всему другому. Все вещи он видит в противоречиях, таких как феноменальная и ноуменальная стороны экономического бытия.

Сущность общественного развития заключается в его постоянной динамике. В силу этого смысл экономического бытия, неотъемлемый от социального прогресса, каждый раз

¹¹ Гусев В.И. Вступ до метафізики. — С.19.

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

изменяется, становится иным, постоянно актуализируя проблему: «расщепляется» ли человек как дух и плоть, как рассудок и чувственность, как душа и тело, как обязанность и склонность? Противопоставляются ли его бытие и его проявление, его деятельность и мышление, то, что он делает, и то, что он предполагает делать?¹² Все это, несмотря на неопределенность, составляет содержание человека. Решающее в нем - человек должен постоянно противопоставлять «себя в себе», то есть определять свое «Я» в противоречиях экономического бытия. Тем самым его развитие обуславливается уровнем определения человеком собственных противоречий. Так, как нет человеческого бытия без дуальности, противопоставления разных смыслов, так *нет и экономического бытия без проникновения в него чисто человеческой проблематики*. То, как человек преодолевает свои противоречия, составляет условие и способ проникновения в *сущностную* проблемность экономического бытия. В этом заключается атрибутивность человеческого бытия по отношению к экономическому бытию и наоборот.

Характеристикой данной взаимосвязи является возможность человека превращать себя в *предмет познания*. То, что он познает в экономическом опыте как собственное существование, и то, что находится в его основе, человек считает своим *действительным бытием*. То, что он есть в действительности, — его сознание; то, чем есть сознание, — результат экономического прогресса, социальных условий, жизненной среды. Это *иное* для человека бытие, сущность которого находит отражение в его проявлениях как *сознание*. А это — вещи мира метафизического, не вмещающегося в измерения чувственного (конкретно-эмпирического) опыта.

Смысл такого сознания в том, чтобы «снять» напряжение размышления через его отождествление с экономическим бытием. Данный процесс выступает в двух измерениях: в первом — человеческое бытие возникает как внешнее по отношению к смыслам человеческого существования, и в этом отношении оно не может быть ничем иным, как просто *эмпирическим существованием*, важным для традиционного, субъектно-объектного познания. Если же перед человеком возникла необходимость познания самобытия, то оно не может оставаться в состоянии стабильности, поскольку смысл экономического развития раскрывается перед ним как «*зов бытия*» (М. Хайдеггер) или как призыв к своей свободе. Исходя из этого, человек в экономическом бытии реализует себя, *становится тем, кем он может быть, но пока еще им не стал*. В качестве свободы он проникает в скрытые трансценденции экономического бытия. Трансценденция является условием раскрытия скрытых смыслов экономической реальности, составляющих собственно *основание тождественности бытия экономического и человеческого* (духовного).

¹² Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1994. — С. 378.

В.Д. Базилевич

Тождественность заключается в проникновении мышления в содержание экономического бытия. Стремление выйти за пределы опыта и, следовательно, за границы феноменального мира — вполне естественное стремление человека к истине. Не только метафизика, но и каждая наука, исследуя свой эмпирически данный предмет, стремясь понять, каков он есть на самом деле, обращается к аспектам действительности, находящимся за пределами видимого мира. Все наше познание пронизано своеобразной метафизикой, оперирует понятиями, содержание которых выходит за пределы того, что мы непосредственно видим или ощущаем¹³. Это также касается экономического познания, которое, в силу взаимосвязи с объектом познания (экономическим бытием), «проникнуто» метафизикой. Она придает этим познавательным усилиям завершенный и принципиальный характер, доказывает разрозненность видимого и реального, феноменального и ноуменального, эмпирического и теоретического к определенному логическому выводу. «Познание, — говорил К. Ясперс, — находится в руке человека, который его охватывает, однако сам для себя он что-то совсем незавершенное, которое не допускает завершения, переданное некоторому другому. Мысля, он лишь освещает себе путь»¹⁴.

Метафизика представляет собой исследование последней, конечной реальности. Может ли быть ею реальность экономическая? Ведь последняя — это и реальность, к которой мы доходим или стремимся дойти в процессе *преодоления видимости* в наших поисках истины экономического бытия. Истина является той реальностью, которая выходит за пределы видимого экономического мира, но именно она дает нам возможность понимать и познавать этот мир экономики. Все сказанное еще раз утверждает неотделимость метафизики от экономики. Следовательно, нельзя подходить к данной проблеме с точки зрения сомнения или просто отрицания. Не может быть к ней никакого отрицательного отношения, поскольку легитимность «*метафизики экономики*» обусловлена сущностью самой метафизики как философской науки. Она заключается в том, что в поисках такой основы, или начала, метафизика должна принять во внимание не только частные явления или системы явлений, не только естественный мир, но и всю совокупность явлений общественной жизни, в которой сфера экономического, в силу своей тотальности, есть определяющая. Помимо того, во внимание принимается не только внешний по отношению к человеку мир, но и *мир внутренний, духовный*. Неотъемлемость экономики от жизни человека, ее наполненность социальностью поднимает проблемы «духа» и «души» экономики в качестве извечных метафизических проблем.

¹³ Гусев В.И. Вступ до метафізики. — С.19.

¹⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. - С.64.

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Вышеприведенные размышления отвечают на вопрос: «Что может познавать метафизика экономики?». Не менее важно выяснение проблемы ее *предназначения*. Оно заключается в обеспечении «метафизикой экономики» перехода современного экономического знания к новому способу теоретического осмысления экономической реальности. Определив всеобъемлющесть *онтоса экономического*, опосредствующего развитие всех сфер социального бытия, новые параметры существования человека, мы приходим к необходимости привлечения в научный арсенал *теории обобщающей*, то есть *теории мировоззренческого типа* в новых концептуальных определениях. Это не означает, что все накопленное экономическое знание подлежат сплошному отрицанию и забвению, наоборот, это было бы ошибкой. Следует не отрицать, а продолжать пользоваться достижениями экономической теории, особенно в той ее части (компонентах, элементах), которая остается эффективным достижением человеческой мысли, соразмерной экономической реальности. Помимо того, нужно творчески развивать накопленное знание, стремясь при этом к его продуктивной, позитивной трансформации.

Сегодня человечество живет в условиях *информационного общества*, позволяющего каждому индивиду пользоваться неограниченным объемом существующего знания. Возникает проблема выбора знания. Это имеет прямое отношение и к экономическому знанию, которое в силу своей дифференцированное, разветвленности и популярности является, возможно, наиболее разнообразным, множественным и необъятным. «Метафизика экономики» актуализирует экономико-теоретическую проблематику, усиливающую ее конкурентоспособность. Последняя достигается благодаря *интересу*, который могут вызвать к себе экономический дискурс, экономическая теория, суждение, экономическая идея, взгляд и т. д. Поэтому необходимо учитывать обращенность метафизики к *внутреннему*, духовному миру человека. Раскрытие его содержания позволит преодолеть деформации реальности, непосредственно имманентной теоретической экономии, то есть той реальности, которую она сама для себя избрала для отражения. Понятно, построения теоретической экономии очень даже привлекательны, достаточно внутренне логичны, но при серьезной «метапроверке» не всегда выдерживают сравнение с реальностью. Оказывается, речь идет больше о свободных интеллектуальных построениях *по поводу* предмета отражения, чем об *интеллектуальном* отражении собственно самой действительности. О внутреннем же содержании действительности, соразмерной внутренним смыслам человеческого существования, речь вообще не идет. «Метафизика экономики» должна соединить этот разрыв, вывести теоретический поиск смыслов экономической реальности на ее *максимальную мыслимость*.

Определяя философию как науку, *И. Кант* писал: «Философия есть наука об отношении всякого знания к важным целям человеческого разума». Метафизика фило-

В.Д. Базилевич

софское знание, приносящее продуктивную пользу. Внедряя метафизику в экономику, мы тем самым, вместо того, чтобы спрашивать, что такое капитал, стоимость, труд, собственность и т. д., можем задавать вопрос: *как должен быть* устроен «мир экономики», чтобы события под названием «экономическое мышление», «экономическая мысль» могли состояться? Как может и как должен быть устроен «мир экономики», чтобы в нем могло происходить движение финансовых потоков? Как возможно событие под названием «целерациональное действие» по реализации, например, «идеи денег», и будет ли воспринято это событие, если мы подошли к его решению? Как вообще возможна динамика экономической деятельности и в каких параметрах — рациональном или иррациональном, теоретическом или эмпирическом, чувственно-конкретном или трансцендентном? Способен ли человек — духовный, культурный и т. д., жить в условиях тотальности «денежного строя»? «Метафизика экономики» возможна в той мере, в какой старается выявить условия, при которых мысль, осмысленное знание способны осуществиться как выражение состояния экономического развития.

Нет необходимости убеждать, что *экономическая наука* и «*метафизика экономики*» — разные течения познания экономической реальности, которые ищут и выделяют в ней *общие объекты*, несмотря на различные взгляды на один и тот же реальный объект. И нет проблемы «или - или», а есть одна большая когнитивная проблема, выяснение которой предусматривает разные подходы — научный и философский или экономический и метафизический. Выводы в них могут быть разными настолько, что нужно говорить лишь о возможностях дополнения одного знания другим (метафизического экономическим и наоборот), иногда довольно противоречивых.

«Метафизика экономики» не выходит за *рамки экономической науки, экономической теории* или *теоретической экономики* (с конкретными дисциплинами метафизика экономики, как и философия хозяйства, не конкурирует). Выход за рамки в решении отдельных проблем нужно раскрыть как получение другого, более широкого и глубокого предмета, который не «улавливается» и даже отрицается эмпирической экономикой. Толчком к выходу в более объемное пространство может быть неудовлетворенность научно-экономическими решениями, во всяком случае в определенном ракурсе и в определенной сфере познавательного интереса. Но сам по себе выход метафизики на экономику имеет, кроме критически-отрицательного отношения к догматизму, присущего мышлению, ориентированному на отжившие стереотипы, также *смысловую корреляцию*. Для «метафизики экономики» не имеют решающего значения оценки теоретической экономики: есть она или ее нет, хорошая она или плохая и т. д., поскольку у человека мыслящего, думающего всегда обнаружится достаточно вопросов, которые можно решить в первую очередь лишь на уровне философского размышления. Его важной составляющей

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

является *метафизическая рефлексия*. Тем более что экономическая наука — результат культурного освоения бытия и соответствующей культуры мышления.

У метафизики, как и у философии или религии, могут быть разные ответы на запросы бытия — серьезные, ненадуманные, выверенные, которые не так легко отвергнуть. Речь идет, конечно, не только о конкретных, но об ответах абстрактного, обобщающего, мировоззренческого характера, касающихся *начала начал*. Если формализованное, догматическое мышление везде обедняет и упрощает ответы на чрезвычайно сложные вопросы, то метафизика, наоборот, наполняет их *содержательностью*.

«Метафизика экономики» способна задавать свои вопросы и отвечать на них по-своему. Тем более, что традиционная экономическая теория метафизические вопросы не поднимает или почти не поднимает. Но есть и такие вопросы, на которые «метафизика экономики» как философская наука может дать ответы, отличные от научно-экономических, то есть которые могут «посоревноваться» с экономической теорией. Неужели у человека, стремящегося познать сущность и смысл экономического бытия, нет вопросов, подходящих именно для «метафизики экономики»? Неужели для человека, занимающегося активной экономической деятельностью, так уже все ясно в собственном экономическом бытии? Неужели ему не интересны фундаментальные начала экономики вообще и любые экономические проекты, имеющие место в жизни? Нет сомнения, что человеку есть над чем задуматься в этом плане, так же, как есть и то, ради чего нужно получить ответы на надлежащем интеллектуальном и познавательном уровнях. Человек сознательный, мыслящий не может заниматься экономическим делом вслепую. Особенно сегодня, в эпоху науки и техники, во время колоссального продуктивного творчества и грандиозных свершений, в период все более усиливающегося потока новых открытий. Следовательно, есть над чем поразмыслить человеку экономически деятельному, хозяйствующему, человеку познающему. «Метафизику экономики» окружает множество проблем и вопросов, требующих разные и многозначные ответы.

Для «метафизики экономики» как философско-теоретической науки в объектах ее интересов все интересно, все важно, все нужно. И то, что привычно называется экономическим, и то, что называют социальным, технологическим, политическим, психологическим, культурным, духовным, этическим, эстетическим и т. д. Ничто для нее не чуждо. Это есть ее синтезность, нацеленность на восприятие разнообразия бытия¹⁵. Дело здесь — в метафизике, которая может позволить себе быть тождественной, соответствующей *смысловому богатству бытия*. Она способна к эффективному познанию любого

¹⁵ Осипов Ю.М. Философия хозяйства. — С. 63.

В.Д. Базилевич

«особенного», поэтому экономическое в контексте метафизики легче определить как экономическое, что не всегда удастся *эмпирическому экономическому знанию*, часто отделяющему *экономическое от всего*, как ему кажется, *неэкономического*.

Экономика — выражение самого бытия, самой жизни. Не *экономика в бытии и жизни*, а *бытие и жизнь как экономическая реальность*. Из такого начала начал проистекает практически все, что может касаться реализации бытия и жизни с экономической точки зрения. Экономика является сферой производственной деятельности человека, к которой можно с полным правом отнести политику, Цивилизацию, воспитание, войну и все иное, которого так много. И все оно — производство всего и вся. «Идей, например, обычаев, правил, навыков. Тоже ведь производство. А производство людей, отношений между людьми, социальных институтов, обществ — что это, если не производство, если не хозяйство?»¹⁶. Там, где хозяйство, там и экономика. Этот краткий перечень показывает, что может стоять за *экономическим*, какое смысловое богатство, какие познавательные возможности. Конечно, в поле зрения «метафизики экономики» возникает не все *бытие* и совсем не *вся жизнь*, но само бытие и жизнь в довольно полном масштабе. «Метафизика экономики» отталкивается от бытия и жизни *в целом*, и это ее большое достижение, но и большая проблема.

«Метафизика экономики» не ограничивается *феноменальным* рядом, характерным для экономической реальности, ее интересует *ноуменальный (сущностный)* ряд, поскольку метафизика не может обойти глубинную сложность бытия. Не фиксация вещей и их отношений характерна для «метафизики экономики», а *проникновение* в сущность вещей, а также в *сущность*, стоящую за вещами. Ничто не может остановить «метафизику экономики», ведь она, кроме теоретического осмысления, основывается на свободном созерцании и представлении, то есть на всем, что не имеет априорно заданных границ. Она не боится сокровенности, утаенности мира, его трансцендентности, принимая во всей его сложности.

Цель и задачи «метафизики экономики» наделить человека не просто необходимым знанием, но нужным и таким, которое можно постигнуть. Ф. фон Хайек писал: «Чтобы человек не сделал больше зла, чем добра, в своих попытках улучшить социальный порядок... он должен применять такое знание, которое может постичь: не изготавливая его результаты по заданному образцу, подобно тому, как ремесленник создает свое изделие, а скорее культивируя его рост путем формирования подходящей среды, подобно тому, как это делает садовник для своих растений»¹⁷. Решение данной задачи обусловлено потребностью выйти за рамки традиционных методологических подходов, присущих

¹⁶ Там же. — С. 64.

¹⁷ Хайек Ф.А. Претензии знания // Вопросы философии. — 2003. — № 1. — С. 176.

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

теоретической экономии. Но это не означает согласия с тем, что как «политэкономическая, так и экономиксная» (Ю.М. Осипов) обобщающие парадигмы есть преимущественно научно-технологические (сциентические) парадигмы механистически-материалистического образца. Несмотря на иногда абстрактный характер, в них все же остается место для человека как микрокосма, имеющего мировоззрение, дух, душу, сердце, традицию, культуру, нравственность и т. п. В них все не так упрощенно и схематично, особенно в новейших интерпретациях, характерных для того же «*Экономикса*», являющегося одним из вариантов политической теоретической экономии.

В некоторых концепциях экономика (как и человек) рассматривается прежде всего как «машина». Даже социальность, присущая политэкономии, находится под прессом все того же ограниченного схематизированного толкования общества, разделенного на группы, сообщества и классы, стремящиеся к пользе и выгоде. Их достижения регулируются больше *законом*, чем внутренними духовно-моральными ориентирами. В связи с этим жизнь человека — а жизнь эта может происходить лишь в развертывании экономико-хозяйственной деятельности — или представлена в современном теоретическом знании слишком формально, а потому и не совсем реалистично, или представлена лишь частично. Как следствие, без внимания остается очень многое из относящегося к хозяйству, к экономике, но считающегося чем-то таким, что не входит в сферу интересов экономической науки. Иными словами, современное теоретико-экономическое знание данного образца не заполняет *все смысловое пространство* того реального феномена, который можно было бы определить как экономику, а в более широком смысле — как хозяйство. В таком случае, разумеется, теоретическое знание не постигается, что не приводит к усвоению смыслов экономического бытия.

Подчеркнем, что «метафизика экономики» не определяется как «отражение общественного бытия» или наука о наиболее общих экономических законах. Она взаимосвязана с экономической наукой и ее законами, но исследует *глобальные и глубинные сущностные аспекты* отношения человека и бытия, человека и культуры, человека и человека. Многомерное восприятие не может быть только объективным, поскольку научно-практический опыт ограничен в понимании некоторых процессов, например *иррациональных*. Стремление «метафизики экономики» рассматривать экономическую реальность как целостность связано с тем, что все существующее, мир конкретных хозяйственных и экономических явлений, есть «лишь фрагмент, к которому необходимо додумать дополняющую его реальность»¹⁸. Метафизическое осмысление

¹⁸ Осипов Ю.М. Философия хозяйства. — С. 20.

В.Д. Базилевич

экономического бытия учитывает трансцендентность его смыслов, тождество и различие рационального и иррационального, призывает искать целостность «мира экономики».

Предложенные «метафизикой экономики» предмет и методы исследования выходят далеко за рамки традиционных подходов, основанных на отличии экономики как конкретно-практической науки и философии — чисто мировоззренческого знания. Не вызывает сомнения, что «метафизика экономики» станет полем острых теоретических дискуссий в профессиональной среде — как экономистов, так и философов. Очевидно, здесь нужно исходить из того, что в условиях, когда во многих случаях экономисты разъединены профессионально, идейно, теоретически, методологически, когда развитие экономической методологии показало, что трудности общения между сторонниками разных научных парадигм имеют достаточно глубокие гносеологические корни, — вопрос о взаимопонимании и профессиональном общении внутри научного сообщества приобретает новое звучание, вырастая в одну из главных проблем функционирования экономической науки. Соответственно, распространение, творческое воплощение, культивирование в среде ученых-экономистов идей и принципов «метафизики экономики» станет приоритетным и продуктивным направлением дальнейшего развития «космической» всеобъемлющести экономических знаний.

Неуклонный рост масштабов и глубины методологических исследований в сфере экономики создал реальную потребность в укреплении элементов экономического знания и институтов научного сообщества, поддерживающих механизмы внутри научной коммуникации, обеспечивающих взаимопонимание между экономистами разных специализаций и научных направлений. Появление «метафизики экономики» выдвигает принципиально новые подходы к построению картины экономической реальности. «Метафизика экономики» в ситуации Постмодерна является отражением творческой энергии экономики, устремленной к финансовой экономике. Базовые элементы Модерна отрицаются Постмодерном, порождая другие темпоральные измерения, требующие *активного включения интеллектуальных усилий субъекта в объективные процессы*. Не вызывает сомнения, что глубинность экономических процессов, определяющих прогресс реальной социальной действительности, цивилизационное развитие, может быть выявлена «работающей трансценденцией» (Ю.М. Осипов) «метафизики экономики». Она синтезирует с практикой экономического бытия вечные вопросы жизни человека. И в этом — продуктивная сила возможностей «метафизики экономики».

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Анатолий Александрович Пороховский,

зав. кафедрой политической экономики

МГУ им. Ломоносова,

д-р экон. наук, профессор.

Статья посвящена рассмотрению ключевых проблем модернизации и инновационного развития экономики стран СНГ. Основное внимание уделено исследованию роли реализации экономических интересов всех уровней – частных, корпоративных, национальных – и роли государственных институтов в этом процессе. Отдельно показана взаимосвязь экономического наследия М.В. Ломоносова с современными проблемами стран СНГ.

Ключевые слова: экономические интересы, ответственность экономических агентов, роль государства в экономике, модернизация, развивающееся мышление.

A. Porokhovsky. CONTEMPORARY DEVELOPMENT AND ECONOMIC INTERESTS.

Article is devoted to analysis of key issues of CIS economy modernization and innovation development. Main attention is paid to research the role of realization of all levels economic interests – private, corporate, national – and the role of government's institutes in this process. Separately it was shown the intraconnections between M.V. Lomonosov's economic heritage and contemporary CIS problems..

Keywords: economic interests, economic agents, responsibility, government role in economy, modernization, development thinking.

Первый в XXI столетии мировой экономический кризис вызвал невиданные ранее изменения в экономическом и социальном развитии всех стран мира. По-разному национальные экономики пытаются нивелировать последствия этого кризиса и найти собственную траекторию своего дальнейшего движения вперед. Меняется структура мировой экономики, все большее значение приобретает модернизация и ее ключевая составляющая – инновационное развитие.

Непростые вопросы требуют решения в России, Украине и других странах СНГ. Двадцатилетие рыночных реформ в постсоветских государствах пока не привело к росту эффективности экономики, к повышению производительности труда как главного мерила прогресса. Идет поиск решения существующих проблем. Стало очевидным, что прежними методами ни государству, ни бизнесу, ни обществу не найти ответы на усиливающиеся вызовы. обострение противоречий достигло такого уровня, что больше невозможно откладывать их разрешение.

Среди них ключевую роль играет реализация экономических интересов всех участников модернизационного процесса. Инновационному развитию России и других

стран СНГ и проблемам модернизации их экономик посвящена большая монографическая и периодическая отечественная литература [1]. Немало этим вопросом уделяется внимание и в зарубежных изданиях [4]. Начиная со старта рыночных преобразований в 90-е годы прошлого века определённые надежды возлагались, на формирование институциональной среды. Считалось, что становление и развитие соответствующих институтов позволит полностью раскрыть потенциал и энергию как наёмных работников, так и предпринимателей и государства. Через двадцать лет оказалось, что число и многообразие институтов само по себе не становится фактором прогресса. Обнаружилось, что дело не в количестве законов, а в механизме и обязательности их исполнения. Стало очевидным, что неэкономические факторы продолжают довлеть над объективными закономерностями рыночного развития, в результате чего подавлен конкурентный механизм, нередко беззащитными оказываются собственники и компании, а экономика в целом до сих пор не может выйти на адекватную информационно-технологическому этапу структуру.

Особо важное место занимает институт частной собственности. Исходя из истории развитых стран считалось, что приватизация государственной собственности резко повысит эффективность экономики и поднимет качество жизни населения. И хотя сегодня доля частного сектора в СНГ не уступает развитым экономикам, большинство отраслей в упадке, а производительность труда продолжает в разы отставать от ведущих стран. Получается, что частный собственник становится эффективным и производительным не обязательно потому, что он *частный*, а при определённых условиях. Такие условия создают государство и общество.

Воспитанные неоклассической теорией и современными реалиями, участники рынка настроены на выполнение установившихся «правил игры», которые имеют экономическую основу и юридическую форму. Утверждение последней целиком зависит от государственных институтов - исполнительной, законодательной и судебной властей. В целом именно государство выступает гарантом как рыночной системы, так и механизма её функционирования. Такой вывод следует из политико-экономического подхода к современным реалиям.

В чём причина, что до сих пор этот механизм не привёл к прогрессу, не способствовал установлению в СНГ современного технологического уклада, не включил возможности образования и науки в решение накопившихся проблем? Можно ли найти оптимальное соотношение между предпринимательским творчеством, административным ресурсом и качеством жизни граждан страны? Теоретически решение очевидно, практически оно реализовано во многих странах с разными историческими традициями.

Было бы наивным упрощением надеяться на простое решение указанной проблемы. Уже не раз подчёркивалось многими авторами, что страны СНГ нуждаются в собственной модели инновационного развития подобно тому, как японская модель не

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

похожа на китайскую, а сингапурская - на малазийскую, хотя все опираются на рыночные принципы. Элементарный вопрос «Кому это выгодно?» выводит на экономические интересы всех участников рыночного развития.

Политическая экономия и экономические интересы

Институционализация и персонификация экономических интересов предполагает, что они делятся на две большие группы - частные и общественные интересы. Среди частных интересов можно выделить индивидуально - частные (в том числе интересы наёмных работников, а также лиц, обладающих частной собственностью) и предпринимательские интересы, «включая интересы малого, среднего и крупного бизнеса.

Общественные интересы могут выражаться государственными институтами и тогда они выступают как национальные экономические интересы или они выражаются разного рода общественными некоммерческими организациями, которые представляют какие-либо части или всё общество. Детализация каждой группы экономических интересов зависит от сложности и развитости экономики, структуры общественного и государственного устройства. В рыночной экономике роль локомотива развития принадлежит **частным** интересам, а вот скорость движения такого локомотива целиком зависит от **общественных** интересов.

Достижения любого вида интересов связано с деятельностью человека, который может быть либо в частном секторе, либо занимать различные должности на государственной службе или других организациях. Деятельность государственных институтов как раз и призвана следовать национальным интересам, в том числе и национальным экономическим интересам. Поскольку государственные и общественные институты существуют за счёт граждан и бизнеса, постольку национальные экономические интересы должны способствовать росту благосостояния населения и эффективности предпринимательства.

Природа частного интереса такова, что получение дохода или прибыли достигаются любым способом, если в обществе царит атмосфера вседозволенности, которая порождает безответственность. Такую ситуацию описал в 1860 г. английский профсоюзный деятель Т. Даннинг: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сложить себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому». [3]

Если в развитых рыночных экономиках такое явление встречается от случая к

случаю, то в современной экономике СНГ оно имеет широкое распространение. В этом повинен не только правовой нигилизм. Безответственность на всех уровнях государственного управления, стремление чиновников извлечь дополнительные доходы за счёт бизнеса и населения по существу потворствуют и безответственности предпринимателей и граждан.

В рыночной экономике государство в лице своих институтов и служащих не может не быть примером исполнения своих общественных функций, примером выражения и защиты национальных экономических интересов.

В литературе нередко национальные экономические интересы связываются с внешнеэкономическими отношениями. Между тем базовые национальные интересы реализуются в национальной экономике. Именно отсюда формируется весь комплекс национальных интересов. Прежде всего, экономическая атмосфера в стране зависит от тех «правил игры», которые задаёт государство с помощью законодательства, экономической политики и формирования общественного мнения. Фактически через «правила игры» реализуются как национальные, так и частные экономические интересы. Поэтому столь важно, каковы в стране «правила игры», на какую деятельность они нацеливают бизнес, видит ли в них население тактику и стратегию общественного развития. Без преувеличения можно сказать, что **«правила игры» выступают своеобразным приводным ремнём между частными и общественными интересами**. Если в основе «правил игры» лежит реальный конкурентный механизм и при этом государство поддерживает адекватные времени и уровню развития экономически общественные блага, то процесс модернизации становится имманентно встроенным и не требует никаких дополнительных мер и призывов. *Конкуренция отсекает отсталое, а общественные блага обеспечивают фундамент прогресса.*

«Правила игры» должны быть равными и доступными на всей территории страны, что тем самым делает *единым* национальное экономическое пространство. В этом случае хорошим примером являются экономики развитых стран, которых сегодня по методологии МВФ насчитывается 35. В полной мере этот принцип реализуется и в КНР, экономика которой прочно закрепилась на втором месте в мире по величине ВВП после экономики США. [5]. Для России и других стран СНГ актуальность единства экономического пространства чрезвычайно высока. В условиях растущей конкуренции в мировом хозяйстве и усиливающейся неравномерности развития отдельных стран и регионов удержать в национальных границах громадную российскую территорию можно только экономически. Поэтому рыночная инфраструктура становится цементирующим элементом такого пространства. Получается, что среди национальных экономических интересов ясно выделяются не только конкурентные «правила игры», но и поддерживаемая государством *рыночная инфраструктура страны*.

Размер этой главы не предполагает рассмотрения всей совокупности частных и национальных экономических интересов и их взаимосвязи. Эффективная с точки зрения

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

общества реализация частных и национальных интересов предполагает не только высокую ответственность перед обществом всех субъектов этих интересов, но и такой настрой деятельности государственной бюрократии, когда любой конфликт частных и национальных интересов на любом уровне госслужбы должен разрешаться в пользу общества. Если госслужба превращается в разновидность бизнеса, то это плохо и для общества и для бизнеса. В такой среде ни обычная модернизация, ни современная инновация не приживутся. Теряется доверие и к предпринимателям, и к государству. А без доверия нет прогресса.

Стоит вспомнить наследие М.В.Ломоносова

19 ноября 2011 г. исполнилось 300 лет со дня рождения М.В.Ломоносова. Это событие отмечалось во всем мире, но особенно оно важно для России, стран СНГ и МГУ, который с 1940 г. носит имя М.В.Ломоносова. Он в 1754 г. выступил инициатором создания Московского университета. Всей своей научной, творческой и общественной деятельностью он ратовал за национальные интересы России. За сто лет до отмены крепостного права М.В.Ломоносов направил И.И.Шувалову свою работу «О размножении и сохранении российского народа», подписанную 1 ноября 1761 г. Автор привлекает внимание к роду своих «мыслей, простирающихся к приращению общей пользы» и надеется, что «найдётся в них что-нибудь к действительному поправлению российского света служащее...» Наряду с обозначенным в названии вопросом М.В.Ломоносов указывает на следующие проблемы:

1. «О истреблении праздности;
2. О исправлении нравов и о большом народе просвещении
3. О исправлении земледелия;
4. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств;
5. О лучших пользах купечества;
6. О лучшей государственной экономии;
7. О сохранении военного искусства во время долговременного мира». [2]

Хотелось бы обратить внимание читателей не методологию решения стоящих перед императорской Россией проблем, предложенную М.В.Ломоносовым. Автор прямо указывает, что простому люду, другим сословиям станет лучше, если в стране будут решены общегосударственные проблемы. В современной России, продолжающей поиск модели национального развития в начале XXI века. Поднятые М.В. Ломоносовым перед И.И. Шуваловым проблемы по-своему актуальны. Можно рассуждать о различиях в масштабе и глубине вопросов, об особенностях государственной машины царской власти и России наших дней, но нельзя не видеть, что без решения общих вопросов не могут быть решены и частные проблемы.

Как уже выше отмечалось, каждый этап развития национальной экономики по-своему переживает модернизацию. Каждый раз для этого требуется соответствующая

А.А. Пороховский

институциональная среда. Модернизация - *объективный процесс* в рыночном развитии при *субъективном исполнении*. К числу субъектов модернизации относятся и высшие государственные институты.

Без модернизации не обойтись

В самом общем и простом смысле модернизация - это обновление, которое является неотъемлемым элементом нормального рыночного развития. Если исходить из того, что переходный период от планового хозяйства на рыночные рельсы движения завершился, то постсоветская экономика может выходить на траекторию общепринятого рыночного развития. В этих условиях модернизация нужна абсолютному большинству населения, которое надеется на улучшение своей жизни, на приближение её стандартов к уровню передовых стран.

Что тормозит модернизацию? Политическая экономия дает простой ответ: с точки зрения функционирования рыночного механизма модернизацию тормозит монополия. Только в СНГ монополия многолика. Это не только противоположность конкуренции, не только крупная компания, господствующая в отрасли или на рынке. Это также территориальное закрепление бизнеса, его сращивание с верхушкой региональной власти. Это отсутствие одинаковых «правил игры» на всей территории страны, что разрывает на части национальное экономическое пространство. Это ограниченные экономические, транспортные и жилищные возможности для перемещения работников по стране, без чего структура экономики не может модернизироваться, а рабочая сила теряет профессиональную гибкость и настрой на повышение квалификации для отраслей с высокой технологией. Фундамент этой многоликой монополии составляет безответственность и бесконтрольность чиновников всех ветвей власти на всех уровнях, что образует *монолит коррупции*. Всё это резко завышает затраты и понижает конкурентоспособность как отдельного бизнеса, так и всей национальной экономики. Коррупционное перераспределение денежных и других ресурсов страны в пользу чиновничьей бюрократии на базе действующих законов, подзаконных, административных и других актов и положений тормозило и тормозит текущую модернизацию и возможное инновационное развитие.

В любой стране, любом обществе, развивающемся на рыночных принципах, существуют формальные возможности для злоупотреблений, незаслуженных обогащений и коррупции. Но в СНГ такие возможности превратились в повседневную реальность, благодаря чему именно коррупция пронизала национальную институциональную среду, не даёт экономике становится современной, а обществу - гражданским.

Проведенный краткий политэкономический анализ экономических интересов и их реализации показал, что в этой сфере могут складываться противоречивые и разнонаправленные тенденции. В развитых странах оптимальное соотношение между

ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

частными и национальными экономическими интересами составляет основу для перманентной модернизации, которая на базе ИКТ обеспечивает инновационное развитие. В СНГ частные экономические интересы фактически господствуют, причём в преобладающей мере не в сфере предпринимательства, а в среде чиновников. Поэтому они не способствуют модернизации, а формирование национальных экономических интересов упирается в коррупционную институциональную среду. Здесь последнее слово принадлежит теперь не экономистам, а политикам. Будем надеяться, что в новом политическом цикле они это учтут.

Развивающееся мышление по-китайски

Большой интерес в научных и деловых кругах, а также среди политиков разных стран вызвала книга китайского экономиста Джа Вайфу Лина «Поиски процветания. Как развивающиеся страны могут подняться» [6]. Профессор Д.В. Лин известен своими исследованиями о современных проблемах мирового развития. Он был главным экономистом Мирового банка раз в годы глобального экономического кризиса. Его практическая и теоретическая работа оказалась настолько заметной, что журнал МВФ «Финансы и развитие» назвал Лина «человеком в нужном месте в нужное время» [7]. Признав, что эра «Вашингтонского консенсуса» бесславно завершилась, Лин обосновал концепцию «Нового структурного экономикса», который выступает как третья волна «развивающегося мышления» [6, 102-178]. Известная ранее теория «экономики развития» для развивающихся стран перестала отвечать вызовам времени, поскольку в процессе практической реализации не способствовала подъёму этих стран, а наоборот – стала свидетелем усугубляющегося разрыва между развитыми и развивающимися странами. Поскольку Лин делает упор на структурные преобразования, постольку его стали относить и экономистам-структуралистам.

И хотя автор исходит из неоклассической школы для выхода на «третью волну», можно считать, что Лин предлагает свою версию парадигмы роли структурных изменений в национальных и мировой экономиках. В книге делается упор на объективную необходимость роста экономического влияния государства в грядущих изменениях, поскольку в наступивших условиях результативность рыночного механизма в этой сфере оказалась исчерпанной.

Опираясь на опыт развития экономики КНР, анализируя динамику развивающихся стран и растущую неравномерность в глобальном масштабе, Лин считает, что структурные изменения – ключевое звено возможного прогресса, в котором силу набирают новые, высокотехнологичные отрасли, опирающиеся на базовые, постоянно модернизирующиеся сегменты экономики. Понятно, что только с использованием государственных ресурсов можно решить проблему коренного изменения структуры экономик развивающегося мира. Характерно, что в завершении своей книги Лин, ясно осознавая роль политиков, обращает внимание на то, что «опираясь на правильные

идеи, политические лидеры будут иметь побудительные мотивы и возможности изменить судьбы своих народов» [6, 250]. Хочется верить, что и политические лидеры СНГ не останутся в стороне от таких мотивов и возможностей.

Литература.

1. См. например, Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. Под ред. Б.З. Мильнера. - М.: ИНФРА-М, 2009; Социально-экономическая стратегия России. (Научные доклады Института экономики РАН в 4 т.), т.2. Отв. ред. Д.И.Сорокин. - М.: Экономика, 2010.; Погосов И.А. Тенденции воспроизводства в России и проблемы модернизации экономики. – М., СПб.: Нестор-История, 2012; Инновационное развитие экономики: Международный опыт и проблемы России. Под ред. Н.П. Шмелева. – М.; СПб.: Нестор-История, 2012; Пороховский А.А. От инновационного развития к инновационной экономике./МЭМО, 2010, №1; Г. Клейнер. Системный ресурс экономики./ Вопросы экономики, 2011, №1.; А. Шилов. Инновационная экономика: наука, государство, бизнес/Вопросы экономики, 2011, №1, А.Аганбегян. О месте экономики России в мире,(по новым данным о международном сравнении валового внутреннего продукта./ Вопросы экономики, 2011, №5); Корнаи И. Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса./ Вопросы экономики, 2012, №12; Вардомский Л. Экономика Украины в двадцатилетней ретроспективе: между советским наследием и европейским выбором./ Российский экономический журнал, 2012, №5; Рябцев Г. Энергетическая стратегия Украины и стратегическое планирование./ Экономист, 2012, 12.
2. М.В. Ломоносов: Избранные философские произведения. - М.: Госполитиздат, 1950, с. 598-99.
3. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 770. Примечание 250.
4. См., например, некоторые последние публикации:
Roubini N., Mihm S. Crisis Economics. (A Crash Course in the Future of Finance). -N. Y., Penguin, 2010; Globalization and Emerging Economics: Brazil, Russia, India, Indonesia, China and South Africa. - Paris, OECD, 2009; Akcigit U., W. Kerr. Growth Through Heterogeneous Innovations/ NBER World Paper, November 2010 – Cambridge, USA. Spence M. The Next Convergence. *The Future of Economic Growth in a Multispeed World*. – N.Y., 2011; Economic Policy Reforms 2012. – OECD, Paris, February, 2012; Perspective on Global Development 2013 – OECD, Paris, February, 2013.
5. World Economic Outlook. - Washington, IMF, October 2012, p. 179.
6. Justin Yifu Lin. The Quest for Prosperity. *How Developing Economies Can Take Off*./ - Princeton University Press, 2012.
7. Finance & Development, September, 2012, p.5.

НОВЫЙ ТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА И ГОСУДАРСТВО

Виктор Николаевич Тарасевич,
зав. кафедрой политической экономии
Национальной металлургической академии Украины
(г. Днепропетровск),
д-р экон. наук, профессор.

Новый тип воспроизводства представляет единство четырех подразделений, в том числе, производства социального продукта, средств производства, предметов потребления и непроизводственного. Обоснованы условия реализации национального продукта с учетом государственных изъятий и открытости экономики. В состав государственного продукта включены особые компоненты чистого продукта. Сформулированы принципы соответствия государственных изъятий и инъекций.

Ключевые слова: теория воспроизводства, подразделения общественного производства, структура национального продукта.

V. Tarasevich. GENERAL THEORY OF VALUE: THE FUTURE IN THE PRESENT.

The new type of reproduction is unity of the fourth subdivisions: production of social product, means of production, things of consumption and no production. The conditions of realize national product to consideration state confiscates and open economy are based. The special components of the clean product are inserted to state product. The principles of correspondence state confiscates and injections are formulated.

Keywords: theory of reproduction, subdivision of public production, structure of national product.

В дискуссиях по воспроизводственной тематике преобладает традиционный подход к общественному производству, которое представлено двумя известными подразделениями. Между тем, с учетом прогресса экономики человека и сферы услуг, экономики знаний и информации реальное воспроизводство существенно отличается от воспроизводства времен К.Маркса. Здесь мы будем исходить из того, что современный тип воспроизводства имеет более сложное строение в сравнении с тем, которое исследовал К.Маркс¹:

¹ Идея выделения четырех подразделений общественного производства по праву принадлежит А. Покрытану (см.: Покрытан А.К. Экономическая структура социализма: функционирование и развитие. – М.: Экономика, 1985. – С. 170-174). Здесь она развита с учетом следующих соображений. Во-первых, первое подразделение представлено социальной сферой, в которой наряду с наукой и научным обслуживанием, продуцирующими научные знания, представлены образование, здравоохранение, культура, спорт, социальное обеспечение, а также государственное управление и местное самоуправление в той части, в которой они воздействуют на экономические процессы в строгом соответствии с их объективной природой. В части неадекватного воздействия они должны быть отнесены к непроизводственному подразделению. Во-вторых, источником обмена на продукцию социальной сферы является не только прибавочный, но и

В.Н. Тарасевич

$$I \Pi = I (C+V+m);$$

$$II \Pi = II (C+V+m);$$

$$III \Pi = III (C+V+m);$$

$$IV \Pi = IV (C+V+m).$$

I подразделением представлена социальная сфера и создаваемый в её рамках социальный продукт. Производство средств производства и предметов личного потребления составляют, соответственно, II и III подразделения, а в совокупности - материальную сферу. Первые три подразделения объединяются в единую производственную сферу национальной экономики. IV подразделение представляет непродуцированную сферу. Создаваемый здесь продукт не потребляется в общественном производстве, а, следовательно, не обменивается на продукт единой производственной сферы.

Чтобы понять, каким образом осуществляется обмен между подразделениями и возмещение структурных элементов материального и социального продукта, необходимо рассмотреть строение и структуру каждого из них. Начнем с *социального продукта*. Его определенная часть $I(C+V+m)_1$ может быть возмещена своим собственным результатом. Потребляют же работники социальной сферы *социальный* продукт. Основная же часть продукта возмещается посредством обмена с продуктом II и III подразделений. Средства производства IC_2 возмещаются путем обмена на продукт II подразделения: $IC_2 \leftrightarrow II\Delta(V+m)_1$. На свою *заработную плату* работники I подразделения покупают не только услуги $I V_1$, но и предметы личного потребления, создаваемые в III подразделении. Таким образом осуществляется обмен части услуг на часть предметов потребления: $I V_3 \leftrightarrow III\Delta(V+m)_1$. Создаваемый в социальной сфере *прибавочный продукт* используется во всех четырех подразделениях. В I - как источник постоянного обновления состава оказываемых услуг при их неизменном объеме², во II и III - как источник обновления техники и ассортимента продукции при ее неизменном объеме, а также поддержания в работоспособном состоянии совокупного работника. В обмен на Im_2 и Im_3 I подразделение получает средства производства $II(V+m)_1$ и предметы потребления $III(V+m)_1$, соответственно. Часть прибавочного продукта в виде услуг направляется на содержание непродуцированной сферы: $Im_4 \rightarrow IV \Delta V$.

Обратимся теперь ко *II подразделению*, в котором создаются средства производства. Часть продукта $II C_2$ возмещается путем обмена внутри подразделения. Другая часть - $II(V+m)$ используется для возмещения средств производства в I и III подразделениях: $II\Delta(V+m)_1 \leftrightarrow IC_2$; $II(V+m)_3 \leftrightarrow III C_2$, соответственно. Часть прибавочного продукта $II m_4$ в виде средств производства направляется на содержание непродуцированной сферы: $II m_4 \rightarrow IV C$.

необходимый продукт материальной сферы. В-третьих, обращено внимание на источники содержания непродуцированной сферы.

² Для простоты мы ограничиваемся рассмотрением простого воспроизводства.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

В III подразделении часть производимых здесь предметов потребления $III\Delta(V+m)_3$ используется на собственные нужды. Другая часть – $IIIC_2$ обменивается на средства производства $II\Delta(V+m)_3$, третья – $III\Delta(V+m)_1$ на услуги $I\Delta(V+m)_3$. Часть прибавочного продукта $IIIm_4$ в виде предметов потребления направляется на содержание IV подразделения: $IIIm_4 \rightarrow IV \Delta V$.

С учетом вышеизложенного *структуру* национального продукта можно представить следующим образом:

$$I \Pi = I(C_1 + C_2 + V_1 + V_3 + m_1 + m_2 + m_3 + m_4); \quad (1)$$

$$II \Pi = II(C_2 + V_1 + V_3 + m_1 + m_3 + m_4); \quad (2)$$

$$III \Pi = III(C_2 + V_1 + V_3 + m_1 + m_3 + m_4); \quad (3)$$

$$IV \Pi = IV(Im_4 + IIIm_4 + IIIIm_4). \quad (4)$$

Если суммировать описанные выше обменные взаимосвязи между подразделениями, то *условия реализации* национального продукта примут вид следующей системы уравнений:

$$I(C+m)_2 = II(V+m)_1; \quad (5)$$

$$I(V+m)_3 = III(V+m)_1; \quad (6)$$

$$II(V+m)_3 = IIIC_2; \quad (7)$$

$$I(C_2 + V_3 + m_2 + m_3) = II(V+m)_1 + III(V+m)_1; \quad (8)$$

$$II(V_1 + V_3 + m_1 + m_3) = I(C+m)_2 + IIIC_2; \quad (9)$$

$$III(C_2 + V_1 + m_1) = I(V+m)_3 + II(V+m)_3; \quad (10)$$

$$IIIm_4 \rightarrow IV C; \quad (11)$$

$$Im_4 + IIIm_4 \rightarrow IV V. \quad (12)$$

Поскольку национальная экономика является *открытой*, постольку в каждом из указанных элементов национального продукта возможно выделение "внутренней" и "внешней" составляющих. Последняя же может быть представлена в виде сальдо "экспортной" и "импортной" частей. В этом случае стоимостная структура национального продукта (НП) примет следующий вид:

$$НП = C' + \Delta C_{эи} + V' + \Delta V_{эи} + m' + \Delta m_{эи}, \quad (13)$$

где $\Delta C_{эи} = C_{и} - C_{э}$; $\Delta V_{эи} = V_{и} - V_{э}$; $\Delta m_{эи} = m_{и} - m_{э}$; $C_{и}$, $V_{и}$, $m_{и}$; $C_{э}$, $V_{э}$, $m_{э}$ – соответственно, "импортная" и "экспортная" составляющие элементов структуры продукта.

С учётом открытости экономики и принятых обозначений структура национального продукта по подразделениям может быть выражена следующим образом:

$$I \Pi = I(C' + \Delta C_{эи} + V' + \Delta V_{эи} + m' + \Delta m_{эи}); \quad (14)$$

$$II \Pi = II(C' + \Delta C_{эи} + V' + \Delta V_{эи} + m' + \Delta m_{эи}); \quad (15)$$

$$III \Pi = III(C' + \Delta C_{эи} + V' + \Delta V_{эи} + m' + \Delta m_{эи}); \quad (16)$$

$$IV \Pi = IV(C' + \Delta C_{эи} + V' + \Delta V_{эи}). \quad (17)$$

Если теперь принять во внимание изъятие государством части необходимого и прибавочного продукта в виде налогов, пошлин и платежей

(ΔV_r , Δm_r , $\Delta V_{\text{эиг}}$ и $\Delta m_{\text{эиг}}$) и формирование таким образом непосредственного общественного капитала (по К. Марксу) или *государственного продукта*³, то структура национального продукта приобретает вид:

$$I \Pi = I(C' + \Delta C_{\text{эи}} + V' + \Delta V_r + \Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}} + m' + \Delta m_r + \Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}}); \quad (18)$$

$$II \Pi = II(C' + \Delta C_{\text{эи}} + V' + \Delta V_r + \Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}} + m' + \Delta m_r + \Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}}); \quad (19)$$

$$III \Pi = III(C' + \Delta C_{\text{эи}} + V' + \Delta V_r + \Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}} + m' + \Delta m_r + \Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}}); \quad (20)$$

$$IV \Pi = IV(C' + \Delta C_{\text{эи}} + V' + \Delta V_r + \Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}), \quad (21)$$

где: $I(V' + \Delta V_r) = I V$; $I(\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) = I \Delta V_{\text{эи}}$; $I(m' + \Delta m_r) = I m$;

$$I(\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}}) = I \Delta m_{\text{эи}};$$

$$II(V' + \Delta V_r) = II V$$
; $II(\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) = II \Delta V_{\text{эи}}$; $II(m' + \Delta m_r) = II m$;

$$II(\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}}) = II \Delta m_{\text{эи}};$$

$$III(V' + \Delta V_r) = III V$$
; $III(\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) = III \Delta V_{\text{эи}}$; $III(m' + \Delta m_r) = III m$;

$$III(\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}}) = III \Delta m_{\text{эи}};$$

$$IV(V' + \Delta V_r) = IV V$$
; $IV(\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) = IV \Delta V_{\text{эи}}$.

Соответствующие изменения претерпят и условия реализации национального продукта:

$$I[(C' + \Delta C_{\text{эи}}) + (m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_2 = \\ = II[(V' + \Delta V_r) + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) + (m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_1; \quad (22)$$

$$I[(V' + \Delta V_r) + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) + (m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_3 = \\ = III[(\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) + (m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_1; \quad (23)$$

$$II[(V' + \Delta V_r) + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) + (m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_3 = III[C' + \Delta C_{\text{эи}}]_2; \quad (24)$$

$$I[(C' + \Delta C_{\text{эи}})_2 + (V' + \Delta V_r)_3 + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}})_3 + (m' + \Delta m_r)_2 + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})_2 + (m' + \Delta m_r)_3 + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})_3] = \\ = II[(V' + \Delta V_r) + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) + (m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_1 + III[(V' + \Delta V_r) + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) + (m' + \Delta m_r) + \\ + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_1; \quad (25)$$

$$II[(V' + \Delta V_r)_1 + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}})_1 + (V' + \Delta V_r)_3 + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}})_3 + (m' + \Delta m_r)_1 + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})_1 + (m' + \Delta m_r)_3 + \\ + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})_3] = I[(C' + \Delta C_{\text{эи}}) + (m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_2 + III[C' + \Delta C_{\text{эи}}]_2; \quad (26)$$

$$III[(C' + \Delta C_{\text{эи}})_2 + (V' + \Delta V_r)_1 + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}})_1 + (m' + \Delta m_r)_1 + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})_1] = I[(V' + \Delta V_r) + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) + \\ + (m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_3 + II[(V' + \Delta V_r) + (\Delta V'_{\text{эи}} + \Delta V_{\text{эиг}}) + (m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_3; \quad (27)$$

$$II[(m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_4 \rightarrow IV C; \quad (28)$$

$$I[(m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_4 + III[(m' + \Delta m_r) + (\Delta m'_{\text{эи}} + \Delta m_{\text{эиг}})]_4 \rightarrow IV V. \quad (29)$$

Итак, если предположить, что приведенные выкладки в основном адекватно отражают объективную логику воспроизводственного процесса⁴, то *государство* является полноправным *собственником* вполне определённых составляющих национального продукта:

$$H\Pi_r = I[(\Delta V_r + \Delta V_{\text{эиг}}) + (\Delta m_r + \Delta m_{\text{эиг}})] + II[(\Delta V_r + \Delta V_{\text{эиг}}) + (\Delta m_r + \Delta m_{\text{эиг}})] + III[(\Delta V_r + \Delta V_{\text{эиг}}) + \\ + (\Delta m_r + \Delta m_{\text{эиг}})] +$$

³ Во избежание существенного усложнения последующих выкладок здесь мы абстрагируемся от деления продукта на два компонента – продукт, произведенный в государственном и негосударственном секторе национальной экономики.

⁴ Разумеется, представленные условия реализации национального продукта гипотетичны, поскольку не верифицированы.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

III

$$+IV(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эур}}) = \sum_{i=1} [(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эур}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эур}})]_i + IV(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эур}}), \quad (30)$$

где НП_Г - часть национального продукта, поступающего в распоряжение государства.

Далее. Если принять во внимание произведенный в госсекторе продукт, точнее, ту его часть, которая *не учтена* в вышеприведенных условиях реализации национального продукта, а именно:

III

$$\text{НП}_{\text{Гс}} = \sum_{i=1} (C_{\text{Гс}} + \Delta V_{\text{Гс}} + \Delta m_{\text{Гс}} + \Delta V_{\text{эигс}} + \Delta m_{\text{эигс}})_i, \quad (31)$$

то *государственный продукт* ГП равен:

$$\begin{aligned} \text{ГП} = \text{НП}_{\Gamma} + \text{НП}_{\text{Гс}} = & \sum_{i=1} [(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эур}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эур}})]_i + IV(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эур}}) + \\ & + \sum_{i=1} (C_{\text{Гс}} + \Delta V_{\text{Гс}} + \Delta m_{\text{Гс}} + \Delta V_{\text{эигс}} + \Delta m_{\text{эигс}})_i \end{aligned} \quad (32)$$

Как видим, он представлен во всех подразделениях и элементах воспроизводства и, будучи, объектом государственной собственности, способен быть практически вездесущим «агентом» государства и как капиталиста, и как «слуги» общества. В условиях капиталистических отношений императивен баланс указанных противоречивых составляющих единой сущности государства. Не будучи профессиональным капиталистом, оно не сможет обеспечивать адекватную реализацию общественных интересов. Но столь же губительна для последних абсолютизация «капитализации» государства. Важной предпосылкой достижения и поддержания указанного баланса социализации и капитализации является неукоснительное следование при сознательном конструировании экономического механизма или политики императивам объективного экономического механизма, в том числе, его воспроизводственной составляющей. Представленная выше идеальная модель должна "витать" перед реформаторами как одна из предпосылок принимаемых решений и практических действий. Разумеется, для их конкретного обоснования необходимо «перевести» указанную модель на «язык» межотраслевого баланса производства и распределения продукции и СНС, что само по себе является весьма сложной задачей. Но и без такого «перевода» модель обозначает некоторые важные *ориентиры* экономико-политических действий.

В частности, речь идет, *во-первых*, о непосредственной объективной *включенности* социальной сферы в общественное воспроизводство, о существовании базовых условий реализации социального продукта и обменных пропорций его вполне определенных составляющих на вполне определенные составляющие продукта II и III подразделений (см. выражения (5), (6), (9), (10), (12), (22), (23), (25), (26), (27), (29)). Поскольку известная часть социального продукта обладает свойствами общественных товаров (социальных благ, в категориях экономической социодинамики), то на «страже» выполнения указанных условий, особенно в долговременном периоде, призвано стоять

государство. Его действия в этом случае должны опираться, в том числе, и на соответствующие компоненты государственного продукта. Например, в случае нарушения условий (22), (23) и неизбежного интеллектуального «обескровливания» материальной сферы, прежде всего, ее инновационного развития, скажем, в направлении технологий VI уклада, государство может использовать конкретные экономические инструменты (налоги, платежи, субсидии, субвенции), чтобы обеспечить необходимый «перевес» левой части указанных условий над правыми. В общем случае, условия реализации национального продукта, будучи принятыми во внимание, оставляют немного шансов всякого рода произвольным, явно противоречащим общественным интересам, «урезаниям» и «сокращениям» в сферах науки и образования, здравоохранения и культуры.

Во-вторых, становится более явственной значимость поддержания если и не абсолютного равенства, то как можно более полного *соответствия*, по крайней мере, следующих государственных *изъятий*, диктуемых условиями реализации национального продукта:

$$I[\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}}]_2 = II[(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})]_1; \quad (33)$$

$$I[(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})]_3 = III[(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})]_1; \quad (34)$$

$$II[(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})]_3 = III[C + \Delta C_{\text{эир}}]_2; \quad (35)$$

$$I[(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}})_3 + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})_2 + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})_3] = \\ = II[(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})]_1 + III[(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})]_1; \quad (36)$$

$$III[(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})]_1 = I[(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})]_3 + \\ + II[(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}}) + (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})]_3. \quad (37)$$

Например, равенство (33) предполагает примерное соответствие изъятий доходов экономических субъектов социальной сферы и II подразделения (производства средств производства). В противном случае государство ограничивает сравнительные возможности либо субъектов II подразделения потреблять продукцию социальной сферы, либо субъектов последней – приобретать необходимые средства производства.

В-третьих, не менее важным является соответствие государственных *изъятий* и *инъекций*. Например, за государственными изъятиями $I[\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}}]_i$ должны последовать непосредственные или опосредованные государственные инъекции, адекватные изъятиям не только по величине, но и по месту и роли в воспроизводственном процессе. С одной стороны, части НП_Г $\left[\sum_{i=1}^3 (\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}})_i + IV(\Delta V_{\Gamma} + \Delta V_{\text{эир}}) \right]$

и $\left[\sum_{i=1}^3 (\Delta m_{\Gamma} + \Delta m_{\text{эир}})_i \right]$ необходимо направлять согласно их воспроизводственному

назначению – преимущественно на инвестирование в человеческий капитал и в реальные чистые инвестиции, соответственно, а с другой, - значительные масштабы перераспределения ресурсов могут вызвать существенные изменения в уровне соответствия изъятий, а также изъятий и инъекций, но не должны приводить к серьёзным нарушениям, а тем более потере самого соответствия. Это верно и в

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

отношении тех значительных объёмов государственных ресурсов, которые необходимы для придания экономике мощного инвестиционного импульса, и эффективный механизм использования которых могут обеспечить государственные институты развития.

В-четвертых, посредством изъятий и инъекций государство оказывает влияние практически на все составляющие национального продукта, структуру общественного производства, его подразделений и отраслей. Поэтому даже незначительные на первый взгляд изменения налогов, государственных расходов, других инструментов государственного регулирования могут иметь существенные кратко- и долгосрочные последствия. Так, характерное для национальной экономики превышение импортной составляющей национального продукта его экспортной составляющей (38) в долговременном периоде, при прочих равных условиях, отвечает доминирующему развитию в национальной экономике неце-

$$\sum_{i=1}^{\text{III}} (C_{\text{и}} + V_{\text{и}} + m_{\text{и}})_i + \text{IV}(C_{\text{и}} + V_{\text{и}}) > \sum_{i=1}^{\text{III}} (C_{\text{э}} + V_{\text{э}} + m_{\text{э}})_i + \text{IV}(C_{\text{э}} + V_{\text{э}}) \quad (38)$$

лостных и ведомых (по отношению к ненациональным) воспроизводственных контуров конечной продукции, превышению экспорта потенциальных инвестиционных ресурсов над их импортом; устойчивому дефициту торгового и платёжного баланса и другим характерным чертам экономической периферизации. В связи с этим сочетание обоснованных протекционистских мер с мультипликативным эффектом госрасходов в цепочках национального производства конечной продукции с высокой долей добавленной стоимости, разумеется, при соответствующей поддержке национальной наукой, является реальным направлением депериферизации.

ОТНОШЕНИЯ СТОИМОСТИ: КЛАССИКА ЗНАЧИМА

Татьяна Ивановна Артемова ,

ведущий научный сотрудник

ГУ «Институт экономики и прогнозирования НАН Украины»

(г. Киев),

д-р экон. наук, профессор.

В отличие от всей совокупности наук, которые неявно идентифицируются стоимостными (ценностными) отношениями как сущностным основанием бытия, экономическая теория (политическая экономия) указанные отношения имеет в качестве непосредственного предмета. Сегодня, однако, проблема стоимости не является более центром притяжения для официальной экономической теории, что свидетельствует о ее кризисном состоянии. Преодоление кризиса экономической науки (а вместе с тем и кризиса системы хозяйственного миропорядка) возможно на путях формирования новой ценностной парадигмы, связанной с восстановлением логики Среднего пути, сформированной в недрах классической политической экономии.

Ключевые слова: теория стоимости, экономическое пространство-время, ценность.

T. Artemova. RELATIONS VALUE: CLASSICS SIGNIFICANT.

The new type of reproduction is unity of the fourth subdivisions: production of social product, means of production, things of consumption and no production. The conditions of realize national product to consideration state confiscates and open economy are based. The special components of the clean product are inserted to state product. The principles of correspondence state confiscates and injections are formulated.

Keywords: theory of value, economic space-time, the value.

Отношения стоимости являются формообразующими для любой отрасли знания; они институционализируют науку как одну из форм общественного сознания, а, следовательно, и научную картину мира, в целом. По своему предмету научное знание есть знание о бытии, говорит Аристотель [3, с.175]. Бытие является общим предметом и основой аналогии, которая связывает в единство различные роды научного знания, обуславливает их иерархию, делает возможной классификацию. Иерархия наук при этом соответствует иерархии «форм» бытия, а место каждой науки в этой классификации определяется близостью ее предмета к «чистой форме», т.е. степенью «формальности» ее предмета [2, с.40-49].

ДИСКУССИИ О СТОИМОСТИ

В отличие от всей совокупности наук, которые в своей теоретической (рациональной) части лишь косвенно (неявно) идентифицируются стоимостными (ценностными) отношениями как сущностным основанием бытия, экономическая теория (политическая экономия) указанные отношения имеет в качестве собственного непосредственного предмета (центральной проблемы). Под влиянием стоимостных отношений политическая экономия сформировалась как наука, познала Закон хозяйственной жизни и отобразила его в собственном имени. Отношения стоимости являются неиссякаемым источником жизненной силы и мудрости экономической теории, внутренним беспокойством ее чистой формы, сокровенным средством деятельно-трудового восстановления мира, предваряющего освобождение «природы творящей» (*natura naturans*) от оков «природы сотворенной» (*natura naturata*). Имея в качестве предмета отношения стоимости, политическая экономия должна непрерывно «пребывать в них и с ними», непрерывно совершенствоваться, возрастая духовно. Утрачивая связь со стоимостью, она вульгаризируется и перестает быть наукой.

Проследить эволюцию отношений стоимости как институционализирующего основания политической экономии, обозначить причины и последствия девальвации теории стоимости, выявить предпосылки восстановления ценностной составляющей системы общественного хозяйствования составляет цель настоящей статьи.

Важно отметить, что сегодня, несмотря на длительную историю исследования стоимостных отношений, их определение экономической наукой сопряжено с большими трудностями. Это обусловливается многими причинами. Во-первых, тем, что указанные отношения имеют трансцендентный характер и в целом никогда не могут быть определены однозначно и окончательно (что, однако, не снимает с экономической науки ответственность за необходимость их определения, ибо, несмотря на трансцендентный характер, они являются познаваемыми). Во-вторых, современная официальная экономическая теория в силу дистанцирования от указанных отношений не актуализирует саму эту проблему. В-третьих, теория стоимости сегодня оказывается расколотовой, и этот «раскол» провоцирует методологическую разобщенность трех основополагающих научных теорий, образующих единое русло экономической науки. Сам термин «стоимость» характеризует методологическое ядро трудовой теории стоимости; в маржинализме основополагающим понятием выступает предельная полезность; институционализм (в великом многообразии своих концептуальных подходов) вообще не опознает собственного теоретического ядра, опираясь на стоимостную либо маргинальную методологическую платформу.

Пребывая в неведении относительно своей главной проблемы, упустив из виду собственный предмет, экономическая теория, однако, как бы и не осознает своего бедственного положения, а, напротив, занимается самолюбованием и самовосхвалением. Между тем состояние экономической науки, высоко

Т.И. Артемова

позиционируемое ею самую в обществе, весьма далеко от совершенства. В эпоху непрерывных общественных и технологических перемен она остается традиционной (внеисторической), ибо не отражает генезис своего объекта (системы общественного хозяйства) в единой пространственно-временной системе координат, а ее основополагающие научные течения пребывают в состоянии идеологической неприязни. В таком виде экономическая наука не может дать адекватный ответ на глобальные вызовы бытия и сформировать адекватную научную картину мира. Сохраняющаяся методологическая разобщенность основных течений современной экономической науки, их «замкнутость на себя», не идет на пользу ни одному из них: отображение объекта исследования даже в пределах собственного поля зрения оказывается здесь деформированным. Так, камнем преткновения в методологии трудовой теории стоимости является проблема трансформации стоимости в цену производства; в теории неоклассического синтеза – зияющая пустота между микро- и макроуровнями анализа; в институционализме – дисфункциональность, внешне выраженная в противостоянии «старого», «нового» (эволюционной экономики) и неoinституционализма.

Между тем, *подведение единой методологической платформы под каждый из названных теоретических подходов одновременно снимает существующие здесь противоречия. Конструктивным основанием такой платформы является понятие экономической ценности как блага. Последовательно развивая научную гипотезу о взаимосвязи отношений стоимости и бытия экономического пространства-времени, можно проследить процесс формообразования отношений экономической ценности с момента их зарождения до настоящего времени и тем самым выявить предпосылки формирования методологии релятивистской экономической науки, способной деятельно преобразовывать хозяйственные основы общественной жизни [4]. Мы определяем экономическую ценность как экономическое благо (условие и результат человеческой хозяйственной деятельности), имеющее определенную полезную форму и выступающее в процессе общественного обмена в тройкой определенности стоимости, предельной полезности и цены. При исследовании отношений экономической ценности как экономического блага целесообразно разграничивать их источник, субстанцию и форму. Источниками экономической ценности выступают трудовая хозяйственная жизнедеятельность общества (в единстве труда физического и духовного – творчества) и относительная редкость (предельная полезность) блага (пространственно локализованная в каждый момент времени, разнокачественная потребительная стоимость в форме благ, услуг, знаний, информации). Субстанцией отношений экономической ценности является бытие экономического пространства-времени, процесс исторического развертывания которого логически отображается во всем многообразии превращенных экономических форм (институтов) – предельной полезности, стоимости и цены, возникающих в процессе*

ДИСКУССИИ О СТОИМОСТИ

ценностного экономического выбора субъектов хозяйствования на различных его уровнях.

Платформа экономической ценности как экономического блага является созвучной (гармоничной) классическому подходу к исследованию отношений стоимости, обозначенному в трудах В. Петти, А.Смита, Ф.Кене, Д.Рикардо, К.Менгера, У.Джевонса, Л.Вальраса, Т.Веблена, воспринятому и развитому усилиями А.Маршалла, Дж. Робинсона, Дж.Кейнса, Дж. Гелбрейта, П. Сраффы и других авторов. *Отличительной особенностью восприятия и воспроизведения отношений стоимости в пределах классического подхода является их текучесть, подвижность, переходность, беспокойство как атрибуты превращенной экономической формы.* Такое отображение предмета исследования в классическом стиле достигается за счет *рассмотрения отношений предельной полезности и стоимости как взаимно равных сущностей.* В связи с этим классический подход в экономической науке неправомерно отождествлять исключительно с формированием и развитием трудовой теории стоимости. Он отображает этапы развертывания превращенных форм бытия экономического пространства-времени на протяжении всей истории общественного хозяйствования, а, следовательно, объединяет взгляды представителей трудовой теории стоимости, маржинализма, институциональных концепций в русле институционализма в широком смысле – как логики Срединного пути. В период зарождения и развития индустриального общества бытие времени социально опредмеченного труда становится одним из основных источников экономической ценности и общественного богатства. Именно в таком контексте этапы развития классической научной экономической школы правомерно связывать с этапами развития трудовой теории стоимости.

Адекватным методологическим приемом, развертывание которого служит основой для комплексного исследования отношений экономической ценности, а вместе с тем и позитивно релятивистской экономической науки, является смитианская дихотомия труда затрачиваемого и труда покупаемого. Богатство общества есть совокупность полезных вещей, с одной стороны, созданных собственным трудом народов, его образующих, с другой стороны, полученных в ходе взаимовыгодного товарного обмена, пропорции которого также обусловлены затратами труда, говорит А.Смит. Таким образом, «труд является единственным всеобщим, равно как и единственным точным мерилom стоимости, или единственной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех местах» [12, с.43]. Вместе с тем разделение производительного труда на труд затрачиваемый и труд покупаемый при внешнем (формальном) подходе проявляется в сосуществовании в «Богатстве народов» не одного, а, по крайней мере, четырех различных толкований феномена экономической ценности:

- 1) трудового обоснования стоимости,

Т.И. Артемова

- 2) подхода, в соответствии с которым экономическая ценность определяется количеством купленного в свое распоряжение труда в обмен на товар,
- 3) концепции издержек производства («аддитивной теории стоимости»), когда тремя источниками экономической ценности признаются заработная плата, прибыль и рента,
- 4) истолкования с позиций бремени труда, при котором стоимость обуславливается «той долей досуга, свободы и спокойствия», которой жертвует работник.

По поводу «мирного сосуществования» под одной крышей всех этих подходов в свое время велось немало споров. В экономической литературе сложилось мнение, что экономисты последующих поколений (начиная с Д. Рикардо, Т. Мальтуса, Ж-Б. Сэя, Дж. Милля и других) за основу своих концепций брали тот или иной элемент смитианской системы, отбрасывая все остальное. Вследствие этого «Богатство народов» вырисовывается как беспорядочная груда разнородных логических концепций. О книге Смита как «необозримом хаосе» говорил, в частности, Ж-Б. Сэй. К Маркс и Ф. Энгельс, пытаясь объяснить указанный феномен, характеризуют эпоху Смита как «детство» политической экономии [8, с.110-111, 237; 14, с.242 и др.]. Однако существует и другая мировоззренческая позиция, в соответствии с которой в работе Смита обнаруживается большая (чем это обычно предполагается) методологическая согласованность [16; 17 и др.].

Разделяя указанную точку зрения, мы склонны к более определенным выводам: с позиций рефлексии ценностных отношений как бытия экономического пространства-времени противоречивость методологии Смита оказывается лишь мнимой, кажущейся и полностью снимается. Более того, *Смит с помощью методологической дихотомии труда затрачиваемого* (бытия экономического времени, воплощенного в стоимости) *и труда покупаемого* (бытия экономического пространства, воплощенного в предельной полезности) *зложил основы позитивно релятивистской теории экономической ценности как институциональной экономической теории в широком смысле*. В этом видится нам актуальность экономического наследия Смита; в этом заключается и современное понимание особенностей его экономического мышления. С точки зрения пространственно-временного ценностного подхода методология Смита гармонично отображает трансцендентную сущность троякого единства предельной полезности, стоимости и цены, когда бытие времени воплощается в бытии экономического пространства; бытие пространства отображается в бытии экономического времени. Граница же этих взаимных переходов представляет собой институциональный водоворот, «перетекание», где порождается и откуда берет начало все: и время, и пространство, и их многочисленные превращенные экономические формы (институты).

Смит различает действительную, естественную и рыночную цену экономического блага. Действительная цена есть меновая стоимость – пропорция обмена, в основе

ДИСКУССИИ О СТОИМОСТИ

которой лежит дихотомия труда затрачиваемого и труда сэкономленного. Однако труд у Смита выступает источником, а рабочее время – мерой ценности лишь в первобытном обществе, ибо только здесь, в условиях отсутствия капиталов и «ничейной» земли, все продукты, созданные одинаковыми количествами труда, естественно обмениваются друг на друга [12, с.50]. В условиях же частной собственности на средства производства и землю в основе меновых пропорций лежит естественная цена, достаточная для покрытия заработной платы, прибыли и ренты в их «естественном» размере. Именно она, по мнению Смита, представляет собой «центральную цену», к которой постоянно тяготеют рыночные (фактически выручаемые) цены всех товаров. При этом размер естественной цены обуславливается лучшими в рамках конкурентного рыночного пространства условиями производства.

Таким образом, рента (вознаграждение «услуг земли») наряду с прибылью, помимо труда, является у Смита источником формирования стоимости; природа, наряду с человеком, наделяется способностью к производительной деятельности. Вследствие этого годичный продукт труда любой страны оказывается достаточным для того, чтобы купить или получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда, чем то его количество, которое было затрачено на добычу, обработку и доставку этого продукта на рынок [12, с.54].

Ценностная теория Д. Рикардо формирует русло институционализма в широком смысле как классического течения экономической мысли в духе логики Срединного пути. При этом логика Срединного пути отображает взаимосвязь и взаимообусловленность бытия экономического пространства и времени посредством воспроизведения и развертывания их трансформ – ценностных образов, актуализирующих эффекты взаимного перетекания связей и отношений предельной полезности и стоимости. Но прежде чем в общем и целом сформировать такое русло, Рикардо вступает в ценностную полемику со Смитом. Логические противоречия смитианского подхода он связывает с неправомерностью смешения понятий стоимости, богатства и благосостояния. «Две страны, владеющие равным количеством предметов необходимости и жизненных удобств, – говорит Рикардо, – одинаково богаты, но ценность богатства каждой из них зависит от «сравнительной легкости или трудности, с которой они произведены» [11, с.103].

Разделяя исходные методологические постулаты Смита, Рикардо также разграничивает потребительскую и меновую ценность экономического блага, отмечая, однако, что «полезность не является мерой меновой стоимости, но если вещь не представляет потребительской ценности, она будет лишена и меновой стоимости». В то же время товары, обладающие полезностью, получают, по Рикардо, меновую стоимость от двух источников: от своей редкости и от количества труда, необходимого для их добывания. Дальнейшие научные наблюдения и рассуждения автор распространяет именно на ту совокупность товаров, которая создается трудом в

Т.И. Артемова

условиях неограниченной рыночной конкуренции. То есть *предметом экономического интереса Рикардо выступает бытие особого экономического пространства – пространства рыночного, воссозданного человеческим трудом и модифицированного связями и отношениями по образу и подобию пространства природного, естественного*. Этот новый тип пространства, формируемый движением капитала, ограничиваемый им, заступает место земли как пространства природного

В ходе исследования меновой стоимости Рикардо предполагает провести ее «чистый» анализ, абстрагируясь от влияния капитала, но последний, по его мнению, присутствует уже в первобытном обществе в виде орудий охотника и рыболова и «отвлечься» от него нельзя. Следовательно, даже в первобытном обществе сравнительные цены будут соразмерны труду, действительно затраченному как на создание потребных орудий, так и на саму охоту. В развитом же обществе сравнительная стоимость товаров зависит от совокупного количества труда, необходимого как для их изготовления, так и для доставки на рынок. То есть меновая стоимость (цена) товаров определяется не условиями непосредственного их производства, а всей системой отношений общественного воспроизводства.

Таким образом, хотя и в существенно модифицированном виде, закон стоимости прокладывает себе путь и в «развитом» обществе: накопление капитала видоизменяет, но не отменяет его, и в конечном итоге не величина заработной платы и прибыли обуславливают величину стоимости товаров, а, напротив, стоимость товаров определяет размеры заработной платы и прибыли. Что касается ренты, то она, по мнению Рикардо, вообще не оказывает на действие закона стоимости модифицирующего влияния, ибо цена сельскохозяйственных продуктов определяется производительностью наихудшего участка земли, не производящего никакой ренты. Следовательно, *по мнению Рикардо, Смит ошибался, предполагая, что первоначальное правило, регулирующее меновую стоимость товаров (сравнительное количество труда, которым они произведены), может быть изменено вследствие накопления капиталов и обращения земли в частную собственность*.

Действительно, в начале XIX века, даже в сравнении со второй половиной XVIII столетия, рыночное пространство по своей производительности значительно превзошло природное: основными факторами производства стали труд и капитал, а не земля. *Вместе с тем рыночное пространство было «сотворено» людьми по образу и подобию пространства естественного, природного, а, следовательно, унаследовало и законы его развития; в таком контексте взгляды Смита приобретают иной смысл*. Рикардо, по-видимому, не предполагал, что его теория ренты в 1870-е гг. будет осмыслена как частный случай более общего закона рыночного ценообразования по принципу предельных издержек. Хотя он прямо указывает на возможность теоретического обоснования «пространственной обусловленности» (предельной полезности) меновых пропорций. «Меновая ценность всех товаров, – пишет он, – будут

ДИСКУССИИ О СТОИМОСТИ

ли они произведены на фабриках или добыты из рудников, или из земли – всегда регулируется... теми, кто продолжает производить при самых неблагоприятных условиях, понимая под самыми неблагоприятными условиями наиболее неблагоприятные из тех, при которых необходимо продолжать производство, чтобы было произведено потребное количество продукта» [12, с.116-117]. *Закономерности экономического использования природных территорий незаметно «перетекли» в законы реализации бытия рыночного пространства, трудовая теория заложила основы маржинального подхода в науке.*

Со взаимообусловленностью стоимости, заработной платы и прибыли также не обнаруживалось однозначности. Из посылки трудовой основы стоимости Рикардо делает предположение, что прибыль должна быть пропорциональна числу занятых рабочих, или величине капитала, затраченного на их наем. В действительности же выходило, что прибыль пропорциональна величине всего авансированного капитала, а не данной его части. *Не в состоянии объяснить равенство прибыли на равновеликие капиталы на основе трудовой теории стоимости, Рикардо отступает от монистического ее толкования.*

По итогам проведенного Рикардо исследования выходило, что стоимость регулируется затратой труда и капитала, применяемыми в худших условиях, как в земледелии, так и в промышленности. Рента не входит в цену товара в качестве составной части, сама же рыночная цена под воздействием спроса и предложения колеблется не вокруг стоимости, а вокруг цены производства, регулируемой издержками производства в сумме со средней прибылью, приходящейся на авансированный капитал. Таким образом, оказывалось, что трудовая теория стоимости справедлива лишь для характеристики отношений обмена на ранних ступенях развития общественного хозяйства, о чем, собственно, и говорил Смит. В то же время *Д. Рикардо впервые в экономической науке выдвинул концепцию цены производства, которая отобразила трансцендентную сущность экономической ценности посредством генетической связи между ценой и системой организации общественного хозяйства.*

Воспламенившись идеей трудовой стоимости, К. Маркс взялся *выправить неустойчивые и несовершенные, по его мнению, концептуальные подходы классиков и подверг тщательной проверке концепцию цены производства*, предложив свой вариант логического разрешения проблемы модификации формы (института) стоимости. Каким бы образом ни устанавливались и ни регулировались первоначально цены различных товаров по отношению друг к другу, движение их подчиняется закону стоимости, говорит Маркс. Вместе с тем, в отличие от простого товарного и планомерно организованного типов хозяйства, в условиях капиталистического производства между стоимостью и ценой формируется дополнительное промежуточное звено – цена производства, находящее свое последующее воплощение в категории рыночной стоимости.

Т.И. Артемова

В условиях капитализма товар выступает не как продукт труда, а как продукт капитала, следовательно, размышляет Маркс, «речь идет о том, чтобы продать его, по меньшей мере, по цене, доставляющей среднюю прибыль»: теперь именно цена производства становится постоянным условием продолжения «воспроизводства товаров в каждой отрасли хозяйства». Вместе с тем, Маркс считает методологической ошибкой предположение Рикардо об исходном существовании общей нормы прибыли и цены производства как естественных феноменов хозяйственной системы капитализма. Рикардо, отмечает он в экономической рукописи 1861-1863 годов, наоборот, должен был бы исследовать, в какой мере вообще существование общей нормы прибыли «соответствует определению стоимостей рабочим временем, и тогда он нашел бы, что вместо того, чтобы соответствовать этому определению, она *prima facie* ему противоречит, что, следовательно, ее существование надлежит еще вывести... при помощи целого ряда посредующих звеньев» [8, с.187-188]. В этом же разделе рукописи он устанавливает и последовательно вводит в рассмотрение указанные «посредующие звенья».

Во-первых, это внутриотраслевая конкуренция, ведущая к выравниванию индивидуальных стоимостей в единую рыночную стоимость под воздействием спроса и предложения; во-вторых, это межотраслевая конкуренция, в ходе которой рыночные стоимости трансформируются в цены издержек (цены производства), ибо «норма прибыли должна быть одна и та же для всякой затраты капитала» [8, с.222-223]. Здесь уже цены производства действительно отличаются от стоимостей, так как тождественная капиталу норма прибыли может быть создана только посредством цен, отличающихся от стоимостей. Вместе с тем, утверждает Маркс, цены издержек всех товаров в своей сумме должны быть равны их стоимостям, а совокупная прибыль общества – тождественна совокупной прибавочной стоимости, которую капиталы, вместе взятые, приносят в течение, например, года [8, с.205].

В более поздней рукописи 1864-1865 годов, на основе которой Ф. Энгельс, собственно, и подготовил к печати третий том «Капитала», Маркс, однако, строит свое исследование в обратной последовательности. Сначала он анализирует те превращения, которые стоимость претерпевает в результате межотраслевой конкуренции (9 глава), а затем исследует феномен рыночных цен и рыночных стоимостей (10 глава). То есть межотраслевая конкуренция здесь логически предшествует внутриотраслевой, а общая норма прибыли не прослеживается исторически, не выводится логически, а предполагается изначально – так же как у Рикардо. Несмотря на то, что «при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний», автор все-таки берется утверждать, что именно

ДИСКУССИИ О СТОИМОСТИ

«стоимость составляет математический предел цены производства», о чем в свое время говорил А.Смит.

Замалчивание вопиющих логических противоречий стоимостной конструкции Маркса при усиленном позиционировании ее как единственно верного основания политической экономии привело к тому, что в пределах советского научного пространства господствующее положение занял миф об идейном превосходстве марксистского экономического учения над ценностным подходом А.Смита и Д. Рикардо, классической политической экономией в целом. Такая иерархия оценок сегодня сохраняется на аксиоматическом уровне, хотя и негласно – в силу того, что политическая экономия перестала интересоваться ценностными отношениями. Надо, правда, отметить, что на советском и постсоветском научном пространстве предпринимались серьезные и смелые попытки преодолеть логические пороки марксовой системы; в этом отношении известны труды К.Тронева, К. Вальтуха, других известных авторов. Однако корни указанных противоречий тщетно связывать со сложностью количественных расчетов, с непоследовательностью 9 и 10 глав третьего тома «Капитала» и пр., они кроются в исходных постулатах марксизма свидетельствуют о несостоятельности марксовой стоимостной конструкции как системы.

Не экономическое благо, а товар, не экономическая ценность, единая в троице определении предельной полезности, стоимости и цены, а стоимость являются предметом марксова анализа. В результате вместо гармонии институциональной архитектоники, развернутой трудами Смита и Рикардо, в «Капитале» наблюдается диссонанс «бессодержательных» экономических форм. Между тем теоретические конструкции обладают мощной притягательной силой и способны трансформироваться в реальность. Печальный опыт функционирования хозяйственной системы традиционного социализма, взявшей за основу экономическую конструкцию марксизма, подтверждает относительную истинность положения А.Маршалла о том, что наличие плохой стоимостной доктрины пагубнее ее отсутствия.

В отличие от трудовой теории стоимости, анализирующей ценностные отношения преимущественно в контексте их взаимосвязи с бытием экономического времени, маргинальные концепции методологически опираются на «пространственную составляющую» бытия общественного хозяйства, будь то теория предельной полезности, предельной производительности или издержек. Маржинализм (от французского marginal – предельный) возник как один из принципов экономического анализа, основанный на использовании предельных величин. Первые попытки методологического обособления маржинального анализа, как считается, были предприняты в середине XIX века в работах А. Курно (Франция), И. Тюнена, Г. Госсена (Германия). Широкое же распространение в качестве методологической платформы западной экономической науки он получил в последней трети XIX века в связи с ростом

Т.И. Артемова

научного влияния двух крупнейших школ – субъективной и математической (у истоков которых стояли У. Джевонс, К. Менгер, Л. Вальрас).

Пространственная платформа современного экономикс обнаруживает себя самым фактом выделения в качестве предмета исследования проблемы рационального распределения ограниченных ресурсов. Такое определение предмета изначально несет в себе пределы его методологического инструментария, обусловленные статическим подходом, при котором «исследователя не беспокоит вопрос об указании времени» [13, с.216]. Что касается теории предельной полезности, методологически окормляющей экономикс, то современные ее основы были заложены К. Менгером посредством применения «атомистического» метода, который впоследствии, благодаря Ф. Хайеку, получил название методологического индивидуализма. В теории предельной полезности разграничиваются понятия «экономическая ценность» и «цена», однако с самого начала эти категории рассматриваются здесь практически в одной плоскости. Неудивительно поэтому, что впоследствии они сливаются: субстанция (ценность) переходит в форму (цену). Особенностью рассматриваемой концепции является также понимание ценности как субъективной категории рыночного хозяйства.

Вместе с тем, теорию экономической ценности Менгера нельзя назвать сугубо пространственной; такое качество она постепенно приобретала в трудах его последователей – Е. Бем-Баверка, Ф. Визера и других. *В работах Менгера* (как и у Смита) *наряду с пространственными явно обозначены временные истоки ценностных отношений*, которые, однако не получили здесь достаточного развития. В частности, по Менгеру, «процесс, посредством которого блага более высокого порядка постепенно превращаются в блага более низкого порядка, а последние в конце - концов направляются на удовлетворение человеческих потребностей..., подчиняются, как и другие процессы перемен, закону причинности. Понятие причинности, между тем, неотделимо от понятия времени» [9, с.28].

В качестве методологических инструментов исследования ценностных отношений Менгер использует понятие неопределенности и ожиданий. Это, по нашему мнению, также свидетельствует в пользу того, что автор отображает закономерности функционирования рыночного хозяйства в духе классики – с позиций взаимного перетекания бытия экономического пространства-времени. Но в целом бытие экономического времени в концепции Менгера как бы разлито в толще бытия экономического пространства, зажато в тисках локальных конкурентных рынков с фиксированным предложением экономических благ. В итоге концепция ценностных отношений, которая в качестве основополагающей предпосылки имеет принцип редкости (предельной полезности), в условиях динамических изменений со стороны предложения перестает объяснять законы ценообразования.

ДИСКУССИИ О СТОИМОСТИ

Стремясь преодолеть методологические несовершенства концепции Менгера, его последователи, Ф.Визер и Е. Бем-Баверк, сосредоточили свои усилия в направлении укрепления пространственных оснований ценностных отношений. Считается, что в работах Бем-Баверка теория предельной полезности получила наиболее последовательное развитие, а вместе с тем здесь она наиболее наглядно демонстрирует неразрешимые противоречия своей методологической односторонности. Автор, в частности, различает субъективную и объективную ценность экономического блага; при этом субъективные оценки лежат в основе объективной ценности (рыночной цены), которая выступает как равнодействующая сталкивающихся на рынке субъективных оценок предельной полезности товара и той вещи, в которой выражается его цена. Вместе с тем субъективные оценки предельной полезности благ с необходимостью требовали своего количественного выражения. С этой целью Бем-Баверк использует стоимостные показатели – денежные цены. Таким образом, фактор, методологически определяющий основание цены, сам оказался производным от нее. *Мера стоимости оказалась своего рода пробирным камнем для определения жизнеспособности теории предельной полезности; австрийская школа (так же, как и ортодоксальный марксизм, наиболее последовательно воспроизводящий в своем основании принцип трудового обоснования стоимости) не выдержала такой проверки.*

У Менгера, который активно использовал понятие предельной полезности, нет указаний на необходимость его четкого количественного выражения; он лишь располагает потребности индивида в увязке с удовлетворяющими их благами в определенном порядке, оценивая (ранжируя) степень потребительского насыщения по принципу «больше-меньше». Его последователи, однако, предполагали, что теория предельной полезности будет иметь самый общий характер, представляя собой прикладную психологию, объясняющую и упорядочивающую все процессы человеческой жизнедеятельности, «от голода до любви» [15, с.9]. А Бем-Баверк определенно указывает на то, что ценность вещи измеряется величиной ее предельной пользы [5, с.40-41]. Между тем развитие функционального анализа, отражая практические запросы рынка, требовало более четко выразить меру предельной полезности. Неразрешимость указанной проблемы способствовала тому, что к 1920-м гг. концепции субъективной предельной полезности стали утрачивать свое до тех пор возрастающее влияние в экономической науке. Во второй половине 1930-х гг. дискуссии по поводу использования понятия предельной полезности в качестве ядра теории ценностных отношений рыночной экономики возобновляются. Окончательное разрешение проблема находит в работе Дж. Хикса «Стоимость и капитал», в которой категория предельной полезности признается теоретически несостоятельной и заменяется понятием предельной нормы замещения [13, с.103-119].

Т.И. Артемова

Таким образом, методологическая несостоятельность сугубо маржинального подхода к исследованию отношений экономической ценности несомненна. Она, на первый взгляд, обусловлена невозможностью количественного выражения субъективной оценки предельной полезности блага. *Вследствие возникших проблем измерения и явных логических парадоксов теория предельной полезности (равно как и трудовая теория стоимости) воспринимается ныне экономической наукой исключительно с исторических позиций.* Хотя в учебниках экономикс, отображающих позицию официальной западной экономической науки, этот факт тщательно маскируется. Вместе с тем, *рассмотренная с точки зрения разворачивания бытия экономического пространства-времени, теория предельной полезности, на наш взгляд, приобретает методологическую гармоничность и актуальность.* С этих позиций ее внешняя логическая противоречивость обуславливается особенностями рефлексии отношений экономической ценности как бытия экономического пространства, «замкнутого на себя», не имеющего выхода в бытие экономического времени, не включенного в систему причинно-следственных связей.

«Пространственное» экономическое мышление по своей природе очень конкретно; оно неизбежно порождает проблему измерения с присущей ей четкостью единиц меры. Это связано с тем, что само бытие пространства характеризуется по преимуществу размерностью, «осязаемостью» – количественными пределами. Неудивительно, что маржинализм с самого начала взял на вооружение мощный аппарат функционального анализа, основы которого заложили математические концепции экономического равновесия, уходящие корнями в теории У. Джевонса, Л. Вальраса, В.Парето, других авторов. Сущность функционального анализа как логического явления и раздела современной математики раскрывается через различные категории абстрактного пространства. То есть уже в самом определении функционального анализа как одного из основополагающих методологических инструментов современной неоклассической экономической теории и мейнстрима в целом отражена «пространственная» сущность объекта исследования. Между тем «замкнутость на себя», статический подход к исследованию, невключенность во временные причинно-следственные связи, столь характерные для ныне официально господствующей теории неоклассического синтеза, знаменуют отход экономической мысли от логики Срединного пути, то есть обуславливают главные методологические пороки маржинальной доктрины.

Здесь категории предельного анализа ведут «двойную жизнь», которая внешне искусно маскируется посредством манипулирования уровнями «жесткого ядра» и «мягкой оболочки» неоклассической методологической платформы. Закономерности господствующего ныне экономического мышления, как в зеркале, можно наблюдать в постоянно модернизируемых учебных курсах экономикс. В то же время, несмотря на свою «продвинутость», связанную, в том числе, с усиленной

ДИСКУССИИ О СТОИМОСТИ

математизацией, официальная западная экономическая наука предпочитает не упоминать о «потрясении основ» теории предельной полезности и предельной производительности. У одних авторов экономикс полезность выражается в «ютилях» – единице абсолютного измерения, предложенной в свое время Джевонсом, у других предельная полезность «ушла в основание» теории, неявно присутствуя (подразумеваясь) в иной – денежной – форме. То же самое можно говорить и о теории предельной производительности. Модель «неоклассического синтеза», следовательно, продолжает базироваться в основном, на «пространственных» методологических постулатах, то есть остается теоретической конструкцией, исповедующей бытие рыночного пространства в состоянии статики. Неоклассическая теория, говорит в связи с этим А. Олейник, пришла в отечественной экономической науке на смену марксизму; но она так же утопична (схоластична), как и марксизм. Она рассматривает экономическое равновесие в условиях совершенной конкуренции; такое состояние возможно только в рамках «экономической теории нирваны» [10, с.152].

Маскировка основополагающих методологических изъянов обуславливает вульгаризацию общего русла мейнстрим, ретуширует углубление противоречий между микро- и макроуровнями анализа статическим и динамическим подходами к исследованию. Идеологические шоры, кроме всего прочего, сдерживают развитие научной мысли, направляют его по ложному пути, замутняя восприятие истинной картины мира, заложенной в теориях Л.Вальраса, А. Маршалла, Дж. Робинсон, Дж. Кейнса, а также Й. Шумпетера, Ф.Найта, Дж. Гэлбрейта, других авторов, которые наследуют классические традиции экономической науки. В своих стремлениях соблюсти чистоту методологии (имеющих сегодня преимущественно идеологический характер) официальная неоклассическая доктрина сделала упор на соблюдение формы в ущерб содержанию. Неудивительно поэтому, что во всех своих слабых местах она сплошь и рядом оказывается усеянной свежей порослью альтернативных концептуальных ответвлений. Пытаясь объяснить новые жизненные реалии, многие современные философские, социологические и прочие теории также выходят на исследование отношений экономической ценности; они создают «параллельные» концепции и тем возмещают зияющие пробелы традиционной экономической науки. Некоторые открытия на этом пути оказываются весьма плодотворными; в то же время подобного рода исследования нельзя признать самодостаточными в экономическом смысле вследствие несовершенства (неадекватности) используемого здесь методологического инструментария.

Между тем проблема стоимости не является более центром притяжения для официальной экономической теории. Со второй половины XX века в западной экономической науке теория стоимости окончательно утратила актуальность и отошла на второй план. Она оказалась как бы разлитой в быстроразвивающихся концепциях рыночного поведения потребителя, теории фирмы, распределения ресурсов и доходов,

Т.И. Артемова

в теориях общественного благосостояния, несовершенной конкуренции и государственного регулирования. После революционных рыночных преобразований и глубокого социально-экономического кризиса 1990-гг. на постсоветском научном пространстве также очень редко вспоминают о трудовой теории стоимости. Она ушла из обществоведения вместе с теорией Маркса, которая оказалась ненадежным ориентиром в деле построения счастливого общества. Переплетение противоречивых тенденций развития, присущее сегодня любой сфере хозяйственной деятельности, находит отражение в особенностях экономического мышления, которое характеризуется деформацией ценностных взглядов.

Однако изъяны методологического ядра, пренебрежение ценностными отношениями не являются частным делом экономической науки и не относятся к сфере сугубо умозрительного характера; через учебные курсы и посредством формирования принципов экономической политики они непрерывно имплицитно в реальную хозяйственную среду, воспроизводятся в поведении экономических субъектов. Разрушилась и сошла с исторической арены система традиционного социализма, методологически опиравшаяся на неравновесную конструкцию ортодоксального марксизма. Глобальный финансово-экономический кризис обозначил пределы традиционной системы рыночного хозяйства, взявшей за основание такую же неравновесную концептуальную модель неоклассического синтеза. Размывание основ равновесия хозяйственной системы сегодня продолжается, оно происходит вследствие модификации механизмов рыночного ценообразования. Отход основополагающих ветвей экономической науки от логики Срединного пути отобразил и озаменовал феномен «субъективизации» рыночной цены под влиянием деятельности предпринимательства, крупного бизнеса, государства. Инструментальное отношение к цене как орудию реализации корыстных целей хозяйствующих субъектов, выхолащивание ее трансцендентной сущности посредством политики хозяйственной монополии и экономической демократии обусловили ценностную деградацию самих субъектов, от наноуровня до глобального.

Между тем, ценностная методология сегодня не исчезла и не девальвировалась. Методологическую преемственность с наследием классической политической экономии можно отчетливо наблюдать в трудах А.Маршалла, Й. Шумпетера, Ф. Найта, Дж. Кейнса, П. Сраффы, Дж. Робинсон, Дж. Гэлбрейта, других авторов. Несмотря на то, что идеи, подходы, концепции этих ученых сегодня «упрятаны на задворки» официальной маргинальной доктрины и рассматриваются здесь как дополнение к теоретической конструкции неоклассического синтеза, именно они обеспечивали подлинно научные исследования и творческие «прорывы» в экономической теории на протяжении XX века. В 1960-е гг. в недрах логики Срединного пути сформировалась новая модель экономического равновесия. Эта модель как форма реализации рикардианской идеи неизменной меры экономической ценности, предвосхищенной А. Смитом, была

ДИСКУССИИ О СТОИМОСТИ

развернута в концепции стандартного товара П. Сраффы, которая методологически сомкнула трудовую теорию стоимости, концептуальные подходы Дж. Кейнса, модель экономического равновесия Л.Вальраса, институциональную теорию цены А. Маршалла – то есть практически всю экономическую теорию в единстве ее маржинального, стоимостного и институционального методологических подходов.

Модель стандартного товара можно считать одним из важнейших научных достижений XX века на пути прояснения социально-экономических оснований теории относительности, однако в силу идеологических причин, а также вследствие отхода официальной экономической науки от исследования отношений стоимости указанная модель до сих пор не получила адекватного осмысления и достойного развития в научной экономической среде. Это значительно ослабляет исследовательскую и прогностическую потенцию экономической теории в условиях глобальных социально-экономических сдвигов и нарастания процессуальности. Ключевой в понимании процессов и тенденций развития общественного хозяйства, в осмыслении релятивистских оснований программ социально-экономической модернизации оказывается сегодня идея превращенных экономических форм, выявленная классической политической экономией и актуализированная Марксом. Логико-исторический процесс формообразования экономической ценности является актуальным, ибо он есть одновременно «разворачивание истории в современность», а следовательно составляет сердцевину теории переходной экономики и процессуальности вообще. Воспроизводя и анализируя превращенные экономические формы, экономическая теория способна сформировать предпосылки нового миропонимания и мироустройства.

Список литературы.

1. Аникин А.В. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1985.
2. Аристотель Метафизика // Аристотель Сочинения: В 4-х тт. – Т.1. – М.: Мысль, 1976.
3. Аристотель Никомахова этика // Аристотель Сочинения: В 4-х тт. – Т.4. – М.: Мысль, 1983.
4. Артемова Т.И. Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. К.: Основа, 2006.
5. Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ. – Л.: Прибой, 1929.
6. Губанов С. Трудовая парадигма: А.Смит против «неоклассики» // Экономист. – 2009. – № 3. – С.57-80.
7. Маркс К. Капитал. – Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т.23.
8. Маркс К. Капитал. – Т. IV // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т.26,ч.2.
9. Менгер К. Основания политической экономии. – Одесса: Тип. Хакаловского, 1903.

Т.И. Артемова

10. Олейник А. Российская экономическая наука: история значима (об учебнике “Экономика” под редакцией А. Архипова, А. Нестеренко, А. Большакова) // Вопросы экономики. – 1999. – № 1. – С. 48–157.
11. Рикардо Д. Принципы политической экономии // Под ред. В.Р. Чернышева. – Л.: Прибой, 1924.
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962.
13. Хикс Дж. Стоимость и капитал. – М.: Прогресс: Универс, 1993.
14. Энгельс Ф. Анти Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.– Т. 20.
15. Wieser F. Der naturliche Wert. – Wien, 1889.
16. Ranadive K.R. The "Wealth of Nations" – the vision and the conceptualisation // Indian econ. J. – Bombay. – 1977. – Vol. 24. – № 3.
17. Rosenblum G.A. A note on labour, wages, and rent in Smith's theory of value // Canadian J. of economics. – Toronto, 1969. – Vol. 2. – № 2. – P. 308–314.

СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСТЕРИЗМ

Валерий Леонидович Макаров,
Академик РАН,
д-р. физико-математических наук, профессор.

Рассматриваются основы, статусные мотивационные аспекты и механизм рационализации соцкластерного общества. Предлагается шести кластерный вариант его структуризации на основе критерия “целевые установки субъектов”. Обосновывается, что организация соцкластерного общества должна опираться на принцип равноправия социальных кластеров. С позиций общественной полезности и общего равновесия анализируются разрушительные для макроэкономической целостности последствия доминирования одного из соцкластеров. Определяются предпосылки становления и функционирования проектно-договорной экономики.

Ключевые слова: статусные мотивационные аспекты, механизм рационализации, соцкластерное общество, равноправия социальных кластеров, проектно-договорная экономика.

V. Makarov. SOCIAL CLUSTERISM.

The basics, status, and motivational aspects of the mechanism of rationing social-clusters society are discovered. It is proposed six-clustered version of its structuring on the basis of the criterion of "targeted sets of subjects". It is proved that the organization social-clusters society should be based on the principle of equality of social clusters. From the standpoint of public utility and general equilibrium analyzes destructive to the integrity of the macroeconomic consequences of the domination of one of the clusters. The prerequisites of the establishment and functioning of the project-contractual economy are determined.

Keywords: status motivational aspects, the mechanism of rationing sotsklasternoe society, equality of social clusters, design and contractual economy.

JEL codes: B51

По своему исходному смыслу слово “кластер”, или по-русски «пучок», «веник», обозначает множество объектов, которые по тем или иным причинам притянуты друг к другу, их что-то существенное связывает, причем не временно, а на долгий период. Представляется, что оно лучше для обозначения той стратификации общества, о которой в дальнейшем пойдет речь. Также возьмем на себя инициативу называть будущее общество, которое будет конкурировать с капитализмом, обществом социальных кластеров, или социальным кластеризмом. Это делается, в частности, для того, чтобы уйти от названия «сословное общество», которое может вызывать ненужные ассоциации - хотя бы потому, что в сословном обществе сословия принципиально неравноправны, а в кластерном обществе равноправие социальных кластеров провозглашается в качестве главного принципа. Следует еще заметить, что

Г.В. Макаров

предыдущие общества назывались, как правило, по доминирующему сословию: рабовладельческое феодальное, капиталистическое. Здесь же важен сам факт разбиения общества на сословия, слои, пучки, кластеры. Не важно, какое слово в конечном счете приживется, важна равная роль.

В современном обществе представлены следующие социальные кластеры:

1. Соцкластер предпринимателей, или деловых людей.
2. Соцкластер военных (защитников Отечества).
3. Соцкластер госслужащих (служителей Отечеству).
4. Соцкластер ученых, учителей, врачей.
5. Соцкластер представителей культуры и искусства.
6. Соцкластер священнослужителей.

Названия, как мы видим, достаточно условные, не совсем точные, вызывающие естественные вопросы. Границы между соцкластерами размыты, поэтому нужны пояснения, комментарии.

Итак, *соцкластер предпринимателей или деловых людей*. В него входят не только деловые люди, так сказать, по духу, по призванию, но и те, кого мы называем наемными работниками в этом самом предпринимательском секторе. Наемные работники могут и не иметь духа предпринимательства. Они просто зарабатывают деньги в этом секторе. Им не важно, где работать, главное зарабатывать побольше. Следует иметь в виду, что наемные работники могут быть и в других социальных кластерах. Там они могут получать различные ранги в зависимости от успешности деятельности.

Соцкластер военных. Сюда входят и представители спецслужб, ибо они тоже защитники Отечества, для которых главное - обеспечить обороноспособность страны и дать отпор агрессору. Понятно, что между соцкластерами границы размыты. Скажем, между военными и госслужащими.

Соцкластер госслужащих. Он охватывает широкий набор профессий, куда входят и муниципальные служащие, к которым эпитет «государственный» пуристы не стали бы прилагать. Работники судебной системы - бесспорные представители этого соцкластера.

Соцкластер ученых, учителей, врачей. Кто-то спросит, а при чем тут врачи? Представляется, что по своему менталитету, да и по миссии врачи похожи на ученых и учителей.

Соцкластер представителей культуры и искусства. Опять же можно сомневаться, стоит ли разделять творческих работников, так сказать, интеллигенцию, на разные соцкластеры. Действительно общего много, но много и различий. Главное различие - в целевой установке. Ученым важно произвести новое знание, а служителям искусства - произвести эмоциональное воздействие на людей.

Соцкластер священнослужителей. Этот соцкластер, безусловно, должен быть выделен. Его роль совершенно специфична, не сравнима ни с чем другим.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

В разные времена существовали и существуют сейчас различные группы людей, которые трудно идентифицировать как представителей названных соцкластеров. Бомжи, представители разных структур гражданского общества, например, правозащитники, люди, обслуживающие формально и неформально политические движения, клубные работники и много еще чего по мелочи остается за пределами соцкластерной классификации. Их можно приписывать к тем или иным соцкластерам в зависимости от менталитета и мотивации к действиям.

А что касается размытости границ между соцкластерами, то это совершенно естественно и неизбежно. Более того, переход людей из одного соцкластера в другой упрощается при размытости границ. «Голосование ногами» по Тиббу распространяется и на соцкластеры. *Подобно тому, как в теории Тиббу полезна смешанная стратегия, то есть когда человек принадлежит наполовину одной юрисдикции, а наполовину - другой, здесь смешанная стратегия так же естественна и конструктивна.* «Крейцера соната» и «Отец Сергей» Л. Н. Толстого есть вклад в продукцию как минимум двух соцкластеров - служителей искусства и служителей церкви.

Из-за размытости границ между соцкластерами технические проблемы, естественно, будут возникать. Но они так же естественно и будут решаться. К примеру, конструктор средств вооружения - одновременно известный ученый, имеющий репутацию и ранг в соцкластере ученых, и военный с какими положено погонами. Такое мы наблюдаем сплошь и рядом, и ничего плохого в этом нет. Другое дело, когда замминистра или депутат парламента щеголяет научным званием, пальцем о палец не ударив для повышения продуктивности соцкластера ученых. Таких случаев быть не должно.

Можно еще размышлять в традиционном направлении, пытаюсь предсказать, какой социальный кластер будет доминировать в будущем. Может быть, появится новый соцкластер? Тут спрашивать надо у фантастов.

В настоящее время в мире (но не в России) лидерство захватил соцкластер предпринимателей. При лидерстве этого соцкластера можно выделить одну особенность, которая была менее выражена при доминировании других. Речь идет о повышенном уровне агрессивности, стремлении подчинить себе другие соцкластеры.

Возьмем для примера соцкластер ученых и учителей. На нем особенно отчетливо видно, как предпринимательская идеология захватывает представителей этого соцкластера и в конечном счете уводит их от целей, ради которых они существуют.

В последнее время получил распространение термин «экономика знаний», обозначающий новый тип экономики, где знания являются рыночным продуктом, то есть продаются и покупаются и являются главной движущей силой для дальнейшего экономического развития общества. Отсюда как бы автоматически следует, что знания нужны человечеству только для того, чтобы их коммерциализировать, использовать в производстве других нужных для жизни продуктов. И следовательно, ученые - это придаток соцкластера предпринимателей, они нужны только тогда, когда

Г.В. Макаров

предприниматели предъявляют на их услуги спрос. Самостоятельной ценности знания, стало быть, не имеют. Понятно, что это в высшей степени примитивная, а на самом деле вредная и опасная точка зрения.

Соцкластер бизнеса стремится:

- сделать экономику знаний *главным* мотивом производства знаний;
- заменить знания новшествами;
- отделить прикладные знания от фундаментальных;
- спасти общество потребления с помощью перехода от экономики масштабов (economics of scale) к экономике разнообразия (economics of scope).

Но это еще полбеды. Хуже другое. Деятельность всех других соцкластеров также оценивается через призму коммерциализации и рыночных показателей. Это ли не признак доминирования бизнес-соцкластера?

В соцкластере предпринимателей доминирует наследование частной собственности, в частности бизнеса. Но это не значит, что данный принцип должен быть тотальным, все должны гоняться за этой самой собственностью, умножать ее. Возникает противоречие, наблюдаемое ныне. В других соцкластерах мотивация, идеалы, устремления отличны от предпринимательских, а приходится зарабатывать деньги, ибо уровень и качество жизни зависят именно от количества денег. Иметь хорошие жилищные условия, проводить отпуск, где хочется, не отказывать себе в предметах потребления, обеспечивающих повседневную жизнь и хобби, все это деньги. Поэтому не удивительно, что социальные кластеры неравноправны, предприниматели доминируют, ибо количество денег у них прямо зависит от успешности их деятельности.

Соцкластер государственных служащих, естественно, испытывает зависть, или ревность, или чувство несправедливости, не знаю, как лучше это назвать, по отношению к предпринимателям. Рычаги воздействия госслужащих на предпринимателей имеются, что приводит к коррупции. Зато в результате этой коррупции госслужащие обеспечивают себе достойный уровень жизни и им не стыдно перед домочадцами, друзьями и предпринимателями. Цивилизованно коррупцию можно ликвидировать только с помощью изменения механизма получения благ в других социальных кластерах. Принцип *равноправия соцкластеров* означает, в частности, что уровень и качество жизни в разных соцкластерах должны быть примерно одинаковыми. Не может быть того потрясающего неравенства, которое мы наблюдаем сейчас практически во всех странах мира.

Принцип равноправия социальных классов должен быть расшифрован, разъяснен как можно подробнее. В частности, сопоставлены рыночный механизм и механизм рационирования. Где больше равноправия?

*Механизм распределения благ, называемый рационированием, столь же хорошо известен, как и рыночный. Он стар как мир, но его возможности далеко не исчерпаны, и глубину его мы еще до конца не понимаем. Это **рационирование и нормирование**. На самом деле и современный рыночный механизм весь опутан всевозможными*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

нормами и ограничениями. Вспомним хотя бы пожарный, санитарный, экологический, градостроительный и прочие контроли, где главное - это соблюдение правил и норм. Но когда мы говорим о механизме рационирования, то имеем в виду, что он определяет сам результат, а не ставит условия для получения результата. Возьмем карточную систему, классический пример использования механизма рационирования. Карточка персонифицирована и указывает в точности, сколько и какого блага можно получить. Кое-какое пространство выбора здесь есть. Можно не пользоваться карточкой вообще, можно растянуть процесс во времени. Социальная карта москвича дает право бесплатного проезда на метро, но не каждому это нужно. Поэтому главная отличительная особенность механизма рационирования от рыночного механизма состоит в его адресности. Указывается социальная группа, для которой соответствующая норма установлена. Принципиально важно то, что доминирует здесь не зарабатывание денег, а попадание в соответствующую категорию.

Люди всех социальных кластеров хотят жить достойно. Поэтому общество должно создать для них условия, при которых выполнение своей миссии, своих целей приводит к этой самой достойной жизни. Госслужащий, военный, священник, ученый, врач не должны стремиться к зарабатыванию денег. Если устройство общества толкает их к этому, то такое общество как минимум нестабильно. В нем, пусть неосознанно, неформально, доминирует один вид деятельности - предпринимательство. Когда на карту была поставлена судьба России и главным был воин, цари и их советники придумали дворянство. Это уж потом дворяне тоже не брезговали бизнесом.

К сожалению, наука (теория) рационирования развита не так детально и глубоко, как наука о рынке. Ее как целостного раздела науки просто не существует. Поскольку рыночные отношения, особенно в современную эпоху, нуждаются в серьезном рационировании, то последнее рассматривается как часть рыночного механизма, а отнюдь не как что-то отдельное и не менее важное, чем сам рынок.

Теория рационирования включает в себя планирование как социальный механизм. Но в ней главное не это, главное, как общество формирует правила, формирует нормы, каков механизм такого формирования. Уполномоченный правительством Госплан может калькулировать планы, а потом навязывать их действующим лицам экономики только в мифическом тоталитарном государстве. В реально существующих государствах эффективен тот механизм, который приводит к равновесию всех влиятельных политических сил.

Считается, и формально это совершенно правильно, что цены начинаются снизу, а уж потом принимаются и закрепляются обществом. Нормативы же идут в обратном направлении. Сначала их уста навливает государство или верховный правитель. А потом общество к ним привыкает и далее считает их вполне естественными. В жизни, конечно, все устроено сложнее, не так однозначно. Многое зависит от конкретного общества, его веками сложившихся норм, традиций и пр. Поэтому ожидать идеальной теории порождения нормативов не приходится.

Г.В. Макаров

Провозглашенный принцип равноправия соцкластеров вынуждает все соцкластеры заниматься экономикой. В противном случае соцкластер предпринимателей естественным образом, незаметно, займет лидирующее положение. Поскольку у каждого соцкластера своя субвалюта, распознавать подэкономики, обслуживающие соцкластеры, легко. Вопрос, каков тип этих экономик, какой механизм лежит в их основе? Понятно, что механизм не чисто рыночный, хоть и с рыночными элементами, раз есть валюта, цены и пр.

Не хочется называть этот механизм плановым, поскольку в литературе и в умах людей уже сложилось представление о том, что такое плановая экономика. Это экономика советского типа, эффективно и не очень работавшая в течение более 70 лет. Будем использовать здесь термины «проектный механизм», «проектная экономика», ибо проектный принцип, пожалуй, доминирует в организации экономик, обслуживающих все соцкластеры, кроме предпринимательского. Главной отличительной чертой проекта является цель, ради осуществления которой проект и создается. В предпринимательском соцкластере проекты, безусловно, присутствуют и часто играют решающую роль. Но цель таких проектов - практически всегда прибыль. В других же соцкластерах цели проектов могут быть самыми разными. Кто и как формирует цели - это отдельный разговор, но, как правило, способ определения цели учитывает мнения всего соцкластера, а то и всего общества, то есть цели проектов по своей природе носят общественный характер.

Проекты заведомо лучше других институтов могут:

- Дать народу главные, в том числе идеологические, ориентиры.
- Проекты должны обеспечивать выполнение и обеспечение норм и нормативов, предписанных всем рангам соцкластеров.
- Поддерживать экономику знаний в ее правильном понимании.
- Мобилизовывать население на великие дела.

Итак, проектная экономика обеспечивает жизнедеятельность и желательное для общества функционирование всех соцкластеров, кроме разве что предпринимательского, где проект является лишь одним из используемых механизмов. Ясно, что проектная экономика - это экономика особого рода, которая, к сожалению, еще мало изучена в теоретическом плане, хотя практика демонстрирует нам достаточное количество примеров, дающих материал для изучения и обобщения.

Проекты должны гарантировать выполнение и обеспечение норм, положенных всем рангам соцкластеров. Например, молодые ученые, учителя, врачи по установленным нормам должны быть обеспечены жильем соответствующего класса. Проект (естественно, долговременный) осуществляет эту цель. При этом проект исполняется в рамках проектной экономики, то есть функционирует по законам проектной экономики, главный из которых - четкое и безусловное достижение поставленной цели.

Вопрос о прибылях и убытках является второстепенным, хотя и важным.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Проектная экономика может функционировать достаточно долго только тогда, когда она эффективна, то есть когда проекты выполняются по всем позициям, в том числе и по финансовым показателям. При этом, так сказать, по существу или, лучше сказать, по природе проектной экономики исполнителям проекта прописываются в самом проекте поощрения всех типов, зависящие, естественно, от качества результатов. Как видно, при таком механизме нет места коррупции, наживе и прочим прелестям современной рыночной экономики. Насколько такие стимулы слабее или сильнее рыночных, может показать только практика и, соответственно, уровень развития соцкластерного общества.

У понятия проекта много общего с понятием регламента. Технически, алгоритмически, компьютерно это одна и та же работа. Поэтому логично эти работы объединить. Тем более что нарушение регламента и нарушения обязательств по проекту одинаковым способом ловятся и похожим образом должны наказываться. То есть юридическое оформление во многом совпадает.

Проектная экономика и общество социального кластеризма хорошо вписываются друг в друга. Это приятно осознавать, поскольку в основе такого содружества лежат российские особенности, российский менталитет. Недавно В.И. Спиридонова хорошо написала об особенностях российской солидарности по сравнению с ее европейским вариантом¹. Индивидуализм и коллективизм смешиваются в российской солидарности в существенно иной пропорции, чем это принято трактовать на Западе. Реализация сложных проектов нам, россиянам, по душе. Мы сплываемся здесь в едином порыве, не обращая внимания на жизненные трудности, на собственное место в проекте. Не потому ли наши «стройки коммунизма» показывали чудеса скорости и вообще эффективности? А что говорить об атомном и космическом проектах, где были особенно велики интеллектуальная и патриотическая составляющие!

Математическая экономика внесла весьма небольшой вклад в теорию рационирования и проектирования, активно развиваясь лишь в направлении исследования рыночного механизма. Широко известная и, бесспорно, выдающаяся модель Эрроу - Дебре относится к простому свободному рынку с одной валютой, одной системой цен, без какого-либо рационирования. Здесь предлагается еще более общая математическая модель экономики, где имеется несколько социальных кластеров, и в каждом кластере своя валюта и своя система рационирования. При этом один из кластеров (предприниматели) живет в стандартном рыночном мире Эрроу - Дебре. А далее приводится конкретный численный пример такой соцкластерной модели. Поскольку модель числовая, то на ней можно проводить самые разнообразные эксперименты. Некоторые эксперименты далее обсуждаются, и из полученных результатов четко видно, насколько важно соблюдать принцип равноправия социальных кластеров.

¹ Спиридонова В.И. Особенности российского понимания базовых демократических ценностей // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. - Вып. 5., 2009.

Г.В. Макаров

Итак, модель соцкластерного общества, обозначим ее буквой M , имеет дело (как обычно, в соответствии с описанием по формату модели Эрроу - Дебре) с пространством продуктов, где $L = \{1, \dots, l\}$ - обозначение для множества благ (продуктов, товаров, услуг, специальных видов благ, которые способны производить только отдельные соцкластеры), где блага пронумерованы числами от 1 до l . О специальных благах, не подпадающих под привычное понимание продукта (блага), далее говорится подробнее.

Далее вводятся социальные кластеры, номера которых

$$s = 1, 2, \dots, S.$$

Соответственно граждане (потребители) распределяются по этим кластерам

$$i_s = 1_s, 2_s, \dots, n_s, \text{ где } n_s - \text{число людей в кластере } s.$$

Поскольку, как уже говорилось выше, у каждого соцкластера своя валюта, то номера валют совпадают с номерами кластеров.

Валюта $s = 1$ выделяется из других, поскольку является свободной для конвертирования с другими валютами и обслуживает рыночный механизм. Кластер с первым номером есть кластер предпринимателей.

Производители также распределены по соцкластерам и соответственно имеют нумерацию

$$j_s = 1_s, 2_s, \dots, m_s.$$

Y_{js} - обозначение для множества производственных возможностей производителя, где любой элемент этого множества есть вектор (упорядоченная последовательность чисел) размерности общего количества благ. Положительные числа показывают количество производимого блага данным способом, а отрицательные - количество благ, затрачиваемых для производства.

При этом производители кластера № 1 предпринимателей являются, что называется, обычными. Они производят разнообразные блага, затрачивая другие. Что касается производителей других кластеров, то они производят уникальные продукты, которые другие соцкластеры производить не могут. При этом они могут тратить любые продукты, в том числе и уникальные продукты соцкластеров.

$\omega_{i_s, r, l}$ - обозначение для количества блага l , которым располагает потребитель с номером i_s в начальном положении.

P_s - обозначение для множества возможных цен на рынке с валютой s .

p_s - элемент множества P_s , то есть цены благ в валюте s .

$X_{i_s r'}$ - обозначение для множества наборов благ, которые потребитель с номером r может получить на рынке с валютой s .

$X_{i_s r''}$ - обозначение для множества наборов благ, которые потребитель с номером i_s может получить на рынке со свободными рыночными ценами.

$X_{i_l} = 0$, поскольку предприниматели не имеют доступа к другим валютам.

$R = \{1_s, 2_s, \dots, r_s, R^s\}$ - конечное множество элементов, каждый из которых есть номер ранга у кластера s .

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

u_{isr} - обозначение для функции полезности (предпочтения) индивидуума i_s из кластера s , обладающего рангом r_s . Функция определена на множестве $R_s \times X_{isr}' \times X_{isr}''$. При этом выполняются специальные условия, о которых говорится ниже.

β_{isr} - максимальное количество благ, которые потребитель с номером i_s может получить по регулируемым ценам. Подчеркнем еще раз, что регулируемая цена может быть нулевой, то есть потребитель получает такой продукт бесплатно.

θ_j - обозначение для заказа или плана, который устанавливает производителю с номером j государственный орган по выпуску продукции, идущей на рынок с регулируемыми ценами.

q_{is} - обозначение для цен, установленных государством при исполнении заказа θ_j (плана) производителем с номером j .

c_{isr} - обозначение для обязательства потребителю i_s , которое ему предписано государством для выдачи благ в первый (регулируемый) сектор.

Как видно, в этом пункте дается схема описания модели соцкластерного общества без какого-либо анализа или формулировки сколько-нибудь содержательных результатов. Содержательные результаты получаются при существенных упрощениях модели и рассматриваемого далее численного примера.

Итак, возьмем пример описанной модели, когда каждый соцкластер производит один, свойственный лишь ему, продукт. Соцкластеры удобно специфицировать, чтобы могла включиться интуиция. Итак, имеем следующие соцкластеры: (1)предприниматели, (2) госслужащие, (3)военные, (4)ученые, учителя, врачи, (5)служители культуры и искусства, (6)священнослужители. Итого шесть. Наемных работников, которых в принципе нельзя классифицировать как предпринимателей, тем не менее, будем считать принадлежащими к этому соцкластеру, поскольку они производят и продают продукт под названием «рабочая сила».

В любом случае мы имеем дело с шестью продуктами, производимыми и потребляемыми в обществе шестью упомянутыми социальными кластерами.

Снова обозначения:

$n_s(t)$ - количество человек в соцкластере s в период времени t .

$k_s(t)$ - накопленные к началу периода t ресурсы (фонды и пр.), которыми распоряжается соцкластер s ;

r - номер ранга в соцкластерной иерархии, $r = 1, 2, 3$. То есть рангов три: высший, средний и низший во всех соцкластерах, кроме предпринимательского;

$n_{sr}(t)$ - количество человек в соцкластере s , имеющих ранг r , в период времени t ;

d_{sr} - коэффициент соизмерения значимости ранга r по сравнению с низшим рангом;

$a_s(t)$ - количество продукта вида s , произведенного соцкластером s в период t ;
Каждый соцкластер производит единственный продукт;

$c(t)$ - суммарное количество потребленного первого продукта в период t ;

$c_{11}(t)$ - потребление первого продукта на одного человека в соцкластере

предпринимателей в период t ;

$c_{sr}(t)$ - норма потребления первого продукта на одного человека ранга r в соцкластере s в период t ;

$c_s(t)$ - количество первого продукта, потребленное соцкластером s в период t ;

$\delta_s(t)$ - доля продукта, произведенного предпринимательским соцкластером, которая идет соцкластеру s на накопление;

$\beta_s(t)$ - коэффициент при переменной $k_s(t)$ производственной функции у соцкластера s ;

y_s - коэффициент при переменной $a_s(t)$ производственной функции у соцкластера $s \neq 1$.

Соотношения модели. Первые шесть уравнений показывают производство всех шести продуктов с помощью похожих друг на друга производственных функций стандартного вида:

$$a_1(t) = n_1(t)^{a_1(t)} \cdot k_1(t-1)^{\beta_1(t)} \cdot a_2(t)^{y_2} \cdot a_3(t)^{y_3} \cdot a_4(t)^{y_4} \cdot a_5(t)^{y_5} \cdot a_6(t)^{y_6}$$

$$a_2(t) = n_2^*(t)^{a_2(t)} \cdot k_2(t-1)^{\beta_2(t)} \cdot a_3(t)^{y_3} \cdot a_4(t)^{y_4} \cdot a_5(t)^{y_5} \cdot a_6(t)^{y_6}$$

$$a_3(t) = n_3^*(t)^{a_3(t)} \cdot k_3(t-1)^{\beta_3(t)} \cdot a_2(t)^{y_2} \cdot a_4(t)^{y_4} \cdot a_5(t)^{y_5} \cdot a_6(t)^{y_6}$$

$$a_4(t) = n_4^*(t)^{a_4(t)} \cdot k_4(t-1)^{\beta_4(t)} \cdot a_2(t)^{y_2} \cdot a_3(t)^{y_3} \cdot a_5(t)^{y_5} \cdot a_6(t)^{y_6}$$

$$a_5(t) = n_5^*(t)^{a_5(t)} \cdot k_5(t-1)^{\beta_5(t)} \cdot a_2(t)^{y_2} \cdot a_3(t)^{y_3} \cdot a_4(t)^{y_4} \cdot a_6(t)^{y_6}$$

$$a_6(t) = n_6^*(t)^{a_6(t)} \cdot k_6(t-1)^{\beta_6(t)} \cdot a_2(t)^{y_2} \cdot a_3(t)^{y_3} \cdot a_4(t)^{y_4} \cdot a_5(t)^{y_5}$$

Здесь первый продукт является, так сказать, материальным, обычным, который фигурирует в стандартных однопродуктовых моделях экономики. Разница со стандартной однопродуктовой моделью состоит только в том, что в производственную функцию типа Кобба - Дугласа добавляются множители, отражающие текущий уровень производства всех других продуктов. Скажем, множитель $a_2(t)^{y_2}$ отражает влияние соцкластера госслужащих на производство «материального» продукта.

Уравнения со второго по шестое выглядят примерно одинаково. Здесь следует заметить, что объем производства первого продукта непосредственно не отражается на производстве других продуктов. Это влияние опосредовано, поскольку накопленные во всех соцкластерах фонды созданы с помощью затрат первого продукта. Следует еще заметить, что в первом уравнении показатель трудовых ресурсов $n_1(t)$ указан без звездочки, а в остальных уравнениях - со звездочкой. Объяснение этому смотрите чуть ниже.

Накопление во времени ресурсов (фондов) для всех соцкластеров описывается стандартным образом:

$$k_1(t) = k_1(t-1) + a_1(t) \cdot \delta_1(t)$$

$$k_2(t) = k_2(t-1) + a_1(t) \cdot \delta_2(t)$$

$$k_3(t) = k_3(t-1) + a_1(t) \cdot \delta_3(t)$$

$$k_4(t) = k_4(t-1) + a_1(t) \cdot \delta_4(t)$$

$$k_5(t) = k_5(t-1) + a_1(t) \cdot \delta_5(t)$$

$$k_6(t) = k_6(t-1) + a_1(t) \cdot \delta_6(t)$$

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

В записанных выше производственных функциях учитывается качество трудовых ресурсов, отражаемое распределением людей по рангам:

$n_1(t)$ - задано, в первом соцкластере рангов нет

$$n_2^*(t) = \sum_r d_{2r} \cdot n_{2r}(t)$$

$$n_3^*(t) = \sum_r d_{3r} \cdot n_{3r}(t)$$

$$n_4^*(t) = \sum_r d_{4r} \cdot n_{4r}(t)$$

$$n_5^*(t) = \sum_r d_{5r} \cdot n_{5r}(t)$$

$$n_6^*(t) = \sum_r d_{6r} \cdot n_{6r}(t)$$

Далее - уравнения для вычисления суммарного потребления и потребления по соцкластерам исходя из заданных норм:

$$c(t) = \sum_s c_s(t)$$

$$c_s(t) = \sum_r c_{sr}(t) \cdot n_{sr}(t)$$

Доля накопления в первом соцкластере вычисляется по указанной ниже формуле, представляющей собой баланс производства и потребления первого продукта:

$$\delta_1(t) = (a_1(t) \cdot 1 - \sum_{s=2}^{s=6} \delta_s(t)) - c(t) / a_1(t)$$

Если нормативы потребления и нормативы накопления для всех соцкластеров, начиная со второго, предполагаются заданными, то норматив накопления для первого соцкластера автоматически определяется из приведенного баланса.

Дадим дополнительные комментарии к приведенным формулам.

Количество продукта, производимого кластером предпринимателей в течение единичного временного интервала, зависит от того, сколько людей вовлечено в производство, какие использовались накопленные к данному моменту фонды. Это обычная производственная функция. Необычность появляется тогда, когда в эту функцию в качестве аргументов добавляются продукты, произведенные в этот же период времени всеми другими кластерами. Здесь для простоты считается, что математически зависимость от количества продуктов, произведенных всеми кластерами, одна и та же.

Из приведенных формул нетрудно видеть, что все соцкластеры примерно одинаково нужны друг другу. Стоит только одному из соцкластеров сильно уменьшить свою деятельность, это немедленно скажется на остальных. Все зависят от всех. Поэтому в данной постановке принцип равноправия соцкластеров представляется оправданным с точки зрения (экономической) эффективности функционирования общества в целом.

Итак, продукты деятельности каждого социального кластера нужны людям. Мотивация для их производства разная. Наиболее понятная и наиболее изученная мотивация - у соцкластера предпринимателей. К тому же их продукт нужен всем без исключения, его потребление обеспечивает жизнедеятельность общества. Продукты других кластеров необходимы для производства этого первого продукта. Но на самом деле они нужны человеку сами по себе, они самоценны, их производство и потребление делают человека человеком, а совокупность особей - обществом.

Г.В. Макаров

Из общих соображений понятно, что производство, распределение и потребление продуктов, за исключением разве что первого, не обязано подчиняться рыночному механизму. Здесь я опираюсь на простой механизм, состоящий в том, что люди из всех социальных кластеров, быть может, за исключением первого, стремятся занять как можно более высокое место в иерархической структуре своего кластера.

Общество устанавливает нормативы потребления для всех рангов во всех соцкластерах, за исключением предпринимательского, в котором, как предполагается, формальных рангов не имеется.

Как конкретно общество устанавливает упомянутые нормативы, это отдельный весьма непростой вопрос. В приведенной ниже числовой модели нормативы задаются экспериментатором.

Соцкластер предпринимателей решает, как распорядиться оставшимся после выполнения обязательств перед остальными соцкластерами произведенным им продуктом. То есть он должен разделить этот оставшийся продукт на две части - одну пустить на собственное потребление, а другую оставить на накопление.

Одна из возможных технологий, определяющих количественный уровень нормативов, базируется на балансе трудовых ресурсов в разрезе социальных кластеров. Чисто содержательно, без какой-либо математической формализации эта технология может быть описана следующим образом.

Пусть все виды нормативов как-то заданы. Пусть также имеется распределение индивидов по всем соцкластерам и рангам в них. То есть каждый человек знает, в каком соцкластере и в каком ранге он находится. Далее каждый человек, обладая полной информацией обо всех нормативах, производит оценку своего положения. Он определяет, стоит ли ему остаться в существующем статусе, или нужно переместиться в другой соцкластер, получив там тот ранг, который соответствует его заслугам. Если нормативы оказываются такими, что все люди удовлетворены своим положением, то мы имеем состояние равновесия. В противном случае нормативы должны меняться с учетом получившихся миграционных потоков.

Понятно, что в описанной технологии остается ряд неясных мест. В идейном плане надо определить критерии, согласно которым люди решают, что в другом статусе им будет лучше. То есть для каждого человека должна быть задана система предпочтений на множестве доступных ему статусов и нормативов. Таким образом, хочешь не хочешь мы приходим к функции предпочтения. Но это та стандартная функция полезности, которая определена на потребительских наборах. Здесь определяющим является соцкластер, в рамках которого человек получает потребительские наборы. То есть альтернатива состоит в приверженности призванию, любимому делу или в занятии менее любимым, но материально более привлекательным делом. Равновесные нормативы как раз и призваны обеспечивать гармонию между призванием и материальным статусом.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Другая существенная неясность связана как с содержательной, так и с технической стороной. А именно на базе какой информации и как конкретно изменять нормативы. Технически тут множество вариантов. При моделировании, например, можно воспользоваться исследованным вдоль и поперек процессом изменения цен в зависимости от спроса и предложения. Но в реальности все гораздо сложнее.

А самое главное, данная технология поиска равновесных нормативов находит лишь один вариант нормативов. Нетрудно догадаться, что равновесных нормативов может быть много. Более того, равновесие (принципиально) зависит от целей, к которым стремится общество.

А именно любая система нормативов согласно данному выше определению является равновесной. Надо только подобрать нужное распределение рабочей силы по соцкластерам и рангам в них, что при естественных предположениях всегда можно сделать. Например, если все нормативы равны нулю, то, чтобы выжить, надо заниматься предпринимательством или иметь наследство, которое можно продавать, что тоже есть предпринимательство. Если положительные нормативы есть только у госслужащих, то трудно предположить, что наука, образование, культура, идеология будут хоть как-то развиваться на голом энтузиазме чистых фанатиков.

Далее приводится простая числовая модель соцкластерного общества, просмотрев которую, читатель поймет, как нормативы связаны с целевыми установками, а также насколько важно научиться измерять продукцию всех соцкластеров, а не только предпринимательского.

Простая числовая модель соцкластерного общества, работающая в среде EXCEL, иллюстрирует уже сформулированные свойства. Калькуляции сделаны для десяти временных интервалов.

Сначала приводится базовый вариант, принимаемый за исходную точку отсчета при всех дальнейших изменениях.

В этом базовом варианте предполагается, что занятые в экономике работники строго распределены по соцкластерам и внутри соцкластеров по рангам. То есть для каждого соцкластера и ранга в нем количество работников задано. Причем эти количества не меняются со временем. Не появляются новые, не выходят на пенсию старые, нет перехода из ранга в ранг, а также между соцкластерами.

Таблица 1 указывает, сколько работников в каждом соцкластере с разбиением по рангам. Количества указаны в миллионах человек.

Далее задаются нормативы потребления первого продукта для всех соцкластеров, кроме предпринимательского, с разбиением по рангам. Указанные нормативы именно задаются, задаются экспериментатором, поскольку механизм их порождения остается пока не разработанным. В частности, логично эти нормативы плавно увеличивать со временем, поскольку общее производство первого продукта растет. При постоянных нормативах потребление соцкластера предпринимателей растет слишком быстро по сравнению с другими, что несправедливо базовом варианте,

Г.В. Макаров

который здесь описывается, задается и норматив потребления для предпринимательского соцкластера. При этом автоматически вычисляется доля первого продукта, идущая на накопление. То есть экспериментатор решает за соцкластер предпринимателей, как разделить произведенный им продукт на потребление и накопление.

Таблица 1

Распределение занятых по соцкластерам и рангам

п1	Количество людей в предпринимательском соцкластере	50
п2,1	Количество госслужащих первого ранга	0,5
п2,2	Количество госслужащих второго ранга	1
п2,3	Количество госслужащих третьего ранга	
п2*	Общее количество госслужащих с учетом качества	3
п3,1	Количество военных первого ранга	0,5
п3,2	Количество военных второго ранга	2
п3,3	Количество военных третьего ранга	
п3*	Общее количество военных с учетом качества	5
п4,1	Количество ученых, учителей, врачей первого ранга	0,1
п4,2	Количество ученых, учителей, врачей второго ранга	0,3
п4,3	Количество ученых, учителей, врачей третьего ранга	
п4*	Общее количество ученых, учителей, врачей с учетом качества	1
п5,1	Количество служителей культуры первого ранга	0,5
п5,2	Количество служителей культуры второго ранга	1
п5,3	Количество служителей культуры третьего ранга I	2
п5*	Общее количество служителей культуры с учетом качества	
п6,1	Количество священников первого ранга	0,3
п6,2	Количество священников второго ранга	1
п6,3	Количество священников третьего ранга	1
п6*	Общее количество священников с учетом качества	2,1
п	Общее количество занятых во всех соцкластерах	67,2

Все нормативы потребления представлены в таблице 2. Как уже отмечалось, их динамика задана экспериментатором.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

В таблице 3 приведено производство продуктов всех шести соцкластеров по периодам.

Видно, что у всех производство растет - у предпринимателей более быстро, у других помедленнее. Под производством во всех соцкластерах понимается произведенный ими продукт в течение временного интервала. Продуктом является уровень развития соответствующего соцкластера, измеренный в условных единицах.

В таблице 4 показана динамика накопленных ресурсов всеми соцкластерами. Видно, что везде динамика положительная, особенно в соцкластере предпринимателей.

Таблица 2

Заданные нормативы потребления

c11	0.8	0,9	0.9	1	1.0	1,1	1.1	1.1	1,2	1.2
c21	2	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0
c22	1	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.0	1.0	1.0	1.0
c23	0,7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7
c31	2	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0
c32	1	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.0	1.0	1.0	1.0
c33	0,7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7
c41	2	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0
c42	1	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.0	1.0	1.0	1.0
c43	0,7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7
c51	2	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0
c52	1	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.0	1.0	1.0	1.0
c53	0,7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7
c61	2	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0
c62	1	1.00	1.00	1.0	1.00	1.00	1.0	1.0	1.0	1.0
c63	0,7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7

В

таблице 5 указываются доли произведенного первого продукта, которые идут на накопление в соответствующие соцкластеры. Как видно, в первом соцкластере эта доля возрастает, а в остальных - постоянна.

Другие показатели, в частности коэффициенты при производственных функциях, здесь не приводятся. Они остаются постоянными во всех экспериментах.

Таблица 3

Производство продукции

70.7106	73.3295	76.4044	79.4576	82.4807	85.6137	88.5916	91.6621	95.0900	98.6693
1.63317	1.64116	1.65097	1.66076	1.67045	1.68002	1.6894	1.69880	1.70801	1.71714
5.37159	5.38239	5.40130	5.42189	5.44386	5.46713	5.49173	5.51753	5.54455	5.57293

Г.В. Макаров

2.51188	2.53417	2.56053	2.58788	2.61603	2.64492	2.67455	2.70479	2.73566	2.76726
3.09633	3.11664	3.14113	3.16652	3.19259	3.21928	3.24657	3.27437	3.3026	3.33153
3.97488	3.99108	4.0144	4.03916	4.0650	4.0920	4.12019	4.14929	4.17939	4.21060

Таблица 4

Динамика накопления ресурсов

107.842	117.015	126.469	136.182	146.620	156.885	167.82	180.479	194.176	209.054
5.30355	5.61716	5.94301	6.28087	6.63046	6.99223	7.36526	7.74992	8.14787	8.55974
20.1535	20.3186	20.497	20.6898	20.8953	21.1144	21.3462	21.591	21.8506	22.1254
10.2535	10.5176	10.7945	11.0838	11.3854	11.6996	12.025	12.3636	12.7154	13.0816
10.2535	10.5176	10.7945	11.0838	11.3854	11.6996	12.025	12.3636	12.7154	13.0816
15.2035	15.4181	15.6460	15.8868	16.1403	16.4070	16.6859	16.9773	17.2830	17.6035

Таблица 5

**Доля произведенного первого продукта, направленная на
накопления в другие соцкластеры**

0.12505	0.13979	0.13905	0.13815	0.14306	0.13701	0.14120	0.15635	0.16302	0.17046
0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00

Численные эксперименты. На рисунке 1 показана динамика суммарного выпуска первого продукта при шести различных условиях функционирования соцкластерного общества. Эти условия есть последовательный захват общественного влияния соцкластером госслужащих. То есть равноправие соцкластеров нарушается в пользу одного. Что из этого получается, видно на этом рисунке.

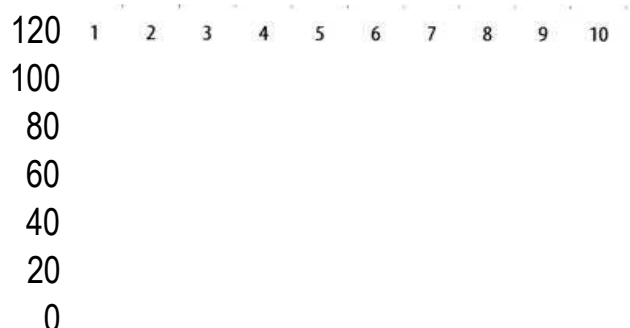

Рис. 1. Динамика суммарного выпуска первого продукта при различных условиях функционирования соцкластерного общества

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Здесь по горизонтальной оси отложены десять временных интервалов, а вертикальная ось указывает на количество произведенного первого продукта.

Самая высокая кривая показывает развитие при базовом варианте, который был определен выше. Следующая по высоте кривая (несколько ниже) относится к случаю, когда нормы потребления соцкластера госслужащих существенно растут по сравнению с нормами потребления других соцкластеров. Все остальное при этом остается без изменений. Следующая более низкая кривая относится к случаю, когда разрешается переход населения из соцкластера предпринимателей в соцкластер госслужащих, поскольку в последнем потребление на душу выше. Четвертая кривая получается, если добавить условие повышенных капитальных вложений в соцкластер госслужащих. Пятая кривая вырисовывается, если все остается, как в предыдущем случае, только потребление всех соцкластеров несколько увеличивается, чтобы погасить общественное недовольство от привилегированного положения соцкластера госслужащих. И, наконец, последняя, самая нижняя кривая получается, если инвестиции во все соцкластеры, кроме предпринимательского и госслужащих, обнуляются. Тогда, чтобы сохранить потребление на прежнем уровне, экономике приходится проедать накопленные ресурсы, что приводит к существенному падению производства первого продукта.

Описанная числовая модель является, что называется, чисто натуральной. В ней нет механизмов принятия решений. Сколько первого продукта идет на потребление, сколько - на накопление каждому соцкластеру и людям, имеющим разные ранги, это все задается экспериментатором. Введение сколько-нибудь содержательного механизма для определения того или иного показателя сразу усложняет модель. А потом различные механизмы надо сравнивать, следовательно, вводить тот или иной критерий для сравнения.

В стандартных динамических моделях экономики в качестве критерия оптимальности берется двойная сумма значений функций полезности всех потребителей. Двойная сумма в том смысле, что суммируются полезности потребителей для всех временных интервалов, а потом берется сумма по времени с учетом коэффициента дисконтирования. То есть в нашем случае это

$$\sum_{t=1}^T \mu_t (\sum_r u_{sr}(csr(t)))$$

Здесь $u_{sr}(csr(t))$ есть функция полезности для представителя ранга r в соцкластере s , μ есть коэффициент дисконтирования полезности во времени, T есть количество временных интервалов, которое, как правило, берется равным бесконечности.

При этом могут быть разные варианты этого критерия. Часто, например, берется не просто сумма полезностей потребителей, а взвешенная сумма, когда каждому потребителю присваивается свой индивидуальный коэффициент, скажем, в зависимости от важности этого потребителя. Суммироваться могут также не полезности

Г.В. Макаров

представителей каждого типа, а полезности всех членов общества, то есть в нашем случае учитываются количества (nsr). Но во всех вариантах учитывается потребление только первого, то есть «материального», продукта. Упор делается на первый продукт. Остальные пять продуктов производятся постольку, поскольку они необходимы для производства первого продукта.

Отсюда ясно, что в экономической модели соцкластерного общества критерий оптимальности должен быть другим, учитывать потребление продуктов всех соцкластеров, а не только предпринимательского. Соответственно функция полезности любого потребителя должна зависеть не только от потребления первого продукта, но и от потребления всех других продуктов.

Однако что значит потребление уровней развития соцкластеров? Ведь продукты этих соцкластеров измеряются уровнями их развития. Получается, что люди потребляют продукты соцкластеров как публичные (общественные) блага. Это означает, в частности, что потребленный одним человеком продукт никуда не девается, а может потребляться и другими.

Поэтому функция полезности выглядит так: $usr(csr, a2, a3, a4, a5, a6)$.

То есть в любой период времени функция полезности кроме индивидуального потребления первого продукта зависит еще от уровня развития всех соцкластеров. Естественно, что конкретный вид функции полезности индивидуального потребителя зависит от того, к какому соцкластеру он принадлежит. Для военных важен уровень развития вооруженных сил, а для священнослужителей - религиозные дела. При этом гражданин вполне может быть равнодушен к положению и в других соцкластерах.

Таким образом, критерий сравнения различных механизмов принятия решений в экономике соцкластерного общества может выглядеть как (взвешенная) сумма индивидуальных функций полезности указанного вида. Такой критерий воплощает в себе принцип равноправия соцкластеров.

Следует заметить, что все предыдущие рассуждения следуют сложившейся стандартной методологии, базирующейся на понятиях функции полезности и, соответственно, оптимальной траектории. Более реалистично строить механизмы принятия решений, опираясь на твердые эмпирические наблюдения. После того как данные механизмы становятся формализованными, можно говорить о траекториях, ими порожаемых, а также о воплощенном или не воплощенном в них принципе равноправия соцкластеров. При этом вопрос об оптимальности напрямую не возникает, поскольку функция полезности здесь не возникает и не нужна.

Почему классическая функция полезности не нужна? Потому что люди в соцкластерном обществе, разве что за исключением предпринимательского, стремятся подняться по общественной лестнице, перейти в следующий ранг, получить новое звание, а не максимизировать прибыль и следом - полезность от потребления.

Следовательно, выразить в количественной форме степень удовлетворенности

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

каждого человека в таком обществе гораздо сложнее. Надо еще иметь в виду новомодные тенденции, идущие от экономики счастья. Там человеческая удовлетворенность меряется не значением функции полезности, а неким индексом счастья, напрямую не связанным с потреблением благ. Систематически ведется база данных по показателям счастья в межстрановом разрезе².

Все это говорит о том, что знаменитая теория благосостояния, идущая от классиков прошлого, Бентама, Парето, Хикса, Пигу, Самуэльсона, Канторовича, нуждается в серьезном пересмотре. Тем более что в математических теориях экономики общественные интересы до сих пор не научились адекватно учитывать и измерять.

Вообще понятие общественных интересов в обществе социальных кластеров расширяется. Связь между личными и общественными интересами становится теснее. А именно нормативы индивидуального потребления устанавливает общество. Это означает, что спрос на базовые блага, в частности на блага, необходимые для жизни, формируется под прямым контролем общества. При классическом рыночном капитализме спрос в основном определяется индивидуальными действиями потребителей, то есть подвержен стихийным колебаниям и моде. Да еще на спрос влияют действия отдельных производителей, навязывающих сомнительные новшества. Таким образом, соцкластерное общество уходит от пресловутого общества потребления, формируя спрос сообща и тем самым мудрее и стабильнее.

В проектной экономике общественные интересы учитываются естественным образом. Конкретные механизмы порождения проектов, так же как и механизмы выработки нормативов, остаются пока открытым и непростым вопросом.

На примере описанной простой натуральной модели можно попытаться посмотреть, как будет выглядеть механизм проектной экономики. Прежде всего надо формально определить, что такое проект, в терминах рассматриваемой модели.

Пользуясь принятой в математической экономике методологией, проект можно записать в виде «производственного способа», то есть вектора, где положительные числа показывают выпуск, а отрицательные - затраты соответствующих продуктов. Для этого в первую очередь надо ввести пространство продуктов, то есть определить соответствие между продуктами и компонентами вектора. А именно пространство продуктов есть евклидово пространство $R^{N \times T}$. В нем на первых шести номерах стоят продукты соцкластеров. Далее - рабочая сила, сначала первого соцкластера, а потом по три вида рабочей силы по числу рангов для каждого следующего соцкластера, то есть всего видов рабочей силы $1+(3 \times 5)=16$. Далее идут продукты под названием «фонды», которых также 6 по числу соцкластеров. И, наконец, на последних местах стоят продукты, идущие на потребление всех соцкластеров. Их количество в точности равно количеству видов рабочей силы. Таким образом, общее количество всех видов «продуктов» есть $N = 6+16+6+16 = 44$. Однако, как принято в работах по математической

² См.: <http://World Database of Happiness.eur.nl>

Г.В. Макаров

экономике, продуктами (элементами пространства продуктов) считаются пары: продукт - интервал времени. Поэтому общее пространство продуктов имеет размерность $N \times T$, где T есть число временных интервалов, которые принимаются во внимание при создании проектов.

Итак, напомним, проект формально описывается вектором в пространстве продуктов $R^{N \times T}$. Теперь самое главное, какой вектор будет называться проектом?

Проект должен удовлетворять следующим условиям, которые формулируются частично формально, частично содержательно:

а) *выполнять содержательную миссию, которая формулируется в неформальных терминах, по существу;*

б) *быть принятым обществом;*

в) *быть сбалансированной частью всей совокупности проектов.*

Необходимые разъяснения касательно этих условий.

Условие (а) есть не что иное как определение проекта. Проект должен иметь цель, четко сформулированную. Иначе это не проект. Например, проект должен обеспечивать потребление согласно заданному нормативу для первого ранга соцкластера военных.

Условие (б) труднее всего прокомментировать. Ибо требуется объяснить, как, с помощью какого механизма общество принимает или не принимает данный проект. Механизмов группового принятия решений много. Например, прямое голосование. Каждый гражданин должен выразить свое отношение к проекту. Это значит, что в его (гражданина) описание входит заданная система предпочтений. То есть речь идет о более сложной модели, чем описанная выше.

Условие (в) является исключительно важным для определения, что такое проект. Оно проверяется формально. Сложность состоит в том, что для этого надо иметь всю совокупность проектов. Для лучшего понимания можно провести аналогию с мозаикой. Вы хотите сделать мозаичное изображение конкретного предмета. Для этого вы подбираете такие кусочки мозаики, которые точно подходят друг к другу. Проекты, как и кусочки мозаики, должны подбираться один к другому. Можно еще сказать по-другому. Всякий проект должен обрасти множеством контрактов. Иначе его реализация останется под вопросом. Я для ясности иногда использую термин «проектно-контрактная экономика», чтобы подчеркнуть важность погружения проекта в контрактную сферу. Но что такое контракт? Это тот же проект, только, может быть, поменьше. Цель контракта - гарантировать выполнение исходного проекта.

Еще один важный комментарий относительно условий, определяющих проект. Как видно, среди условий нет условия прибыльности проекта. Его нет по двум причинам. Во-первых, прибыльность или убыточность логично определять, если имеются рыночные цены. Если цены не рыночные и вообще, если мы имеем дело с многовалютной экономикой, то условие прибыльности ни о чем не говорит. Во-вторых, и это главное, проектная экономика тем и отличается от рыночной, что целью проекта является его

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

конкретное содержание, а не прибыль. Математический анализ моделей рыночной экономики привел к замечательному результату, говорящему, что внедрение прибыльных проектов приводит к повышению общего благосостояния, измеряемого суммой индивидуальных полезностей всех членов общества. Но здесь уже неоднократно говорилось, что критерий максимизации интегральной функции благосостояния отнюдь не бесспорен. Проектная экономика имеет возможности более тонко учитывать то, что нужно гражданам, группам и обществу в целом. Некоторые человеческие цели могут не *иметь* ничего общего с потреблением благ, что проектами учитывается, хотя они заведомо неприбыльные. Например, большинство религиозных целей, в частности связанных с духовным совершенствованием человека, относятся к этой категории.

*Контракт, или юридический договор, как правило (или шире - институт) взаимоотношений между людьми и организациями существует веками. Как всякий другой институт, контракт совершенствуется, совершенствуется в разных направлениях. В настоящее время теория контрактов развита достаточно глубоко*³.

Под проектом в наше время принято понимать нечто достаточно расплывчатое, где в первую очередь формулируется цель, а средства и методы достижения этой цели - во вторую. Естественно, что какой-либо формализации, что имеет место применительно к контрактам и бизнес-планам, не предполагается. Причем масштаб проекта может быть самым разным, от проекта строительства сарая до проекта переустройства общества.

В проектной экономике под проектом понимается гораздо более определенная вещь. А именно: проект есть иерархическая сеть контрактов, или, можно сказать, метаконтракт, где расписано все, как в обычном юридическом контракте.

Понятно, что разработка проекта в указанном понимании представляет собой отдельную, достаточно сложную работу, которую могут делать только специально обученные профессионалы, которых пока нет, нет и опыта создания таких проектов, и, что особенно важно подчеркнуть, нет школы по обучению такой профессии. То есть все надо начинать с нуля, тем более что наши великие генеральные конструкторы, создатели самолетов, ракет, вообще знаменитой военной техники, уже вряд ли смогут помочь. Хотя еще не все разработчики в мире ином и смогут помочь, если начнет использоваться технология творчества масс.

Технология разработки проектов должна иметь совершенно новую компоненту, опирающуюся на сетевое общество. А именно: проекты выкладываются в Интернете, и каждый может давать свои комментарии, предложения по улучшению, возможные подводные камни и пр. Одним словом, проект превращается в известной степени в творчество масс, как это уже отработано применительно к программному обеспечению (Открытый код) и к некоторым базам данных (Википедия

³ См.: Фуруборн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория - СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.- 700 с.; Bolton P., Dewatripont M. Contract Theory- London: The MIT Press, Cambridge Massachusetts, 2005.

и др.).

Могут возразить: а как же конкуренция? Нельзя раньше времени раскрывать свои карты. Ответ: в проектной экономике будут конкурировать массы, различные сообщества, проблема охраны интеллектуальной собственности выйдет на новый уровень. При этом старая технология - держать все в секрете, - естественно, останется. И конкуренция возможна между описанными технологиями порождения и разработки проектов открытая и закрытая. Вслед за поговоркой «Один ум хорошо, а два лучше», я надеюсь, появится: «Один коллектив хорошо, но всем миром - лучше».

Теперь о следующей стадии. Проект создан, и он вступает в конкурентную борьбу с другими (созданными) проектами за то, чтобы быть принятым к реализации. Критериев принятия проектов несколько. Главное - органично вписаться в совокупность уже реализующихся проектов (системный подход) и оценить, насколько прирастает общее благосостояние. Во-вторых, немаловажной является оценка вероятности реализации всего проекта и отдельных его стадий, ибо стопроцентной уверенности нет почти никогда, хотя и по разным причинам. Здесь важно подчеркнуть, что пресловутое явление, называемое «финансированием проекта», просто не возникает. Все прописано до мелочей, в том числе и форма оплаты на любой стадии. Здесь, кстати сказать, может пригодиться опыт исламских банков с их технологией финансирования проектов. Все это доказывает, что в проектной экономике условия для коррупции сводятся к минимуму.

Почему описанную выше весьма примитивную модель можно называть моделью проектной экономики? Ее можно называть моделью проектной экономики тогда, когда экспериментатор имитирует процесс формирования проектов. Имитирует то, что должно делать общество с помощью некоторого разумного механизма. Характерным признаком проектной экономики является приоритет формирования проектов (обществом). Это первый и главный шаг. Скрепляющие экономику проекты - это жесткая составляющая. Мелкие проекты - что-то промежуточное. А потом дается свобода предпринимательскому соцкластеру делать что хочешь, лишь бы проекты при этом были выполнены. Не случайно слово (обществом) взято в скобки. Дело в том, что механизм формирования проектов и их принятия остается здесь за кадром. Какие институты общества здесь играют определяющую роль - не рассматривается. Это отдельный принципиальный вопрос, практически не разработанный. Поэтому мы и говорим, что теория проектной экономики находится еще в самом начале своего развития. Многое зависит, естественно, от политического устройства общества, в котором будет функционировать проектная экономика.

После описания математической модели соцкластерного общества, стоит специально выделить главное выявленное.

1. Каждый соцкластер имеет результат своей деятельности, свою продукцию. Общество научилось хорошо измерять эту продукцию для соцкластера бизнес-людей и хуже в разной степени - для остальных соцкластеров. Задача измерения стоит на повестке дня, но не остро.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Для военных и госслужащих чуть острее, для остальных - не очень. Хотя косвенных показателей, имеющих отношение к проблеме, набирается достаточно. Кстати сказать, наше правительство время от времени предпринимает попытки найти измерители работы госаппарата. Это уже шаг в правильном направлении.

2. *Существует оптимальное (сбалансированное) соотношение между объемами произведенной продукции соцкластеров.* Чем больше нарушение этого соотношения, тем сильнее это сказывается на уровне развития общества. Если один из соцкластеров начинает доминировать, развиваться быстрее других, это негативно сказывается на других соцкластерах.

3. *Чтобы прийти к искомой сбалансированности, к принципу равноправия соцкластеров, необходимо внедрить в повседневную жизнь общества измерители работы всех соцкластеров.* Уже отмечалось не раз, что в теперешней повседневной жизни доминируют показатели рыночной экономики. Они уже впитываются, что называется, с молоком матери. В дошкольное и школьное образование все больше вкрапляются пособия, комиксы, игры с названиями «денежка», «банк», «цена» и тому подобные.

Правда, в современной экономической науке понемногу начинает расти понимание, что надо изучать мотивацию людей, связанную со смыслом жизни. Стала развиваться «экономика счастья» (economics of happiness), в основе которой лежит измерение так называемого индекса счастья. Создана и быстро пополняется международная электронная база данных по индексу счастья. Пока этот индекс измеряется неточно, с большой долей субъективности. Но начало положено. Индекс счастья по определению интегрален. В его формировании участвуют все соцкластеры. Будем ожидать, что наибольшее значение индекса счастья обеспечит соцкластерное общество, естественно, с тщательным учетом особенностей каждой страны.

Что касается проектной экономики, которую правильнее следовало бы называть проектно-договорной, то в ней много особенностей, нюансов, деталей, которые при первом знакомстве остаются невидимыми. А они, эти детали, принципиально важны. Пожалуй, главное - это определение, что есть проект.

Формально проект представляет собой детальный сетевой график, в котором указаны все промежуточные цели, все виды работ и четко прописана конечная цель. Конечная цель должна быть понятной, проверяемой, контролируемой. Если говорится, что индекс счастья должен повыситься на столько-то пунктов, то должна быть четкая методика, как это проверить. Работы и промежуточные цели не могут иметь пропусков или чего-то само собой разумеющегося, например, получения визы начальника или разрешения от мелкой организации. Но самое главное, работы должны быть обеспечены юридическими договорами с организациями исполнителями. Такие договора составляются по всей форме - с прописыванием форс-мажорных обстоятельств, штрафов за нарушение сроков, и тем более за неисполнение. Желательна проработка запасных вариантов на случай неисполнения договора,

Г.В. Макаров

которые также включаются в сетевой график. Естественно, что составной частью является организационное оформление управления проектом. Кто руководитель, какую ответственность он несет, какова его команда, как это оформлено юридически, в частности какова форма юридического лица.

Из вышеизложенного ясно, что в проектной экономике должен существовать развитый консультационный сектор, продукция которого - проекты, готовые к употреблению. Качество проекта - репутация компании.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ КАПИТАЛИЗМА: КЛАССИКА ПРОТИВ «НЕОКЛАССИКИ»

Сергей Сергеевич Губанов,
главный редактор журнала "Экономист"
д-р экон. наук, профессор.

Критически рассмотрен характер прогрессивности капитализма. Капиталистический способ производства стимулирует относительное трудовосбережение, а не абсолютное. Отсюда ограниченность его с точки зрения материальных стимулов к производительному труд. Обосновано, что капитализм не является и в принципе не может быть абсолютно прогрессивным общественно-экономическим строем. На пути человечества к обществу абсолютного прогресса он выступает всего лишь промежуточной, хотя и необходимой вехой. Показан результат сравнения капиталистического способа присвоения с производительно-трудовым: второй несопоставимо прогрессивнее первого.

Ключевые слова: *политическая экономия, трудовая парадигма, относительное трудовосбережение.*

S. Gubanov. HISTORICAL LIMITATIONS OF CAPITALISM: THE CLASSIC AGAINST "NEO".

Critically reviewed by the progressive nature of capitalism. The capitalist mode of production stimulates labor-saving relative, not absolute. Hence, its limited in terms of material incentives for productive work. It is proved that capitalism is not, in principle, can not be completely progressive socio-economic systems. On the way to a society of absolute human progress, he acts only interim, though necessary milestone. Displaying the comparison result of the capitalist mode of appropriation with labor productivity: the second is incomparably more progressive.

Keywords: *political economy, labour paradigm, the relative labour-saving.*

Злободневность вопроса о пределах капитализма

С каждым очередным капиталистическим кризисом мир все основательнее задумывается над вопросом об исторической ограниченности капитализма. Если четыре десятилетия назад «Римский клуб» инициировал дебаты о пределах роста, благодушно оставляя в подтексте, что речь идет не о каком-то абстрактном, но капиталистическом росте, то сейчас уже сама социальная действительность, стремительно преобразуемая мерной поступью технотронной, или «цифровой» индустриализации, прямо ставит в повестку дня пункт о пределах капитализма. Накопление капитала изначально

натывается на имманентные ему экономические противоречия и ограничения, но сейчас оно в упор сталкивается с ресурсными. Планета Земля физически не выдерживает теперь бесчеловечного молоха под названием «капитал», посылая человечеству все более и более драматические сигналы о грозящем уничтожении планетарных условий существования жизни и живого. Либо жизнь капитала и смерть планеты, либо жизнь планеты и смерть капитала – так ставит современная реальность вопрос об исторической ограниченности капитализма. Этот вопрос перестал быть чисто академическим и отвлеченным, ибо превратился по сути в вопрос о жизни и смерти человечества.

Кризис 2007-2009 гг. примечателен многим. И в том числе тем, что поднял проблему капиталистического бытия до уровня глобальной, в связи с чем впервые придал ей отчетливо политический характер, вызвав реакцию высших государственных кругов передовых индустриальных держав планеты. Отношение к проблеме, по идеологическим мотивам всячески причисляемой прежде к разряду маргинальных, претерпело сказочный метаморфоз, стало актуальным, заняло первые полосы уважаемых изданий, умы экспертов и политиков. Так, в пору последнего кризиса долларизации *The Financial Times*, весьма влиятельная газета финансово-биржевого истеблишмента, отвела специальную рубрику обсуждению того, какое будущее ждет капитализм. Учитывая темпы эволюции социальных взглядов, последующий кризис, а он отнюдь не за горами, вполне может инвертировать постановку и отлить ее в далеко не прозаический вопрос: есть ли вообще будущее у капитализма?

В настоящем материале кратко представлен теоретический анализ проблемы, выполненный с позиции диалектико-трудового ядра классической политэкономии, или просто – трудовой парадигмы. Обращение к научной классике безальтернативно, поскольку именно ею выработан первостепенной важности критерий, непосредственно пригодный для данного случая.

Согласно основополагающему положению трудовой парадигмы об историческом детерминизме, ни один общественно-экономический строй не сходит с арены формационной истории до тех пор, пока до конца не исчерпает весь свой прогрессивный потенциал. Приведенное обобщение всецело распространяется, разумеется, и на капиталистический способ производства.

Находясь в полном единстве с ходом социальной истории, диалектико-трудовая классика считает капитализм более прогрессивным по сравнению с феодализмом, но менее прогрессивным по сравнению с коммунизмом, основанном на расширенном воспроизводстве свободного времени, которое – и в том его подлинная, творчески-трудовая суть – используется для превращения науки в непосредственную производительную силу¹. Согласно классическому постулату, прогрессивность капитализма лишь относительна, а не абсолютна. Возведение ее в абсолют ошибочно и

¹ Приведенное определение дано в соответствии с *трудовой теорией свободного времени*, рассмотрение основ и принципов которой требует отдельного изложения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

недопустимо. Эксплуататорская по своей природе капиталистическая формация не вечна, преходяща, существует в конечных конкретно-исторических границах, а потому неминуемо то время, когда ей объективно придется уступить место экономически более прогрессивному и производительному социальному строю – неэксплуататорскому, в условиях которого регулятором воспроизводства становится норма свободного времени, а рабочее время сокращается ради увеличения свободного посредством роста реальной производительности труда, освобожденной от оков капиталистической оболочки.

Такова сжатая обрисовка исторической судьбы капиталистической формации с позиции классики. Но хотя известная классическая характеристика, венчаемая выводом об исторической ограниченности капиталистического способа производства, в целом фундаментально обоснована, в ней обозначился один заметный пробел, устранению которого и посвящен предлагаемый теоретический анализ. Поясним предметно, о чем собственно речь.

Тот факт, что капитализм прогрессивнее, чем феодализм, доказан исторической практикой исчерпывающе и никакому сомнению не подлежит. Больше того, по степени прогрессивности капитализм целиком превосходит также систему простого товарного производства, т.е. такую систему товарного хозяйства, когда товары еще не производятся в качестве капитала. Данный факт тоже бесспорен, ибо давно стал достоянием истории.

Несколько иначе обстоит дело в теории. Логическое временно отстало от исторического, поскольку до сих пор не вполне конкретизировано, в чем именно заключен источник относительной прогрессивности капитализма, какая сила делает капитализм прогрессивнее по сравнению с простым товарным хозяйством, каким образом устроен и функционирует механизм капиталистического прогресса, каковы его преимущества и недостатки.

Конечно, в рамках двух главных противоборствующих парадигм – трудовой и нетрудовой, или классической и «неоклассической» – предлагается готовый набор общих представлений. Но удовлетворительных пока нет. Если трудовая классика выдвигает объяснение в общем-то верное, но недостаточное, то антитрудовая по сути «неоклассика» довольствуется версией вообще неверной.

В соответствии с классическим подходом, секрет относительной прогрессивности капитализма сокрыт в эксплуатации наемного труда капиталом. И, стало быть, поддается объяснению на базе основного закона всей капиталистической формации – закона прибавочной стоимости. В принципе здесь все логично. Недостаёт лишь завершённости перехода от абстрактного к конкретному: абстрактное дано, между тем как путь к конкретному все еще не проложен. Иными словами, в данном пункте не выполнено восхождение от абстрактного к конкретному, из-за чего и сохраняется упомянутый уже пробел.

Советская политэкономия хотя и унаследовала этот пробел, однако особых

усилий для его преодоления не прикладывала. Причина ясна: советское общество в гораздо большей мере интересовалось источником и факторами прогрессивности социализма, чем капитализма. Вместе с тем понятна ошибочность возобладавшего тогда подхода. Он оказался в досадном разладе с логикой истории, которая учит, что не бывает результата без должных его предпосылок. И точно: если не конкретизирован источник прогрессивности исторически низшего, значит теория еще не готова конкретизировать источник прогрессивности исторически высшего и не так уж далеко ушла вперед.

Указанный изъян временен, он ни в коей мере не умаляет ни наследия, ни потенциала трудовой классики. Она жива, развивается и рано или поздно преодолеет его. В данном пункте, несомненно, она тоже добьется восстановления единства исторического и логического.

Совершенно противоположные цели преследует антитрудовая «неоклассика». Для нее важно не столько выявить, сколько сфальсифицировать источник и характер прогрессивности капитализма. Здесь априори принимается и возводится в культ догма о вечности и абсолютности капиталистического строя. Поэтому какой-либо проблемы единства исторического и логического, абстрактного и конкретного «неоклассика» попросту не признает, вследствие чего подменяет науку вульгарной апологией всевластия капитала. Короче говоря, подрядилась превращать научное в ненаучное.

На роль причины прогрессивности капитализма антитрудовая «неоклассика» привычно отрягает конкуренцию да пресловутый «закон спроса и предложения». Но это неудачно, и даже абсурдно. Вопрос ведь в том, почему капитализм прогрессивнее по сравнению с простым товарным производством. Из-за конкуренции? Полный нонсенс, ибо конкуренция действует и при простом товарном производстве. Из-за спроса и предложения? Тоже нелепость – спрос и предложение опять-таки свойственны простому товарному производству.

«Неоклассика» апеллирует к заведомо негодному: здесь совершенно беспомощна конкуренция, бессильны тавтологические и попросту неумные «законы Сэя», игра спроса и предложения, «крест Маршалла»: напрасно пересекать одну кривую другой или искать точку равновесия – какой-либо движущей силы в сей точке нет и быть не может. По поводу интересующего нас вопроса в антитрудовой «неоклассике» не найти ни единого рационального зерна.

Так как нам требуется, конечно же, строго научное решение, мы исходим из диалектико-трудовой классики – с тем чтобы конкретизировать, отчего капитализм более прогрессивен, чем система простого товарного производства, и к чему сводится формула прогрессивности капитализма.

Источник – присвоение по капиталу

На основании анализа ключевой вывод заключается в следующем: главным источником относительной прогрессивности капитализма по сравнению с

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

докапиталистическими формациями и простым товарным производством служит *присвоение по капиталу*.

Как выяснилось, именно оно обуславливает такое качественное изменение, в силу которого присвоение прибавочной стоимости, осуществляемое *по закону цены производства*, оказывается в пользу более капиталоемких и менее трудоемких производств, где применяются капиталы с более высоким техническим строением и больше квалифицированного труда. На базе простого товарного производства, напротив, при соблюдении требований закона стоимости распределение результатов труда происходит в пользу менее квалифицированного труда, более трудоемкого, с меньшей производительностью.

Нелишне, думается, напомнить о том, что такое закон стоимости и что такое закон цены производства, в чем заключается их общее и особенное.

Закон стоимости суть закон товарообмена как обмена эквивалентными стоимостями. В силу данного закона, в процессе товарообмена одна стоимость обменивается на другую, равновеликую, т.е. заключающую в себе равное количество затраченного общественно необходимого труда. Обмен товарами осуществим не иначе, как обмен стоимостями, причем такой, в котором стоимость одного товара уравнивается стоимостью другого. Закон стоимости, стало быть, есть закон обмена стоимостями, или трудовыми эквивалентами, представленными конкретными товарами. Поэтому не товарообмен регулирует величину стоимости, как утверждает вульгарная «неоклассика», а, напротив, стоимость регулирует своей величиной товарообмен, будучи его регулятором.

В отличие от закона стоимости, закон цены производства регулирует не товарообмен, а присвоение по капиталу. Соответственно классической политэкономии, закон цены производства требует, чтобы на равную массу авансированного денежного капитала приходилась равная масса прибавочной стоимости, или прибыли. На след названного закона первым напал еще Д. Рикардо. Но решающий вклад в обнаружение основного регулятора капиталистического присвоения сумел внести К. Маркс – благодаря разработке воспроизводственного подхода вообще и воспроизводственного кругооборота капитала в особенности. К. Маркс стал первым, кому удалось разгадать тайну реализации прибавочной стоимости, т.е. тайну превращения товарного капитала в денежный. К разгадке привело проникновение в политэкономическую суть цены производства. В итоге классика открыла, каким образом и почему именно цена производства выступает носителем равной прибыли на равный авансированный капитал, обеспечивая единый уровень общественной рентабельности на совокупный капитал. Более того, классическое понимание цены производства отлито К. Марксом в строго математическую ее формулу.

На основе и под воздействием закона цены производства в ходе капиталистического присвоения пропорционально больше прибавочной стоимости приходится на те капиталы, которые обеспечивают производство товаров при меньших

трудозатратах, меньшей трудоемкости и большей производительности. Именно поэтому капитализм приобретает специфический стимул, неведомый при простом товарном производстве – стимул к замещению трудоемкого капиталоемким, к замещению живого труда машинным, т.е. к машинозамещению. И хотя это лишь косвенный стимул, а не прямой, он революционизирует весь способ производства, ставя капитализм на историческую высоту, недостижимую для предшествующих ему формаций.

Исследование сущности, объекта и форм присвоения по капиталу составляет неоспоримую заслугу научной политэкономии. В результате установлено, что капиталистическое присвоение имеет своим объектом прибавочную стоимость, происходит по закону цены производства, вследствие чего приобретает разнообразные ценовые формы, включая и форму ценовой конкуренции. Соответственно, по сравнению с ценами простого товарообмена, когда товары еще не производятся как капиталы, цены производства объективно относятся к более высокой формационной ступени развития и выполняют особую, только им свойственную, в полном смысле слова системную функцию, внутренне встроенную в саму систему присвоения по капиталу и капиталистического воспроизводства в целом.

Исходя из единства закона присвоения по капиталу и закона цены производства, К. Маркс сумел определить фундаментальные основы ценового механизма капиталистического присвоения, притом в прямой связи с формированием цен производства. На наш взгляд, обнаружение причинно-следственной зависимости между присвоением по капиталу и ценой производства представляет собой классическое открытие не меньшей значимости, чем открытие двойственности труда или закона прибавочной стоимости. Названное триединое по сути открытие – двойственного характера наемного труда, закона прибавочной стоимости и закона цены производства как закона присвоения прибавочной стоимости по капиталу – образует самое ядро трудовой парадигмы, всей диалектико-трудовой классики.

Отдавая себе в том полный отчет, представители антитрудовой парадигмы, известной ныне под ложным брендом «неоклассической», намеренно проявляют особое рвение при попытках разорвать связь между ценами производства и присвоением по капиталу. Ради того и затеяны множественные прожекты низвержения трудовой парадигмы: «опровержение логикой» Е. Бем-Баверка, «опровержение равновесием» Л. фон Борткевича, «опровержение трансформацией» П. Самуэльсона, «опровержение совместным производством» Я. Стидмана. Но хитроумные уловки сторонников фальсификационизма тщетны. Несмотря на вселенски разрекламированные имена, когорте ниспровергателей не удалось ни отвлечь внимание от процесса капиталистического присвоения прибавочной стоимости, ни элиминировать связь между законом присвоения по капиталу и законом цены производства: вся антитрудовая «критика» ударила мимо цели².

Конкретно-историческая сущность капиталистического способа производства как

² Подробнее см.: Закон стоимости и цена производства (текущий этап дискуссии) // Экономист. 2007. № 9.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

товарно-денежного хозяйства, в котором господствует всеобщая, или денежная форма стоимости, дает основание утверждать: *нет и не может быть неценового присвоения по капиталу*. Действительно, будучи раз установленным, капиталистическое присвоение опосредовано кругооборотом в соответствии с формулой «деньги – товар – деньги», а потому имеет ценовой механизм своего функционирования. Основу такого механизма составляют цены производства. Генетически связанные с капиталистическим присвоением, они обслуживают движение всей системы воспроизводственного кругооборота совокупного капитала, включая процесс присвоения прибавочной стоимости пропорционально величине авансированного капитала. Классическое резюме вполне корректно: «Таким образом, превращение стоимостей в цены производства не снимает границ прибыли, но только изменяет распределение последней между различными отдельными капиталами, из которых состоит общественный капитал, – распределяет ее между ними равномерно, пропорционально той доле, какую каждый из них составляет по отношению к совокупному капиталу»³.

В воспроизводственном кругообороте воплощена суть движения капитала как целого, взятого в совокупности всех форм его метаморфоза. Логика марксова «Капитала» в точности соответствует стадиям капиталистического кругооборота: производство капитала рассматривается в I томе, обращение капитала – во II, движение капитала в целом, в единстве производства и обращения, в единстве конкретных форм воспроизводства – в III томе. Так и задумывалось: «Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из процесса движения капитала, рассматриваемого как целое»⁴.

Конечный пункт всего капиталистического кругооборота – возвращение авансированной стоимости в исходную, денежную форму после состоявшегося процесса производства и присвоения созданной трудом прибавочной стоимости по капиталу – достигается актом нетрудового присвоения произведенного трудом. Классикой глубоко исследованы и суть, и превращенные формы присвоения по капиталу. В ней доказано, что капиталистическое присвоение опосредовано ценами, в первую очередь – ценами производства. Поскольку цена производства возникает вместе с возникновением процесса капиталистического присвоения, благодаря тому осуществляется полный круг расширенного воспроизводства капитала, с обязательным накоплением последнего.

Нами уже сказано о попытках искусственного перемещения цены производства за пределы капиталистической формации, в частности к эпохе простого товарного производства (лишь по глубокому недомыслию именуемой «экономикой Смита»). Упражнялись в них П. Самуэльсон, М. Блауг и другие адепты фальсификационизма, демонстрируя явное нежелание выходить на фундаментальные пласты конкретно-исторических отношений и форм развития капитализма. Эти попытки оказались

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 431.

⁴ Там же. Т. 25. Ч. I. С. 29.

совершенно бесплодными, потому как несовместимы с объективным ходом новейшей истории, подлинными ее коллизиями, тенденциями, кризисами и поворотами.

Столь же неосновательны попытки противопоставления цены производства трудовой парадигме научной политэкономии. Нетрудовые субъект и способ присвоения, а присвоение по капиталу есть именно нетрудовое по своей социальной природе, вовсе не означают нетрудового объекта присвоения. В том-то и специфика капитализма, что создаваемое трудом присваивается не по труду, а по капиталу – пропорционально высоте технического строения капитала, посредством цен производства.

Конечно, попытки насильно вытолкнуть цену производства за границы капиталистического способа хозяйствования направлены главным образом на то, чтобы искусственно оторвать цену производства от капиталистического присвоения. Но, являясь ненаучными, они обуславливают еще один антинаучный эффект. Дело в том, что «перенос» цены производства из капиталистической формации в эпоху простого товарного производства убирает из поля зрения источник прогрессивности капитализма, намеренно скрывая объект познания и предметную область.

Само собой разумеется, научная политэкономия не вправе согласиться на беспредметность, а потому последовательно борется с горячечными приступами «неоклассического» фальсификационизма.

Формула капиталистического присвоения – это формула цены производства

Итак, источником относительной прогрессивности капитализма выступает присвоение по капиталу. Продемонстрируем теперь ценовой механизм действия данного источника и его формулу. В качестве иллюстрации воспользуемся предельно упрощенным числовым примером простого товарного производства, предложенным, словно вопрос на засыпку, П. Самуэльсоном в его известной статье, замышленной ради того, чтобы «стереть» с доски экономической мысли человечества трудовую парадигму и закон капиталистической эксплуатации.

Наличие прошлого труда, накапливаемого в качестве капитала, меняет все – так считает П. Самуэльсон. И немедля заключает: поэтому живой труд перестает быть мерилем стоимости. Удивительно, сокрушается автор, как только рикардянцы не заметили столь очевидного обстоятельства⁵. К чему бы тут рикардянцы, когда стрела пущена напрямик в К. Маркса – может недоумевать тот, кто слабо знаком с тайнами предпочитаемого П. Самуэльсоном лабиринта фальсификационизма. Ларчик открывается просто: каждый, кто попадает в сей лабиринт, испытывает идеологическую аберрацию зрения и перестает отличать А. Смита от Д. Рикардо, а Д. Рикардо от К. Маркса. Так и П. Самуэльсон – для него К. Маркс всего лишь один из рикардианцев, причем едва ли не столь же близкий к Д. Рикардо, как преосвященный Т. Мальтус⁶.

⁵ Samuelson, P. Understanding the Marxian Notion of Exploitation: A summary of the so-called transformation problem between Marxian values and competitive prices // *The Journal of Economic Literature*. June 1971. Volume IX. Number 2. P. 404.

⁶ Ibid. P. 406.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

Казалось бы, П. Самуэльсону достаточно просто подтвердить свой тезис и показать, каким образом возникновение капитала упраздняет трудовую парадигму, но ход его рассуждений обрывается неожиданным логическим кульбитом: вместо первого тезиса, оставленного без доказательства, выдвигается второй: люди-то разные, рабочая сила мужчин и женщин различается по продуктивности, допустим как 1:3⁷.

Предложенный пример как раз и представляет для нас интерес, хотя П. Самуэльсон на удивление быстро запамятовал о логике и своем возражении со ссылкой на накопление прошлого труда, из-за чего так и позабыл привлечь к делу капитал. Нам придется исправить это упущение, дабы наглядно посмотреть, что же все-таки изменяется с появлением капитала.

Начнем тем не менее с авторской версии примера. Фигурируют в нем два вида труда: квалифицированный и неквалифицированный, простой. Отсюда возможны два ветвления. Одно из них избирает П. Самуэльсон, конечно же – без капитала. Замкнув себя в лабиринте «опровержения» трудовой парадигмы, он путано блуждает из угла в угол, беспомощно полагая, будто проблема редукции труда составляет достаточный довод против трудовой природы стоимости. Он дезориентирован своим же заблуждением, ибо 1 час квалифицированного труда никак не эквивалентен большему количеству времени простого труда (здесь П. Самуэльсон забрел, по-видимому, в тупик примитивного понимания Е. Бем-Баверка).

Час труда всегда и при всяких обстоятельствах тождествен лишь самому себе, будучи часом человеческой жизни. Квалифицированный ли труд выполняется на протяжении часа, простой ли, женщина трудится или мужчина – это неважно. Важно только то, что затрачивается час человеческой жизни. Эталон не меняется в зависимости от того, к чему прикладывается. Метр остается метром независимо от того, какую длину измеряют с его помощью: астрономическую, земную, морскую или сухопутную. Так и *час социальной жизни человека* – это базисный эталон научной политэкономии, главная трудовая константа всей экономической метрологии, независимая от пола, возраста, вероисповедания, национальности и прочих конкретных особенностей человеческой личности.

Причем, нелишне заметить, это эталон самого гуманистического характера. Трудовая парадигма гуманна по определению, тогда как антитрудовая – заведомо бесчеловечна. Отвергая трудовую парадигму, ее критики не просто оправдывают исторически обусловленную эксплуатацию человека человеком. Их идеология, бесчеловечная из-за апологии капитала, выводит их взгляды за пределы всякого гуманизма: они традиционно уподобляют человека труда рабочему скоту, ставя знак равенства между работой труженика и лошади или мула, им видится «естественным» скотское отношение капитала к наемным работникам^{8,9}.

Исходя из политэкономического эталона, одинаковые затраты рабочего времени

⁷ Ibid. P. 404.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 24. - С. 240.

⁹ См.: Курц Х.Д., Сальвадори Н. Теория производства: долгосрочный анализ. – М.: «Финансы и статистика». 2004. - С. 466.

воплощаются в равных стоимостях. Различие относится лишь к производительности труда. В расчете на 1 час рабочего времени квалифицированный работник создает большее количество потребительных стоимостей.

Тем не менее П. Самуэльсон переиначивает ясное классическое понимание. Если труд мужчины, допускает он, в 3 раза менее производителен, чем труд женщины, то 1 час рабочего времени женщины равен 3 часам рабочего времени мужчины. И записывает несуразное равенство: $1L_1 + 3L_2 = L^{10}$. Будь даже так, тогда алгебраическая нотация все равно должна быть другой, а именно: либо $1L_1 + 3L_1 = 4L_1$ (L_1 – труд мужчины), либо $\frac{1}{3}L_2 + 1L_2 = 1\frac{1}{3}L_2$ (L_2 – труд женщины). Но, по классике, неверно ни то, ни другое.

Изначально ошибочны и недопустимы обе подобные записи. Почему? Потому, что П. Самуэльсон отбрасывает классический трудовой эталон, заменяя всеобщее, неизменчивое и необходимое единичным, изменчивым и случайным. Это равносильно тому, как если бы вместо единого эталонного метра каждый житель планеты использовал свою индивидуальную меру длины. Причем алогичность П. Самуэльсона принимает вид прямо-таки анекдотической, когда он старательно уверяет, будто выписывает свое уравнение в полном соответствии с трудовой теорией стоимости. У него получается, что мертвое хоронит живое.

Затратно-трудовой способ присвоения, или присвоение по закону стоимости

Между тем, подобранный П. Самуэльсоном пример пригоден для более достойной цели, и потому воспользуемся предложенной иллюстрацией. По принятым условиям, трудом мужчины и женщины при суммарной затрате 2 часов рабочего времени созданы четыре единицы однородной потребительной стоимости, причем за 1 час труда женщина создала три единицы, а мужчина – одну. Тогда в единице потребительной стоимости, созданной трудом женщины, воплощена $\frac{1}{3}$ часа труда – против 1 часа в единице потребительной стоимости, изготовленной трудом мужчины. Согласно закону стоимости, в данном примере каждая единица потребительной стоимости служит носителем 0,5 рабочих часов (2 часа/4 единицы).

В случае, когда произведенные потребительные стоимости присваиваются пропорционально затратам труда, или величине отработанного рабочего времени, в расчете на 1 час труда женщина и мужчина получают по две единицы потребительной стоимости (1 час/0,5 часа), т.е. поровну.

Стало быть, распределение и присвоение на основе затратно-трудовых эквивалентов, свойственное для простого товарного производства, складывается не в пользу квалифицированного и производительного труда. Приведенный пример можно усложнять, брать разнородные потребительные стоимости (бобров, оленей, булавки,

¹⁰ Samuelson, P. Understanding the Marxian Notion of Exploitation: A summary of the so-called transformation problem between Marxian values and competitive prices // *The Journal of Economic Literature*. June 1971. Volume IX. Number 2. P. 404.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

пшеницу, ткани, металлы, древесину и т.д.), вводить вектор-столбец трудозатрат – для природы и закона стоимости это безразлично.

Избранный пример никак не годится для опровержения трудовой парадигмы. Не помогает и вторая, модифицированная версия того же примера. П. Самуэльсон поджентльменски изменил условия, привлекая вместо однородных потребительных стоимостей разнородные. Теперь женщина в 3 раза удачливее мужчины при охоте на бобров, в 2 раза – при охоте на оленей. Вновь камнем преткновения изображаются стоимостные соотношения: «Как мы получим новую величину 'общественно необходимого труда'?» – вопрошает незадачливый критик, говоря о затратах для двух разнородных продуктов. Без вальрасовой системы уравнений, утверждает он, задача неразрешима, а коль скоро так, значит трудовая парадигма отпадает¹¹.

Здесь П. Самуэльсон вторично позабыл об обещанном капитале, голословен и не приводит никакого доказательства. Дабы снять сомнения, он мог бы продемонстрировать, как составить вальрасовы уравнения, но не продемонстрировал. Он мог бы дать исчисленные им обменные соотношения, но не исчислил их. Он ограничился утверждением без всяких посылок. На поверку же оно оказалось совершенно ложным. Применительно к рассматриваемому примеру вальрасовы уравнения бесполезны. Общественно необходимые затраты труда определяются с помощью простейших арифметических операций.

По условиям, за 1 час рабочего времени женщина добывает три бобра, тогда как мужчина – одного; с затратой еще 1 часа рабочего времени женщина добывает двух оленей, а мужчина – одного. Общие затраты труда составляют 4 часа. Из них 2 часа потребовались на добычу четырех бобров и другие 2 часа – на трех оленей. Отсюда легко устанавливается величина общественно необходимых затрат труда на единицу каждой потребительной стоимости: по $\frac{1}{2}$ часа рабочего времени на одного бобра и по $\frac{2}{3}$ часа – на одного оленя. Определяем искомое обменное соотношение: стоимость бобра составляет $\frac{3}{4}$ стоимости оленя ($\frac{1}{2} : \frac{2}{3}$).

Каким будет результат присвоения? Если он пропорционален индивидуальным затратам рабочего времени, а в примере они равны (по 2 часа), то женщина и мужчина вновь получают поровну: по 2 бобра и по $1\frac{1}{2}$ оленя. Усложнение примера, как и следовало ожидать, ничуть не повлияло на конечный итог. Менее производительный работник по-прежнему присваивает больше, чем производит.

Анализ приводит к выводу: уравнительное распределение, порождаемое законом стоимости и типичное для условий патриархального хозяйственного уклада, лишено стимулов для увеличения производительности труда. Ничего по-особому нового мы здесь не открыли. Данный факт известен с давних времен. Относительно новое выражается лишь в двух моментах: во-первых, давно известный исторический факт нашел четкое логическое объяснение, причем на основе трудовой парадигмы; во-вторых, «уравниловка» обусловлена действием закона стоимости, а потому не

¹¹ Ibid. P. 405.

составляет ни изобретения, ни идеала научной политэкономии. Как увидим далее, на смену капиталистическому присвоению история приводит отнюдь не уравнилельное.

Итак, «неоклассическое» ветвление, избранное для идеологического «погребения» неподатливой трудовой парадигмы, бесперспективно, и нам незачем больше отвлекаться на бесплодные усилия нелюбви к истине. Гораздо интереснее и плодотворнее другое ветвление – с учетом постоянного капитала.

Капиталистический способ присвоения, или присвоение по закону цены производства

Как уже показано, при простом товарном производстве распределение результатов происходит в пользу более затратного и менее производительного труда. Притом такое распределение вполне согласуется с законом стоимости и даже диктуется им. Останься подобный способ присвоения при капитализме, человечество до сих пор не ушло бы дальше феодализма. Однако положение в корне меняется при вступлении в силу закона присвоения по капиталу, благодаря чему больше прибавочной стоимости приходится на менее трудоемкие, но зато более капиталоемкие способы производства.

Приведем конкретную иллюстрацию, продолжая все тот же, не нами придуманный пример. Дабы не затемнять суть, возвратимся к первой версии и оставим все ее условия неизменными. Дополнительно к ним введем только производительный капитал, представленный средствами производства. В таком случае различие в производительности труда определяется, по классике, величиной органического строения капитала: соразмерно производительности оно должно быть в 3 раза выше в сфере занятости женщины.

Исходя из сказанного, примем стоимость постоянного капитала, которым располагает женщина, эквивалентной 6 часам труда: $c_1 = 6$; затраты живого труда составляют, по-прежнему, 1 час рабочего времени: $v_1 = 1$; величина органического строения применяемого женщиной капитала исчисляется отношением $a_1 = c_1/v_1 = 6$. Органическое строение капитала, используемого мужчиной, в 3 раза ниже, т.е. равно 2 ($a_2 = 2$); поскольку рабочее время тоже 1 час ($v_2 = 1$), стоимость его постоянного капитала эквивалентна 2 часам ($c_2 = 2$).

Органическое строение совокупного капитала (A) исчисляется отношением $(c_1 + c_2)/(v_1 + v_2)$; поэтому имеем: $A = 4$.

Суммарный выпуск ($\sum Q$) остается прежним и составляет четыре единицы потребительной стоимости: $\sum Q = 4$.

Сверх того можно было бы принять условие об эксплуатации, превращая мужчину и женщину в субъектов эксплуатации наемных работников. Но оно не обязательно, так как никоим образом не влияет на итоговые результаты. Как доказано, выдвинутый М. Блаугом довод, будто превращение нормы эксплуатации из постоянной в переменную делает классическую формулу цены производства ошибочной, лишено основания (?).

Спрашивается теперь, каким образом произведенное количество потребительных

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

стоимостей распределится между мужчиной и женщиной, если присвоение по затратам труда заменяется присвоением по капиталу? Сколько (Q_1) получит женщина и сколько (Q_2) – мужчина? При распределении по затратам труда они получили по две единицы потребительной стоимости, так что оказалось равенство: $Q_1 = Q_2$. Сохранится ли такой же итог при распределении произведенного по капиталу?

Прежний итог здесь уже не повторяется. Присвоение по капиталу меняет присваиваемые мужчиной и женщиной доли. Продемонстрируем наглядно, каким образом и почему. Доля на капиталы мужчины и женщины определяется ценами производства, т.е. общественным уровнем стоимости произведенных потребительных стоимостей, а не индивидуальным. В оговоренных условиях примера дано все необходимое и достаточное, чтобы прийти к решению с использованием обобщенной формулы отклонений индивидуальных стоимостей от цен производства¹². Надо не забывать только, что стоимость выражается здесь непосредственно в рабочих часах, поэтому и отклонения будут представлять рабочие часы. Кроме того, здесь применима упрощенная формула отклонений, без переменных норм эксплуатации.

С учетом принятых условий разность между ценой производства и индивидуальной стоимостью исчисляется согласно формуле:

для капитала женщины

$$\xi_1 = \left(\frac{1}{A+1} - \frac{1}{a_1+1} \right) \times (c_1 + v_1);$$

и для капитала мужчины

$$\xi_2 = \left(\frac{1}{A+1} - \frac{1}{a_2+1} \right) \times (c_2 + v_2).$$

Подставляя конкретные числовые значения, получаем:

для капитала женщины

$$\xi_1 = \left(\frac{1}{4+1} - \frac{1}{6+1} \right) \times (6 + 1) = 0,4;$$

и для капитала мужчины

$$\xi_2 = \left(\frac{1}{4+1} - \frac{1}{2+1} \right) \times (2 + 1) = -0,4.$$

Найденное решение означает, что на основе присвоения по капиталу доля женщины больше на 0,4 часа, тогда как доля мужчины меньше на 0,4 часа. В абсолютном выражении доля женщины составляет 1,4 часа, а мужчины – 0,6 часа. В пересчете на потребительные стоимости находим: $Q_1 = 1,4/0,5 = 2,8$ единицы; $Q_2 = 0,6/0,5 = 1,2$ единицы.

Окончательный итог присвоения по капиталу таков: $\xi_1 = 0,4$ и $\xi_2 = -0,4$; $Q_1 = 2,8$ и $Q_2 = 1,2$. Обратим внимание, мимоходом, на строгое выполнение обоих «инвариантов Маркса»: сумма отклонений равна нулю: $\xi_1 + \xi_2 = 0$; сумма присвоенного женщиной и мужчиной равна совокупному выпуску: $\sum Q = Q_1 + Q_2 = 4$. По ходу решения на горизонте не появлялось ни малейшего намека на «проблему трансформации», ибо при классическом подходе ее не существует.

Сравним теперь итоги присвоения по труду и по капиталу. В первом случае было равенство обеих долей: $Q_1 = Q_2 = 2$; женщина и мужчина получили по $2Q$

¹² Подробнее см.: Закон стоимости и цена производства (текущий этап дискуссии) // Экономист. 2007. - № 9.

потребительной стоимости, хотя женщина произвела $3Q$, а мужчина – $1Q$. Во втором случае видим неравенство присвоенных долей: $Q_1 \neq Q_2$; капитал мужчины обеспечил создание $1Q$ потребительной стоимости, а присвоил $1,2Q$, между тем как на капитал женщины пришлось $2,8Q$ при величине выпуска $3Q$.

Итоговое решение для варианта с капиталом вышло принципиально иным, хотя взят численно один и тот же пример. Как убеждаемся, присвоение по капиталу содержит косвенные стимулы в пользу более производительного труда. Благодаря тому оно исторически прогрессивнее по сравнению с затратно-трудовым способом присвоения, т.е. присвоением пропорционально затратам живого труда. В отличие от простого товарного хозяйства, на базе капиталистического способа производства отклонения складываются по ходу присвоения в пользу производств с более капиталоемким и производительным трудом.

Благодаря трудовой парадигме становится ясно и объяснимо, почему переход от простого товарного производства к капиталистическому сопряжен с качественно новым витком социально-экономического прогресса. Он сопровождается возникновением эффекта, дотоле незнаемого человечеством. Капитализм устанавливает такой экономический строй, при котором – в точном соответствии с законом цены производства – в процессе товарообмена и обращения больше вновь созданной стоимости присваивает не тот, чьи трудовые затраты выше, а тот, у кого они сравнительно ниже, кто сэкономил на них, у кого выше технический состав производительного капитала.

Присвоение по закону цены производства порождает стимул и эффект замещения трудоемкого капиталоемким. Здесь именно, а не в конкуренции, коренится та движущая сила, которая гонит капиталы в сферы приложения, где достижимо более высокое соотношение между капиталоемким и трудоемким.

Курьезно, но представители антитрудовой «неоклассики» все еще не в состоянии разобраться, откуда и куда перетекают производительные капиталы по классической теории и на практике.

Так, поразительным образом на пару отличились С.В. Брагинский и Я.А. Певзнер. Не верится даже глазам, когда читаешь их баснословный вздор, будто классика предписывает перелив капиталов из капиталоемких в трудоемкие сектора. Цитируем: «Различие в подходах Маркса и неоклассической теории к вопросу о природе прибыли особенно отчетливо проявляется в связи с трактовкой категории 'цена производства'. По Марксу, последняя представляет собой сумму издержек производства и средней прибыли, которая (средняя прибыль) образуется в результате перелива капитала из отраслей, где вследствие высокого органического состава капитала и соответственно ввиду меньшей массы труда образуется меньше прибавочной стоимости и ниже норма прибыли (т.е. ниже отношение массы прибавочной стоимости к сумме затрат на постоянный и переменный капитал), в те отрасли, где применяется больше труда,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

производится больше прибавочной стоимости и соответственно выше прибыль»¹³.

Оба автора явили тут совсем не трудовую классику: они явили лишь прискорбное ее незнание. И заодно нещадно высекли самих себя. Нечего опровергать их напраслину о переливе капиталов, образующем-де среднюю прибыль – прибыль есть результат эксплуатации труда; и это общая норма прибыли регулирует перелив капиталов, а никак не наоборот.

Главное в том, что капиталы ориентируются на цены производства и текут как раз в обратном по отношению к указанному направлению: из трудоемких сфер приложения или технологий в капиталоемкие. Все отклонения, а они представляют собой относительную прибавочную стоимость, положительны для капиталоемких производств и отрицательны для трудоемких. Это значит, что при переливе капиталов, обусловленном результатами капиталистического присвоения, происходит замещение трудоемкого капиталоемким, а не замещение капиталоемкого трудоемким.

Денежные капиталы, авансируемые в производительный, авансируются в капиталы более высокого технического строения и, напротив, не авансируются в капиталы низкого строения. Иными словами, объектом авансирования является конкурентоспособный производительный капитал. Из неконкурентоспособного же производительного капитала, а это капиталы именно низкого технического строения, т.е. с более высокой долей переменного капитала по отношению к постоянному, капиталисты выводят ранее авансированные средства. В общем, при авансировании поток денежного капитала устремляется в капиталоемкие средства производства и технологии, которые сокращают сферу и объем трудоемкого.

Если бы было иначе, если бы практика расходилась с классикой, если бы было так, как нелепо утверждают С.В. Брагинский и Я.А. Певзнер, то капитализм не знал бы тенденции замещения трудоемкого капиталоемким, т.е. не знал бы прогресса производительных сил. Но данная тенденция имманентна капиталистическому способу производства, и связана с тенденцией увеличения технического строения производительного капитала.

Заслуга классики не только в открытии обеих названных тенденций, а в научном объяснении их истоков, причин, характера и движущих сил. В объяснении, основанном на законе цены производства как законе капиталистического присвоения прибавочной стоимости. Согласно этому закону, трудоемкие сферы присваивают меньше прибавочной стоимости, чем создают.

Создание прибавочной стоимости отнюдь не тождественно ее присвоению. Ее создание зависит только от труда, а именно – от количества затраченного прибавочного труда. А ее присвоение зависит от высоты технического строения соответствующего частного капитала по отношению к общественному строению. Вот почему присвоение прибавочной стоимости, осуществляемое по закону цены производства, стимулирует

¹³ Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. – М.: «Мысль». 1991. – С. 188.

повышение технического строения капитала и замещение живого труда – что физического, что умственного – машинным.

Стало быть, конкурентоспособной при переливе капиталов выступает сфера капиталоемкого, а неконкурентоспособной – сфера трудоемкого. Перелив капиталов расширяет первую и сокращает вторую. Вся история капиталистического способа производства есть история роста капиталоемкого за счет трудоемкого. Здесь едины и практика, и классическая теория. Иначе и быть не может, ибо классическая теория представляет собой научное обобщение исторической практики.

Вместо элементарных знаний С.В. Брагинский и Я.А. Певзнер растиражировали антинаучные измышления. Предположим, авторам противна трудовая классика и милее антитрудовая «неоклассика». Тут их можно понять. Но, думается, не менее понятно, что существует истина и она не должна страдать, становясь заложницей идеологических пристрастий. Истина же в том, что капиталы более высокого технического состава приносят относительную прибавочную стоимость, меж тем как капиталы низкого – не приносят, а теряют. Надо еще умудриться, чтобы на пару заплутать в двух соснах и перепутать капиталы высокого строения с капиталами низкого. Если так немила классика, то лучше уж взяли бы данные практики – хотя бы из межотраслевых балансов.

Источник и формула относительной прогрессивности капитализма конкретизированы: источником является присвоение по капиталу, а формула тождественна формуле отклонений индивидуальных стоимостей от цен производства товарных капиталов. Еще раз подчеркнем: капиталистическое присвоение перераспределяет созданную общественным трудом прибавочную стоимость в пользу производительных капиталов исключительно с высшим техническим и органическим строением. А где заняты такие капиталы, там меньше сфера трудоемкого и больше сфера капиталоемкого.

Переключим теперь внимание на вопрос о границах прогрессивности капиталистической формации.

Посткапиталистический, или производительно-трудовой способ присвоения – по закону экономии труда

Вопреки интригующей заявке, автору примера, П. Самуэльсону, не удалось ровным счетом ничего: ни включить в рассмотрение капитал, ни провести водораздел между простым товарным производством и капиталистическим хозяйством, ни исчислить стоимость, или общественно необходимые затраты труда в расчете на единицу потребительной стоимости, созданной с применением капитала. Представитель «неоклассической» идеологии проявил эвристическую беспомощность, образцовую для всего своего вульгарного течения, ибо оплошал с применением даже закона стоимости, не говоря уже про закон присвоения по капиталу, в отношении которого вообще не обнаружил какого-либо понимания. Впрочем, было бы слишком наивно ожидать что-либо содержательное от П. Самуэльсона, который жил подрядом на демагогическое

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

ниспровержение трудовой парадигмы. Он в принципе не мог помыслить об анализе тех вариантов, какие вытекают из его же собственного примера. А их больше, чем один или два.

До сих пор мы рассматривали лишь два основных варианта: один – применительно к условиям простого товарного производства, без постоянного капитала; другой – применительно к условиям капиталистического воспроизводства. Но двумя вариантами перечень возможных не исчерпан. Это становится ясным при разборе уже первого из них, *затратно-трудового*. Тогда на долю мужчины и женщины пришлось по две единицы потребительной стоимости, пропорционально затратам рабочего времени. А ведь присвоение по труду осуществимо не только пропорционально затратам труда, как при простом товарном производстве: оно осуществимо еще пропорционально: а) результативности, б) производительности и с) эффективности труда. Число возможных вариантов увеличивается тем самым на три.

Чтобы не усложнять изложение, примем результативность за параметр неизменный, благодаря чему эффективность труда остается в зависимости только от производительности. В таком случае вместо трех вариантов достаточно проанализировать присвоение пропорционально производительности труда. Нас интересует, каким образом оно соотносится с присвоением по капиталу, какой из двух способов присвоения исторически более прогрессивен – нетрудовой капиталистический или производительно-трудовой.

Обратимся опять-таки к исходным условиям примера. В соответствии с ними, на создание трех потребительных стоимостей женщина затрачивает 1 час своего рабочего времени. Индивидуальная производительность ее труда (q_1) сводит затраты в расчете на единицу потребительной стоимости к $\frac{1}{3}$ часа. Индивидуальная производительность труда мужчины (q_2) ниже, и находится на уровне 1 часа в расчете на единицу потребительной стоимости.

Определим величину общественной производительности труда (q): она достигается при затратах на уровне $\frac{1}{2}$ часа – и потому выше, чем у мужчины, но ниже, чем у женщины.

Исчислим теперь отклонения индивидуальной производительности от общественной. Получаем:

для женщины

$$\mu_1 = q - q_1 = \frac{1}{2} - \frac{1}{3} = \frac{1}{6};$$

для мужчины

$$\mu_2 = q - q_2 = \frac{1}{2} - 1 = -\frac{1}{2}.$$

Стало быть, присвоение по производительности труда обеспечивает женщине долю, эквивалентную $1\frac{1}{6}$ часа ее производительного труда, что составляет 3,5 единицы потребительной стоимости: $Q_1 = 1\frac{1}{6} : \frac{1}{3} = 3,5$. При таком способе присвоения женщина получает больше, чем произвела. Напротив, доля мужчины понижается до $\frac{1}{2}$ потребительной стоимости: $Q_2 = \frac{1}{2} : 1 = 0,5$. Опять же впервые мужчина получает в

таком случае меньше, чем произвел. В предшествующих двух вариантах ни женщина не получала больше, чем изготовила, ни мужчина – меньше, чем создал.

Прежде чем перейти к анализу того, какой из способов присвоения исторически более прогрессивен, отметим одну принципиальную особенность. В отличие от затратно-трудового присвоения, осуществляемого на основе закона стоимости, производительно-трудовое несовместимо с действием такого закона и не подчиняется ему. В самом деле, в условиях присвоения пропорционально производительности труда сумма отклонений не равна нулю ($\mu_1 + \mu_2 \neq 0$), а доли мужчины и женщины не эквивалентны ни затраченному рабочему времени, ни, сразу заметим, ценам производства.

Указанная особенность существенно важна. Она означает не что иное, как принципиальную неосуществимость присвоения пропорционально производительности труда в условиях и простого товарного производства, и капиталистического воспроизводства. Тем самым выясняется, что производительно-трудовой способ присвоения стоит исторически выше капиталистического и недостижим при капитализме. Такой способ присвоения подчиняется закону экономии рабочего времени и, напротив, не подчиняется ни закону стоимости, ни закону прибавочной стоимости, ни закону цены производства.

Относительность и границы прогрессивности капитализма

Исходя из диалектического развития способа присвоения создаваемых благ, которое идет от простого к сложному, от менее прогрессивного к исторически более прогрессивному, можно заключить: на капитализме социальный прогресс не заканчивается. Капитализм служит лишь одним из промежуточных витков в диалектической спирали развития человеческого общества. Как не был единственно возможным затратно-трудовой способ присвоения, так не является единственно возможным и присвоение по капиталу. На смену капиталистическому присвоению история prepares *производительно-трудовое*, приведенное в прямое соответствие с требованиями закона экономии времени.

Затратно-трудовой способ присвоения стоит ниже капиталистического, а последний, в свою очередь, стоит гораздо ниже производительно-трудового, будучи отсталым и непрогрессивным по отношению к нему. Зафиксировав установленный факт, рассмотрим несколько обстоятельнее вопрос о прогрессивности рассматриваемых способов присвоения. Капиталистический, о чем уже сказано, превосходит затратно-трудовой. И вполне ясно, за счет чего, почему и насколько.

Присвоение по капиталу прогрессивнее по сравнению с затратно-трудовым за счет замещения трудоемкого капиталоемким. При капитализме происходит становление особого подразделения общественного воспроизводства – производства средств производства. Труд, здесь занятый, по своему экономическому предназначению превращается в труд по экономии живого труда. Труд, вложенный в орудия труда,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

экономит труд в сфере их применения. Принимая форму постоянного капитала, средства производства функционируют в качестве способа замещения живого труда прошлым, или иначе – замещения трудоемкого капиталоемким. В том именно прогресс находит при капитализме свой конкретно-исторический способ и свою экономическую определенность. Отсутствие замещения трудоемкого капиталоемким равносильно для капитализма прекращению всякого прогресса. На базе капиталистического воспроизводства никаким иным способом, кроме замещения трудоемкого капиталоемким, прогресс производительных сил не идет и идти не может.

Капиталистическое присвоение, далее, прогрессивнее в силу механизма цены производства, настроенного в пользу более квалифицированного и производительного труда, и оттого подталкивающего к повышению органического строения производительного капитала. Присвоение по капиталу имеет имманентную ему, а потому обязательную форму – ценовую. Оно опосредовано ценой производства, определяемой в зависимости от органического строения капитала. В результате капиталы с высоким строением присваивают больше прибавочной стоимости, чем создается при их применении, а капиталы с низким – меньше, чем они извлекают из эксплуатируемого ими наемного труда.

Оно, наконец, прогрессивнее лишь относительно, в подтверждение чего отметим только главное и основное.

Во-первых, абсолютное трудосбережение, диктуемое законом экономии времени, находится в прямом противоречии с основным законом капитализма – законом прибавочной стоимости. Капиталистическое воспроизводство требует беспрестанного накопления стоимости, для чего заставляет капиталистов выдавливать из наемных работников максимум прибавочного труда. Поэтому экономия труда подчиняется капиталом сокращению затрат необходимого труда ради увеличения затрат прибавочного.

Во-вторых, капитализм не отбросил затратно-трудовой способ распределения, а поставил себе на службу. С его помощью, т.е. пропорционально затратам живого труда, капитализм устанавливает заработную плату наемных работников. Сокращение трудоемкости влечет для наемных работников понижение сдельных расценок и почасовых ставок оплаты. Поэтому повышение производительности труда в такой же мере невыгодно наемным работникам, как и женщине из разобранный нами примера П. Самуэльсона: при увеличении производительности своего труда они получают меньше, чем производят. Капиталу приходится буквально выжимать из них более высокий уровень производительности, пуская в ход массовые увольнения и локауты. Кульминационной точки нажим на трудящихся достигает, как правило, в период кризиса и депрессии.

В-третьих, тем из капиталистов, у кого выше техническое строение капитала и ниже издержки, какой-либо прогресс невыгоден до тех пор, пока цена производства позволяет им присваивать больше прибавочной стоимости, чем создаваемая

эксплуатируемым ими трудом. Передовые капиталы, поскольку они остаются таковыми, лишены стимулов к прогрессу и, более того, на время тормозят прогресс, чтобы сохранить свое передовое положение и возможность присвоения относительной прибавочной стоимости. Прогресс выгоден тогда владельцам лишь технически отсталого капитала, поскольку они жаждут изменить неблагоприятное для них положение, при котором на их долю приходится меньше, чем создается подвластным им трудом. Короче говоря, если для отсталых по своему строению капиталов выгодно тянуться к передовым, то для последних невыгодно становиться еще более передовыми, зато выгодно блокировать прогресс отсталых и препятствовать росту их технического строения.

Стало быть, капиталистическое присвоение, осуществляемое посредством цены производства, обуславливает двойственную конкуренцию капиталов, обладающую единством двух противоположных начал – созидательным и разрушительным. Капиталы с более высоким органическим составом выступают в качестве угнетателей и разрушителей капиталов с низким и отсталым составом, втягивая их в разрушительную и разорительную конкуренцию. Поэтому прогресс при капитализме идет рука об руку с регрессом, через периодические кризисы воспроизводства, а передовое постоянно нуждается в отсталом. Суровый антагонизм труда и капитала пронизывает весь капиталистический способ производства целиком, превращая в антагонистический и сам прогресс, по ходу которого созидание чередуется с разрушением, а разрушение – с созиданием.

В-четвертых, капитализм не знает прямых стимулов к прогрессу производительных сил и довольствуется только косвенными, окольными, побочными. Прогресс движется лишь постольку и в той мере, в какой служит накоплению стоимости и возрастанию капитала. В те же самые сковывающие капиталистические формы и отношения заключен также процесс замещения трудоемкого капиталоемким. Соответственно основному закону капитализма, экономия труда, или трудосбережение, обращается в капиталистический эффект, т.е. в прибавочную стоимость. Сокращая необходимый труд ради увеличения прибавочного, капитал раздвигает границы прибавочного рабочего времени, т.е. времени прямой работы наемных работников на капиталистов.

Обеспечиваемый на капиталистическом базисе эффект трудосбережения суть относительный в полном смысле слова. Он относится не ко всему рабочему времени, а лишь к части последнего – ко времени необходимого труда. Трудосбережение используется капиталом не столько для сокращения длительности рабочего дня или рабочей недели, сколько для изменения внутренней пропорции между прибавочным и необходимым трудом, так что длительность первого повышается, а второго – понижается. В результате главное, к чему приводит эффект трудосбережения, заключается в увеличении нормы прибавочной стоимости, или нормы эксплуатации рабочей силы человека.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

В-пятых, капитализм до сих пор продолжает использовать отсталый, восходящий еще к средневековью затратно-трудовой способ регулирования заработной платы наемных работников. Капитализм не может не использовать его, ибо объективно вынужден к тому противоречием товара, включая товар рабочая сила – противоречием между потребительной стоимостью и стоимостью. Капиталистический способ производства есть производство и накопление стоимости, а потому во всех отношениях ставит стоимость над потребительной стоимостью. Хотя наемные работники непосредственно производят потребительные стоимости, заработная плата зависит от вновь созданной ими стоимости. В свою очередь, всякая стоимость, в том числе вновь созданная, понижается по мере роста реальной производительности труда, по мере реального прогресса производительной силы общества. Вследствие этого капитализм ставит в непримиримое противоречие производительность труда и стоимость. Данное противоречие может быть разрешено только заменой капиталистического присвоения производительно-трудовым. При капитализме оно неразрешимо.

Обусловленное законом прибавочной стоимости, подчинение наемных работников накоплению стоимости и капитала вынуждает сохранять средневековой, затратно-трудовой способ регулирования заработной платы. Тем самым капиталистический способ производства исключает прямую и непосредственную заинтересованность в увеличении производительности труда со стороны не только капитала, но и труда.

Имманентная затратность капитализма

Командуя наемным трудом, капитал командует также и трудосбережением, которое осуществляется в той мере и постольку, поскольку служит расширенному накоплению и капиталистическому воспроизводству. Соответственно, вторым важным следствием эффекта, генерируемого законом капиталистического присвоения, становится рост технического строения применяемых обществом капиталов. Заметим, техническое строение применяемого производительного капитала является одной из генеральных пропорций всего капиталистического воспроизводства. Ее пронизательно выделял еще А. Смит: «Число полезных и производительных рабочих, как это будет выяснено в дальнейшем, везде находится в пропорции к количеству капитала, используемого для того, чтобы дать им работу, и от особого способа его употребления»¹⁴.

В свою очередь, властная необходимость наращивания технического уровня производительного капитала диктует создание условий и материальных предпосылок для развития науки, образования и технологий. Паровая эра, затем электрическая, надвигающаяся теперь неоиндустриальная, или технотронная – все это гигантские концентрические кольца волнообразно расширяющейся при капитализме вселенной по

¹⁴ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. The Glasgow Edition Of The Works And Correspondence Of Adam Smith. Vol. II. Oxford: Clarendon Press. 1979. P. 11.

имени научно-технический прогресс производительной силы общественного труда.

Вся суть предпринятого здесь сравнения в том, что оно выявляет источник прогрессивности капитализма относительно простого товарного производства. Это и впрямь не конкуренция, не спрос и предложение, не закон стоимости.

Источник исторически значимого эффекта относительного трудосбережения обнаружен в действии закона капиталистического присвоения, которое – подчеркнем особо – также осуществляется в полном согласии с требованиями закона стоимости и цены производства.

По закону капиталистического присвоения капиталы с высшим органическим строением присваивают больше прибавочной стоимости, чем создается непосредственно занятой ими рабочей силой, а с низшим – меньше. Отсюда движущая сила того процесса, который связывает рост капиталоемкости со снижением трудоемкости, т.е. обуславливает увеличение технического строения капиталов, замещение живого труда – физического и умственного – машинным, научно-технический прогресс общества.

Но закон капиталистического присвоения есть одновременно и закон имманентного капитализму антагонизма между трудом и капиталом. Присвоение прибавочной стоимости по капиталу означает отчуждение непосредственных работников от результатов собственного труда. Вместе с воспроизводством капитала воспроизводится весь социальный антагонизм, свойственный капитализму и выступающий в разнообразных формах классовой борьбы.

Двойственность труда, открытая К. Марксом, переходит через антагонистические производственные отношения в двойственность движущей силы научно-технического прогресса, в антагонизм между факторами движения и торможения процесса развития общественной производительной силы. Процесс в целом идет противоречиво, постоянно натываясь на внутренние ограничения как объективного, так и субъективного порядка.

Объективные ограничения прогресса выражаются, прежде всего, в относительно узких границах капиталистического применения машин, раз оно подчинено воспроизводству стоимости капитала вместо непрерывного удешевления продукта труда. Капитал отвергает машину, способную удешевить производство потребительных стоимостей, но непригодную для того, чтобы увеличить массу или норму прибавочной стоимости.

Объективные ограничения, далее, накладываются на ход прогресса также отношениями реального подчинения труда капиталу. Наемный работник выступает для капитала не целью, а средством.

Капитал выжимает из нанятых максимум прибавочного труда. Оттого экономия труда, извлекаемая в одной форме, обращается на увеличение труда в другой форме. Говоря конкретно, сокращение необходимого рабочего времени направляется на прирост времени прибавочного труда. Вот почему при капитализме не машина служит

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

человеку, а человек машине. «Отсюда тот экономический парадокс, что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в вернейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его стоимости»¹⁵.

Объективные ограничения коренятся в самом антагонизме между трудом и капиталом, в антагонизме между классовыми интересами наемных рабочих и капиталистов. Рост производительности общественного труда понижает стоимость как товаров, так и применяемого капитала, подразделяемого на постоянный и переменный. Под действием растущей производительности понижается также стоимость рабочей силы. «Стоимость товаров обратно пропорциональна производительной силе труда. Это относится и к стоимости рабочей силы, так как она определяется товарными стоимостями. Напротив, относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда. Она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда»¹⁶.

Но пока рабочая сила остается на положении товара, ее носители не заинтересованы в уменьшении ее стоимости. Напротив, они заинтересованы в увеличении ее стоимости. Исходя из своих экономических интересов, взятых в специфически капиталистической оболочке, наемные рабочие не столько содействуют, сколько противодействуют тому, чтобы прогресс производительной силы общества напрямую и в соразмерной пропорции становился приростом производительности общественного труда. «Закон, согласно которому все возрастающая масса средств производства может, вследствие прогресса производительности общественного труда, приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы, – этот закон на базисе капитализма, где не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражается в том, что чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятости, тем ненадежнее, следовательно, необходимое условие их существования ... »¹⁷.

Поскольку в ходе капиталистического присвоения от работников отчуждаются и условия, и результаты их труда, у них нет и не может быть прямой заинтересованности в развитии реально достижимой производительности труда.

В настоящее время, с выходом наиболее развитых стран мира на стадию государственно-корпоративного капитализма, происходит массовая неоиндустриализация производительных сил, сопровождаемая сокращением доли физического труда и увеличением доли умственного, или интеллектуального труда. Соответственно, старые футурологические концепции, типа «постиндустриального общества», спешно модифицируются с тем, чтобы поддержать пропаганду иллюзии, будто приходит эра «производства знаний», а знания якобы неотчуждаемы. Идея в том, чтобы действительно набирающее силу качественное изменение в содержании труда

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 23. - С. 419.

¹⁶ Там же. - Т. 23. - С. 330.

¹⁷ Там же. - Т. 23. - С. 659.

выдать за отмену эксплуатации, за «перерождение» капитализма.

Но вот вопрос: а что же объективные законы и противоречия капитализма – они тоже «перерождаются» или же продолжают действовать как ни в чем ни бывало? Что, «выпустил пар» и сошел на нет закон капиталистического присвоения прибавочной стоимости? Что, он не имеет силы в отношении науки и научно-технических знаний? Подобные вопросы даже не ставятся. Экономических законов для идеологов «постиндустриальной» утопии не существует. Но ведь это факт: где нет объективных законов общества, там нет общественной науки.

Как и всякая подлинная наука, классика исходит из диалектического детерминизма, из реальных законов и противоречий. И потому приходит к верному выводу, что научное знание обращается при капитализме в такой же объект эксплуатации и отчуждения, как и сам труд. «Наука вообще ‘ничего’ не стоит капиталисту, что нисколько не препятствует ему эксплуатировать ее. Капитал присваивает ‘чужую’ науку, как он присваивает чужой труд»¹⁸.

Будучи для капитала объектом эксплуатации, само по себе научное знание никак не может выступать в роли освободителя общества от эксплуатации человека человеком. Напротив, капиталисты отчуждают и присваивают научные достижения в точности по тем же самым законам, по каким осуществляется капиталистическое применение машин. Впрочем, каждая машина воплощает в себе материализованные научные знания и выступает их вещественным носителем. *Поэтому не может быть капиталистического применения машин и некапиталистического применения знаний.* Напротив, закон капиталистического присвоения требует коммерциализации научных знаний, т.е. форсированного превращения их в капитал. В общем, на базе капиталистического присвоения не знания подчиняют себе капитал, а капитал подчиняет себе как сами знания, так субъективных и объективных их носителей.

Иллюзии, когда их ложность становится достоянием общественного сознания, рассыпаются в прах. Так будет и с ложной иллюзией «постиндустриализма». Индустриализация умственного труда, или неоиндустриализация, а равно связанное с нею обретение интеллектуальным трудом массового и всеобщего характера, есть значимая тенденция современности. Но она свидетельствует пока не о прекращении капитализма; она является признаком его восхождения на более высокую, государственно-корпоративную стадию развития. Естественно, в условиях присвоения по капиталу работники умственного труда столь же мало заинтересованы в достижении реально возможной производительности, сколь и работники физического труда. Так что ограничительные путы отнюдь еще не сняты с научно-технического прогресса.

Со своей стороны капиталисты также стремятся как можно дольше держать в секрете новейшие технологические открытия и научно-технические достижения, т.е. противостоят процессу повышения технического строения совокупного производительного капитала. Дело тут не в поведенческих мотивах, к которым столь

¹⁸ Там же. - Т. 23. - С. 398 (примечание).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

явную слабость питает отпочкование А. Маршалла, не в добре и зле. Причина отчетливо иллюстрируется моделью действия закона капиталистического присвоения: пока техническое строение отдельных капиталов поднимается до общественного уровня, или уровня совокупного капитала, происходит понижение общей нормы прибыли. Поэтому у владельцев капиталов более высокого строения прямая заинтересованность в том, чтобы всеми доступными средствами, включая внеэкономические, блокировать научно-техническое развитие капиталов низкого строения.

Так объективные ограничения научно-технического прогресса дополняются соответствующими им субъективными, притом на стороне и класса наемных работников, и класса капиталистов.

В связи со сказанным выясняется интересный нюанс. Оказывается, для ограничения научно-технического прогресса капиталом установление какой-либо монополии вовсе не обязательно. Имеется монополия или не имеется – возникновение и наличие рассматриваемых ограничений от этого совершенно не зависит. Главное, от чего они зависят, представляет собой феномен относительной прибавочной стоимости. Капиталист, чей капитал по своему строению позволяет присваивать относительную прибавочную стоимость, всемерно противостоит инновациям на всех уровнях экономики. Волей-неволей, объективно вынужден он выступать консерватором вместо новатора.

Почему дело обстоит так, а не иначе, разъяснил научный анализ К. Маркса. Как выяснилось, специфически капиталистическая форма, в какой происходит развитие производительных сил общества на базисе капитализма, низводит их до положения производительной силы не труда, а капитала. Соответственно, критерием отношения капиталистов к прогрессу выступает экономия именно капитала, экономия издержек капитала, включая издержки на рабочую силу. Для капиталиста решающее значение имеет экономия на постоянном и переменном капитале, но не экономия общественного труда как такового.

«Производство ради стоимости и прибавочной стоимости предполагает, как показали наши дальнейшие исследования, постоянно действующую тенденцию к сокращению рабочего времени, необходимого для производства товара, то есть к уменьшению стоимости товара ниже существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим рычагом повышения общественной производительной силы труда, которое, однако, здесь представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала»¹⁹.

Тем самым прогресс втискивается в узкие, относительно общественного труда, рамки эффективности производительного капитала, измеряемой увеличением эксплуатации живого труда и размера выжимаемой прибавочной стоимости. Вот почему владелец капитала с более высоким органическим строением заинтересован в

¹⁹ Там же. - Т. 25. Ч. II. - С. 453.

максимально продолжительном сохранении низкого технического уровня у чужих для него капиталов. При отставании от них он новатор, а при опережении – консерватор. Дело, как видим, не в монополии. Истинной причиной криволинейного научно-технического прогресса при капитализме служит частнокапиталистическая собственность на средства производства.

Класс капиталистов всегда внутренне разделен на консерваторов и новаторов. Но ни монополия, ни конкуренция, ни предпринимательство не имеют ни малейшего отношения к такому внутриклассовому разделению. Оно порождается структурой совокупного капитала, соотношением закрепленных частнокапиталистической собственностью долей между низким и высоким составами.

Поэтому попытка самозванной «неоклассики» причислить к «силам зла» только монополию уводит в сторону от истины. В действительности ограничения, накладываемые на научно-технический прогресс, генерируются основным противоречием капитализма, т.е. антагонизмом между трудом и капиталом. Вполне понятно, от чего отвлекает внимание ложная фиксация на монополии: от фундаментальных противоречий капиталистической формации, в том числе от противоречия между общественным характером труда и частнокапиталистическим способом присвоения.

Внутренняя природа самого капитала как постоянно накапливаемого количества отчужденного труда – таков главный ограничитель научно-технического прогресса и производительности труда при капитализме. В конечном счете, выявление достижимого уровня производительности происходит через периодические кризисы, окольным путем, принудительно и насильственно. В общем, капитализм прокладывает не прямую магистраль прогресса, а окольный и зигзагообразный путь, движение по которому поддерживается косвенными стимулами и возможно только при регулировании базовой пропорции между капиталоемкостью и трудоемкостью.

Научная конкретизация причины и непосредственного источника относительной прогрессивности капиталистического производства по сравнению с простым товарным обогащает знания об объективных пределах капиталистической формации. Капитализм есть общественно-экономический строй, затратный и расточительный в силу самой своей эксплуататорской сущности. Он требует сокращения затрат только необходимого труда и всемерного увеличения затрат прибавочного труда, ибо прибавочная стоимость и прибыль есть не что иное, как овеществленное количество затраченного прибавочного времени наемных работников. С позиции классической трудовой парадигмы всякая прибыль суть затратна, более того – тождественна прямой и косвенной убыли здоровья и жизни людей. В пореформенной России бесчеловечная природа частной прибыли подтверждается на практике с регулярностью и безжалостностью неумолимо движущегося конвейера катастроф, крушений, загрязнений и выбросов вредных веществ, пищевых отравлений, социальных конфликтов, кровавых преступлений, словом – конвейера депопуляции страны.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

Затратная природа, таким образом, это имманентный капитализму атрибут, который искореним лишь вместе с самим капиталистическим строем.

Пункт методологического расхождения между классикой и «неоклассикой»

Итак, в условиях простого товарного производства господствует затратно-трудовой способ присвоения, который подчиняется закону стоимости. С превращением же простого товарного производства в капиталистическое, когда товары производятся как капиталы, в силу вступает капиталистический способ присвоения. Он зависит от органического строения капитала, а потому действует по закону цены производства, благодаря чему обуславливает тенденцию замещения трудоемкого капиталоемким. В свою очередь, данная тенденция придает капиталистическому строю относительную по характеру прогрессивность. И вместе с тем – предопределяет его историческую ограниченность.

Современный капитализм, достигнув государственно-корпоративной стадии своего развития, зримо трансформируется в государственный. Не только в странах ЕС. Основы госкапитализма складываются и в США. Госкапитализм же составляет высшую, а потому исторически последнюю стадию капиталистического способа производства. Это – поистине предел капитализма как общественно-экономического строя. И уже теперь понятно, в принципе, какой строй общества будет формироваться за этим пределом.

Развернувшаяся ныне неоиндустриализация производительных сил все четче вырисовывает контуры посткапиталистического способа присвоения, объективно идущего на смену капиталистическому. Не вдаваясь в подробный разбор, ибо это предмет особого изложения, ограничимся лишь принципиальным тезисом: новому, исторически последующему способу присвоения имманентен закон экономии времени, вследствие чего он является трудо-экономным и создает уже не косвенные, а прямые стимулы для увеличения производительности труда и сокращения рабочего времени непосредственных работников.

В завершение отметим, что прослеженная нами закономерная связь между относительной прогрессивностью капитализма и капиталистическим присвоением находит признание ряда других исследователей, в том числе и тех, кто готов постулировать влияние «неоклассики» на понимание стоимостных категорий.

К примеру, с предметной постановкой, методологией и основным результатом нашего исследования согласен Ю. Князев. По его мнению, присвоение по закону цены производства действительно объясняет источник исторических преимуществ капитализма. В то же время он полагает, что нельзя ограничивать анализ только уровнем сущности, поскольку при абстрагировании от конкретных явлений, каковы конкуренция, спрос и предложение, теория остается фрагментарной, нецелостной²⁰.

²⁰ Подробнее см.: Князев Ю. Закон стоимости и стоимостные категории капитализма // Общество и экономика. 2011. - № 4-5.

На наш взгляд, Ю. Князев затрагивает фундаментальный пункт, связанный с пониманием не столько самих по себе стоимостных категорий, сколько их логической взаимозависимости и соподчиненности.

Как уже показано, в процессе исследования мы не просто исходим из классического понимания ключевых причинно-следственных зависимостей в капиталистическом способе производства, а последовательно проводим это понимание. И, надо заметить, Ю. Князев отдает должное тому, что отстаиваются именно «позиции классиков». Классика же учит, что научно установленной причины достаточно, чтобы объяснить следствие, тогда как обратное неверно.

Действительно, конкуренция вполне объяснима законом присвоения по капиталу, т.е. законом цены производства. Однако, закон цены производства необъясним конкуренцией. Как раз затем, чтобы сделать конкуренцию научно объяснимой, требуется абстрагироваться от нее, предприняв методологически известный в классике переход от конкретного к абстрактному. Вслед за тем, естественно, приходит черед восхождения от абстрактного к конкретному, от причины – к различным ее проявлениям.

Причинно-следственный детерминизм выводит поэтому вовсе не на абстрактную конкуренцию. Он выводит, во-первых, на конкуренцию созидательную и конкуренцию разрушительную (дихотомия А. Смита); во-вторых, на конкуренцию по цене и конкуренцию по качеству товаров; в-третьих, на конкуренцию капиталов по техническому строению, или их конкурентоспособность; в-четвертых, на феномен ограничения конкуренции – ограничения экономического и внеэкономического, институционального.

Классика признает, более того – не может не признавать, конкуренцию в виде конкретного явления капиталистической действительности. Но для классики совершенно немыслима абстрактная конкуренция. «Неоклассика» же, напротив, не только выставляет наперед абстрактную конкуренцию, но и возводит ее в абсолют, делает из нее идола и свое забрало. Тем самым конкуренция безосновательно наделяется атрибутами причины и сущности.

Как видим, затронутый Ю. Князевым пункт методологического расхождения между научной классикой и вульгарной «неоклассикой» весьма принципиален, в связи с чем требует отдельного рассмотрения. Что же касается вывода о присвоении по закону цены производства как источнике относительной прогрессивности капитализма, то его обоснованность на уровне сущности едва ли может быть предметом сомнения или спора.

Заключение

Думается, представленных аргументов достаточно, чтобы различать относительный характер прогрессивности капитализма, а также исторические ее границы и объективную ограниченность. Капиталистический способ производства стимулирует относительное трудосбережение, а не абсолютное. Отсюда ограниченность его с точки зрения материальных стимулов к производительному труду.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА

Подытоживая аргументацию, правомерно заключить: эксплуататорский по своей объективной природе, капитализм не является и в принципе не может быть абсолютно прогрессивным общественно-экономическим строем. На пути человечества к обществу абсолютного прогресса он выступает всего лишь промежуточной, хотя и необходимой вехой.

Изложенным по сути предопределен результат сравнения капиталистического способа присвоения с производительно-трудовым: второй несопоставимо прогрессивнее первого. Если возвратиться на мгновение к фигурантам не раз уже разобранный примера, то присвоение пропорционально производительности труда содержит в себе как раз прямые стимулы к трудосбережению и прогрессу, к непрерывной экономии рабочего времени. Причем эти стимулы одинаково значимы и, в отличие от ситуации при капиталистическом присвоении, не пропадают ни для женщины, производительность труда которой выше, ни для мужчины, у которого производительность ниже.

Общество, основной закон которого предписывает накопление экономии живого труда, а соответственно – действие производительно-трудового способа присвоения, будет напрямую заинтересованным в абсолютном и безостановочном прогрессе трудосбережения, в безграничном развитии своей производительной силы. Но и такое общество – еще не вершина социально-экономического прогресса. Оно стоит выше капиталистического, и тем не менее также является всего лишь переходным к исторически самому высшему.

На вершине формационного прогресса история поставит такое общество, которое живет по закону свободного времени как по основному своему экономическому закону, регулируется нормой свободного времени, имеет своим экономическим базисом общественное воспроизводство, а значит и накопление свободного времени как времени, расходуемого на превращение науки в непосредственную производительную силу общества.

Что касается ближайшего будущего капитализма, то в передовых индустриальных странах оно характеризуется все более явственным вступлением на исторически последнюю стадию развития капиталистической формации – стадию государственного капитализма. Начала и отношения госкапитализма будут укрепляться с каждым новым кризисом, распространяясь вширь и вглубь.

А госкапитализм означает не что иное, как первое отрицание капитализма, вырастающее еще в недрах капиталистического базиса. За первым отрицанием в скором времени последует второе, уже решительное и бесповоротное. Норма прибыли канет в прошлое, уступив господство норме свободного времени человека.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Александр Иванович Московский,
доцент кафедры политической экономики
МГУ им. М.В.Ломоносова,
канд. экон. наук

Рассматривается проблематика современных экономических институтов как необходимый побочный результат сравнительного анализа основных экономических парадигм.

Ключевые слова: *экономические институты, парадигма, сравнительный анализ, основные парадигмы.*

A.Moscowskiy. MODERN ECONOMIC INSTITUTIONS AND COMPARATIVE ANALYSIS THEORETICAL PARADIGM.

The book of modern economic institutions is characterized as a collateral result of comparative analysis in four basic economic paradigms.

Keywords: *institution, paradigm, comparative analysis, institutional theories.*

JEL codes: B52

Вместо предисловия. Работа «Современные экономические институты» имеет некоторую предысторию, главное в которой то, что она представляет собой не самостоятельную тему, а необходимое звено и продолжение более широкой проблемы, занимавшей автора, а именно – «Сопоставление основных крупных экономических теорий сегодня». Непосредственным толчком к этому послужило чисто внешнее, на первый взгляд, обстоятельство. Конкретно оно заключалось в специфическом «расширении» или дополнении курса «Спецсеминара по «Капиталу» К.Марса», являвшимся в советское время базовым для подготовки профессиональных экономистов в МГУ, ещё и спецсеминарами по «Принципам экономики» А.Маршалла и «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.Кейнса. Спецсеминары в университетах всегда и в самых разных дисциплинах представляли углубленное изучение теории на старших курсах. В данном случае сердцевиной «продвинутого» курса стало изучение главных теоретических работ трех крупнейших экономистов XIX-XX века. С формальной стороны, но очень нестрого эти имена служили обозначением важных направлений современной экономической теории – марксизма, неоклассики и кейнсианства. «Нестрогость» относится главным образом к «Принципам экономики» Маршалла как выражению неоклассической теории.

Современную неоклассическую теорию и работу Маршалла разделяет не столько время, сколько обстоятельства концептуального характера. Распространенное в Рос-

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

сии (но не в мире!) представление о нем как об основоположнике неоклассической теории не столь основательно как принято думать. Куда более оправдано записывать в основоположники неоклассики Давида Рикардо, который в письме Мальтусу, приведенном Кейнсом на первых страницах «Общей теории», заявляет, что предметом политической экономии может быть только исследование «пропорций распределения дохода под воздействием спроса и предложения», тогда как изучение «природы и причин богатства народов», заявленное Адамом Смитом, он объявляет тщетным занятием.

Неоклассику сегодня невозможно понять адекватно без учета влияния на неё идей Лайонела Роббинса¹, которое было многообразно, разносторонне и долговременно. Именно Роббинс считается (хотя он имел предшественников) «изобретателем» крайне абстрактного определения предмета экономической науки как «отношения между целями и ограниченными средствами», которое стало обязательным почти в каждом учебнике по экономике. Это определение в свою очередь стало важной методологической предпосылкой для гиперболизации математических методов исследования экономики.² Роббинс же предложил серию аргументов, мощно способствовавших утверждению и абсолютизации в неоклассической теории рыночного обмена как единственного объекта изучения экономической наукой и «аргумента последней руки» в объяснении любых общественных событий. А все это в совокупности послужило одним из истоков «экономического империализма» неоклассики в другие социальные науки³, наиболее «крутым» проявлением которого стала «Фрикономика» и «Супер-Фрикономика» Левитта-Дабнера.⁴

Поэтому, поскольку работа Маршалла, последнее издание которой было в начале 20 века, лишь в очень малой степени отражала состояние современной неоклассики, на самом формате спецсеминара по Марксу-Маршаллу-Кейнсу была достаточно ясная печать временности. И действительно он довольно скоро был исключен из учебного плана.

Изменение («расширение») содержания спецсеминаров совпало в России по времени с заменой курса «политической экономии» как основного предмета изучения экономистами на стандартный курс «экономикс», который читается в западных университетах, основой которого была «неоклассическая экономическая теория», развитая в сере-

¹ Robbins, L. An Essay on the Nature and Significance Economic Science. L., 1932. Большой кусок этой работы был переведен на русский язык, благодаря инициативе Андрея Полетаева, и опубликован в руководимом им издании альманаха THESIS в начале 90-х годов. Российские экономисты явно недооценивают роль Роббинса в современном мейнстриме. Но в Лондонской Школе Экономики в 2007 году была проведена специальная конференция, посвященная 75-летию книги Роббинса. Её материалы объемом 500 страниц опубликованы: Lionel Robbins's essay on the nature and significance economic science: 75th Anniversary conference proceedings. Edited by Frank Cowell and Amos Vitum. 2007

² И.Болдырев, анализируя онтологию ортодоксальной (неоклассической) теории, пришел к заключению, что её онтологией является математика. (Вопросы экономики 2008, № 7) Но из этого вывода с необходимостью следует, что неоклассика, онтологией которой признается математика, перестает быть экономической наукой, а представляет собой ветвь математики. Но сам Болдырев этого не говорит, поэтому результат его анализа выглядит как бы «незавершенным».

³ Backhouse, R., Medema, S. Defining Economics: The Long Road to Acceptance of the Robbins Definition //Economica (2009) 76

⁴ Levitt, S., Freakonomics: A Rogue Economist Explore the Hidden Side of Everything. Книга переведена на русский с облагороженным названием – «плут-экономист» (Rogue Economist) превратился при переводе в «экономиста-диссидента» и «исследует» или «объясняет» он не «скрытую сторону всего», а «неожиданные связи между явлениями и событиями».

А.И. Московский

дине XX века до «неоклассического синтеза». Тем не менее, сопоставление теоретических систем трех крупнейших экономистов XIX – XX века стало с одной стороны необходимым внутренним моментом самой учебной рутины, но с другой – оно постоянно ставило ряд вопросов. Достаточно ли показательно для характеристики состояния экономической науки сравнивать теории только трех, пусть даже выдающихся и замечательных, экономистов? Не является ли такой выбор в научном отношении чистой случайностью или субъективным произволом? Исчерпывают ли эти три теоретических направления список основных теорий сегодня? Правомерно ли вообще пытаться представить экономическую теорию некоторым набором основных больших направлений - парадигм, концептуальных схем («framework»), исследовательских программ? И хотя сомнения, представленные в этих вопросах, имеют достаточные основания, сравнение всего лишь трех теоретических концепций – неоклассики, кейнсианства и марксизма - обещало получить интересные выводы относительно их достоинств, научного потенциала, объяснительных возможностей и ограниченности, К тому же легко обнаруживалось, что для полноты сравнительного анализа современных теоретических парадигм необходимо подключение такого теоретического направления как институционализм, являвшегося в это время самым серьезным, многосторонним – по предмету, по методу, по проблемам экономической политики - критиком ортодоксального неоклассического мейнстрима. Естественным образом возник спецкурс для студентов магистратуры – «Сравнительный анализ основных экономических теоретических парадигм», который читался ряд лет, наполняясь год от года новым материалом, новыми моментами для сравнения теорий. Последний раз он был прочитан два года назад. Чуть ли не главной заботой для автора стало изучение современного состояния институциональной теории, которое вылилось в подготовку другого учебного курса уже для бакалавров – «Институциональная экономика»⁵, преобразованного в дальнейшем в «Современные экономические институты».

С самого начала сравнительный анализ экономических парадигм осложнялся целым рядом обстоятельств.

Во-первых, представление о теориях Маркса, Маршалла, Кейнса в России и на Западе, так же как обозначение этими именами основных экономических парадигм да, и само видение экономической реальности различаются очень сильно. Это важно иметь в виду, поскольку принципиальные изменения в преподавании экономической науки и в академических исследованиях в России в 90-е годы шли под сильным воздействием довольно грубой интервенции⁶ идей исключительно неоклассики, а затем и «нового институционализма», являющегося специфическим её продолжением. Поэтому с точки зрения российских экономистов значимыми парадигмами представлялись только две - неоклассическая теория, о которой все чаще и чаще на Западе в это время стали говорить, что

⁵ Московский А.И. Институциональная экономическая теория. Вводный курс. - М., ТЕИС, 2002

⁶ Макашева Н. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 80-х – начало 90-х гг.): революция и рост научного знания // Итоги: Из опыта изучения экономики как структуры и процесса, 2-е изд. Под ред. Я.И.Кузьминова и др. М.:Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2006

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

она (неоклассика) или «изменила лицо», или даже вообще «умерла»⁷, и экономическая теория марксизма, которая иногда заменялось обозначением «политическая экономия». В западной же литературе перечень существующих сегодня парадигм значительно шире: если критерии определения парадигмы неотчетливы, то их насчитывают несколько десятков, если эти критерии достаточно определены, то их не более 4 – 6. Чаще же всего там говорят о четырех парадигмах, но не о двух(!), как в России. Это – неоклассика, кейнсианство, марксизм и институционализм (классический). Поэтому сравнивать современные экономические парадигмы, ограничиваясь сопоставлением лишь неоклассики и марксизма может оказаться малопродуктивным, поскольку между ними слишком сильна конфронтация, слишком сильно стремление многих приверженцев той и другой просто отвергнуть друг друга, и почти полностью отсутствует понимание того, что они – ветви одной науки. Кроме того, такое сравнение «явно нерепрезентативно» по отношению к экономической науке в целом – существуют и другие достаточно развитые направления, имеющие очевидно собственное лицо, но и не отталкивающие от себя столь категорически ни неоклассику, ни марксизм. Это – прежде всего кейнсианство и институционализм.

Выбор для сравнения четырех современных теоретических парадигм оказывается существенно более представителен и сам по себе, но ещё и потому, что значительная часть остальных «парадигм» оказывается либо продолжением первых четырех, либо некоторой комбинацией их элементов («феминизм», «радикальная политическая экономия», «социальная экономика» и другие). А такие экзотичные направления как «QWERTYномика», «нанoeкономика», новейшая «нейрономика» и даже довольно зрелая по возрасту «эволюционная экономика» (как отдельная, обособленная от институционализма или марксизма теория⁸) далеко ещё не доросли до статуса «парадигмы», если этот статус принимать всерьез. Это тем более справедливо, если исходить из критериев парадигмы Томаса Куна, который впервые ввел этот термин для обозначения крупных теоретических направлений в науке и выделил в нем целый ряд обязательных свойств, без которых новая теория не является парадигмой, а есть лишь «заявление о намерениях».

Во-вторых, если для сравнения марксизма, кейнсианства и неоклассики (учитывая, что к известным работам Самуэльсона, Баумоля, Нейман-Моргенштерна и др. 60-70-х годов добавились многочисленные переводы 90-х авторитетных представителей неоклассической теории) особых проблем в содержательном плане не было, то литература по институционализму была откровенно бедной. «Теория праздного класса» Веблена, две работы Гэлбрейта и большой раздел в книге Бена Сэлигмена, посвященный Ве-

⁷ Это – явное преувеличение или даже прямое искажение действительного состояния мейнстрима экономической науки. Но это – неоклассика не по Маршаллу, а неоклассика, преобразованная в соответствии с идеями Л.Роббинса, Л.Мизеса, П.Самуэльсона, М.Фридмена, Дж.Стиглера и ряда других экономистов. Но ни одна из методологических предпосылок Роббинса не была отброшена, как бы внешне не менялся «облик», «лицо» неоклассики.

⁸ Есть немало авторов в России и на Западе, которые просто отождествляют «эволюционную» и «институциональную» теорию, что создает трудности для понимания природы и «эволюции», и «институтов».

А.И. Московский

блену, Коммонсу, Митчеллу и Джону Морису Кларку (сыну Дж.Б.Кларка), к сожалению не давали возможности получить сколько-нибудь определенное представление о том, чем же является институционализм, что является его предметом, на каких философских и методологических предпосылках он формировался и развивается сегодня. Перевод книги Веблена «Теория делового предприятия», которая могла кое-что, но далеко не все (!), прояснить в этом вопросе, появился только в 2007 году.

В-третьих, к этому практически полному отсутствию литературы на русском языке по институционализму, необходимо добавить широко распространенное, благодаря, главным образом, историкам экономической мысли на Западе и в России, представление, что институционализм линий Веблена и Коммонса давно умер ещё в 40-е – 50-е годы, что является абсолютной неправдой. Тем самым институционализм Веблена-Коммонса сводился к случайности, к некоторому курьёзу истории мысли.

В действительности институционализм как теоретическая парадигма существует уже более ста лет. В его развитии были подъемы и спады. 30-е годы иногда называют его «золотым десятилетием». Среди экономических советников администрации «нового курса» Франклина Рузвельта преобладали представители именно институционализма. Одним из главных его советников и «спичрайтеров» был Адольф Берль (Adolf Berle), который в соавторстве с Гадинером Минзом (Gardiner Means) опубликовали в 30-е годы книгу «Современная корпорация и частная собственность» (The Modern Corporation and Private Property), предопределившей на многие годы взгляд значительного числа экономистов на капитализм, сохранивший свое значение и сегодня. Конец 40-х и 50-е годы были отмечены некоторым снижением популярности институционализма, но совершенно неверно было говорить, что он «умирает» или «умер», как это утверждалось некоторыми историками мысли в то время. После традиционной январской конференции Американской Экономической Ассоциации 1958 года около 30 приверженцев институционализма, число которых на конференции действительно было незначительно, провели организационную встречу, названную в духе парламентской лексики «ramp session» («сессия остатков»), посвященную созданию Ассоциации за Эволюционную Экономику (AFEE – Association For Evolutionary Economics). Ранее поддержку этой инициативе и готовность сотрудничать выразили Джон Гэлбрейт, Гардинер Минз, Гуннар Мюрдаль и Джоан Робинсон.⁹ В 1967 году Ассоциация основала свой журнал «Журнал экономических вопросов» - Journal of Economic Issues», иногда называемый «журналом американских институционалистов», хотя в нем находят место и авторы из других стран. Ежегодно присуждается «Награда Веблена-Коммонса» (Veblen-Commons Award) за наиболее значительные работы в развитии институциональной теории.

К сожалению, пренебрежительная оценка институциональной классики в России поддерживается и сейчас, слишком полагаясь на небрежные, если не случайные, заявления известных авторитетов, например Шумпетера, заклеившего институциона-

⁹ Bush, P.D. Reflections on Twenty-Fifth Anniversary of AFEE: Philosophical and Methodological Issues in Institutional Economics // Journal of Economic Issues. Vol. XXV, No. 2, June 1991

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

лизм как «повторение ошибок немецкой исторической школы» в 20-30-е годы, определившего к тому же Густава Шмоллера в качестве «отца американских институционалистов», или Рональда Коуза, назвавшего в конце 20-го века институционалистов «анти-теоретиками». Но именно представители этого – классического - институционализма, а не марксисты и не кейнсианцы, составляют сегодня может быть наиболее крупную часть «неортодоксального» направления на Западе, существование которого никем не оспаривается¹⁰, и которое является наиболее серьезным оппонентом неоклассического мейнстрима. В России же этот институционализм – «исходный» (original), или «старый» (old), обозначаемый аббревиатурой OIE (Old, or Original Institutional Economics) в противоположность «новой институциональной экономике» NIE (New Institutional Economics), остается до настоящего времени очень мало известен.

В-четвертых, в оживлении интереса к исследованию институтов в начале 90-х годов в России безусловно велика заслуга ряда известных российских экономистов. Это, прежде всего, Р.И.Капелюшников, А.А.Аузан, А.Е.Шашитко, В.Л.Тамбовцев, Я.И.Кузьминов, М.М.Юдкевич и другие ученые. Но это был именно «новый институционализм», или «новая институциональная экономика», истоки которой, по словам первого российского «ново-институционалиста» Р.Капелюшникова коренятся в неоклассической теории. На Западе «новый институционализм» еще в конце 70-х получил вполне корректное определение – «неоклассический институционализм». Это обстоятельство плохо создается в России даже многими профессиональными экономистами. Благодаря мощной интервенции «неоклассической» и «ново-институциональной» переводной литературы и бурно растущей массе работ отечественных последователей этого направления, исследование институтов в России в подавляющем своем большинстве жестко ограничено методологическими императивами неоклассических предпосылок. Именно поэтому «новый институционализм» не представляет собой отдельную самостоятельную теоретическую парадигму, оставляя себе в лучшем случае статус «исследовательской программы», что очень корректно использует, например, в своих работах А.Е.Шашитко. Более того, являясь ярким проявлением феномена «экономического империализма», это направление все чаще позиционирует себя в качестве «новой политической экономики». К сожалению, в своей информативно богатой статье «Новая политическая экономика: становление и развитие» Р.М.Нуреев этого существенного её обстоятельства совершенно не затронул. А один из самых авторитетных представителей «новой институциональной экономики» в России А.Аузан недавно писал: «В науке есть явление, которое социологи, юристы, психологи, историки, политологи называют «экономическим империализмом», а сами мы, экономисты, — «новой политической экономией». Суть его

¹⁰ Едва ли не анекдотом является смелое предположение А.Либмана, что неортодоксальная экономическая теория на Западе в ближайшие десятилетия должна будет либо соединиться с социологией и политологией, либо «интегрироваться с неоклассикой на условиях последней» (???-!!!) - См. Либман А. Современная экономическая теория: основные тенденции. // Вопросы экономики 2007. - №3. - С. 50

в том, что экономисты вторгаются на «чужие поля» и начинают изучать неэкономические объекты, применяя собственные методы исследований». ¹¹

Все это в огромной степени усложняет возможности использования огромного наследия классического институционализма, понять его как продолжателя традиций классической политической экономии.

Введение. Экономические институты, экономический институционализм

Девяностые годы XX века России, вступившей на путь рыночных экономических реформ, отмечены взрывом интереса к институциональным проблемам и потоком статей и книг, который продолжает и сегодня расти в полном смысле по экспоненте, хотя приблизительно с 2007-2008 гг. в публикациях на эту тему появляются «точечные», но значимые изменения – делаются попытки осмыслить этот процесс и подвергнуть его более или менее развернутой критике.

Некоторая критика увлечения институционализмом имела место, конечно, и раньше, но она была или слишком общей, или неконкретной. Еще в 90-е годы в «Вопросах экономики» появляется статья Ю.Ольсевича с вопросом «Институционализм – панацея?». В ней представлена не столько критика, сколько недоверие, сомнение в продуктивности исследований в русле институциональной теории. В 2003 году в Экономическом Вестнике Ростовского государственного университета (ЭВРГУ) нескольким статьям по проблеме институтов предпослана статья главного редактора этого издания О.Мамедова с говорящим названием – «Институционализм - приоритет вторичности?». Однако, автор делает несколько избыточно категорические заключения на основе рассмотрения содержания всего одной работы – статьи Джона Коммонса 1931 года, которые по отношению именно к ней могут представляться отчасти справедливыми. Если же иметь в виду другие работы Коммонса, а он - один из самых плодovitых авторов институциональной классики, даже хотя бы две его работы – «Правовые основы капитализма» (Legal Foundations of Capitalism) и «Теория коллективного действия» (Theory of Collective Action), то резкие оценки Мамедовым институционализма Коммонса предстанут как мало обоснованные. Кроме того, исследования российских институционалистов последних десятилетий практически никак не связаны с идеями Коммонса в этой статье. Следовательно, его критика, если говорить строго, - не о современных исследованиях. Тем не менее, формула «приоритета вторичности» сохраняет и даже странным образом имеет большее значение именно сегодня – но по отношению к концептуально другому содержанию, а именно «новой институциональной экономике», в которой вопросы права, законодательства, судопроизводства и проблемы политики, политического устройства и политических процедур, демократизации общества, очевидно, первенствуют, т. е. имеют явный приоритет перед проблемами собственно экономическими.

Известное обобщение состояния исследований институтов в России представлено в предисловии академика Д.Львова к книге «Человек институциональный», вышед-

¹¹ Аузан А. Институциональная экономика для «чайников». Часть 9 // Ж. Эскавайр. 2011

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

шей в Волгограде под редакцией О. Иншакова. Академик Д.Львов несомненно приветствует интерес российских экономистов к институциональным исследованиям, более того – под его редакцией вышли две крупные работы по этому направлению, - в своем предисловии он намечает ряд направлений дальнейшей работы, но он не мог избежать двух резких замечаний относительно содержания многих публикаций – не называя ни одной конкретно. Во-первых, он замечает, что в методологических рассуждениях об институтах присутствует немало «словоблудия, иначе не скажешь». Может быть, это излишне резко, очень неконкретно, совершенно не «политкорректно», но надо признать, что основания для раздражения академика не только реально существовали ранее, но существуют и сейчас во многих публикациях по проблеме институтов. С ним вполне согласуется более корректное, но и нелицеприятное замечание Дана Медовникова в журнале «Эксперт» (2008, №42) «Кому нужны ваши институты?». Во-вторых, Д.Львов замечает, что многие работы содержат в себе много «метафорически-загадочного», и это внутренне, но весьма неявно связано с его первым замечанием.

На первый взгляд все эти замечания носят общий и, кажется, совершенно неконкретный характер, но по большому счету они вполне справедливы. Более того, последнее замечание содержит в себе и конкретно содержательный момент, а именно – проблему *языка*, манеры рассуждений, преобладающей в институциональных исследованиях. И если *язык* и *содержание* теории имеют внутренне необходимую связь – а это представляется несомненным, - то замечание «метафорической загадочности» почти прямо заключает в себе теоретическую задачу – понять и преодолеть «загадочность метафор» институционализма. И важным шагом в этом направлении, правда, лишь по отношению к одной разновидности институционализма – «нового институционализма» - является обстоятельная статья экономиста из Санкт-Петербурга Д.Раскова «Риторика новой институциональной экономической теории»¹². Это – выход на другой, существенно более конкретный уровень оценки и понимания институционализма (в данном случае – «нового»), к сожалению, осознанно ограничивающий анализ только вопросами языка, терминов, метафор, убедительности – т. е. дискурса самого по себе, почти безотносительно к той реальности, которую отображает новая институциональная экономическая теория. И все же эта реальность в некоторой степени проступает в тексте статьи помимо воли автора.

Почти два десятилетия поток литературы и диссертаций шел в русле преподавательской деятельности экономистов и создания учебных курсов по «институционализму» в университетах и институтах. Учебный же курс в общественных науках в наше время, когда строгость рассуждений переместилась исключительно в область математических формул и выражений, стал предметом податливым, «мягким», «ковким», который легко может быть заполнен, конечно же, с санкции Ученого совета каждого вуза, весьма произвольным содержанием. Курсы по институциональной теории в значительной степени и представляли такую произвольную комбинацию «институциональных теорий», за-

¹² Расков Д. Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики, 2010. - №5.

А.И. Московский

имствованных главным образом из западных источников. При этом основным источником заимствований стал арсенал почти исключительно идей «новой институциональной экономической теории», которая, строго говоря, является не «экономической», а «междисциплинарной теорией»¹³. Её определение как «экономической» обусловлено единственно тем, что основным *языком* своих рассуждений она приняла «язык неоклассической экономической теории». Это заведомо таило возможность возникновения «проблем», известных в западной литературе под названием «экономический империализм»¹⁴.

Сама практика чтения этих курсов становилась с течением времени своеобразным тестированием тех теорий, которые в них излагались, на предмет логичности, внутренней связности, согласия с действительностью. Существование «разных практик» преподавания институционализма вольно или невольно приводило к сопоставлению их друг с другом и переводило тестирование институциональных теорий на новый уровень. Возникла необходимость осознать, осмыслить, оценить, что же такое «институциональная теория», что такое, в конце концов, «институты» - неужели они лишь формальные «нормы, правила и запреты», и какое отношение то и другое имеет к *экономической* жизни общества? Поэтому буквально знаменем времени явились статьи: Д.Фролова «Как учат институционализму в России»¹⁵, В.Дементьева «Что мы исследуем, когда исследуем институты?»¹⁶ и доклад В.Каплуна «К новой аксиоматике социальных наук: что не так с понятием «института» в институциональной экономике», представленный на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований ГУ-ВШЭ¹⁷ 09.11.2008. Их ценность в том, что они представляют, кажется, первую попытку критического – критического в хорошем позитивном смысле - анализа базовых понятий, практики исследования и преподавания институциональной теории в России. Каждая из этих работ заслуживает специального рассмотрения. Здесь же отметим лишь несколько обстоятельств, важные для дальнейшего изложения.

Д.Фролов несколько раз подчеркивает понятие «*экономического* институционализма», которое трудно встретить у кого-либо ещё. У нас стало обыкновением говорить об «институциональной экономике» почти совершенно обособленно от экономики, всего лишь на основании такого абстрактного «аргумента», как - «институты имеют значение», совсем не вникая в их конкретный смысл, довольствуясь вполне формулой «институты – это правила».

¹³ www.isnie.org – официальный сайт Международного Общества за Новую Институциональную Экономику, созданного активностью прежде всего Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона. Сказанное о новом институционализме можно прочитать здесь.

¹⁴ Дискуссия под вывеской «Экономический империализм» как научная парадигма», идет в журнале «Общественные науки и современность» с №3 2008 г. по настоящее время.

¹⁵ ЭВРГУ 2007, Том 5, - № 3.

¹⁶ ЭВРГУ 2009, Том 7. - № 1.

¹⁷ Тезисы доклада Каплуна были заблаговременно размещены на сайте НИУ ВШЭ, а краткий обзор хода семинара – уже после него.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Формула Фролова «экономический институционализм» актуализирует необходимость анализа, понимания и истолкования «института» как феномена – явления, структуры, процесса – *экономического* прежде всего и непосредственно, что совсем не отвергает значимость и необходимость изучения других институтов – права, политики, судопроизводства, культуры и т. д.. По отношению к последним тоже можно сказать, что они «имеют значение», но это уже почти очевидно – «другое значение», поскольку за ними стоит другая материя и иное, чем экономика, содержание, требующее для своего исследования свои особые методы анализа, давно возникшие, имеющие свои традиции, заставляющие специалистов в этих областях знания - не без основания - с осторожностью относиться к интервенции «экономического подхода» неоклассики в их изучение и интерпретацию. Исходить в исследовании институтов из их понимания как, прежде всего, предмета *экономического* сегодня непросто. Но пример того, как это можно осуществлять, Д. Фролов предлагает в статье «Анализ теневой экономики: институциональный подход»¹⁸.

Название статьи В.Дементьева не есть обозначение содержания только того, что он сам намерен в ней изложить – это вопрос, обращенный ко всем экономистам, а в особенности к тем, кто избрал для себя проблему исследования экономических институтов современного общества. Но это не все. Однажды поставленный вопрос – «что мы исследуем, когда исследуем институты?» - далее не должен вообще уходить из поля зрения экономиста-«институционалиста», по крайней мере сегодня. Не все положения автора бесспорны, но представляются в высшей степени продуктивными его идеи, во-первых, о *многогранности*, многоаспектности содержания института, которая, однако, не уводит число граней в бесконечность и они эмпирически могут быть перечислены, и, во-вторых, о необходимости *системного подхода* в теоретическом отображении всего множества его граней. Это существенно более конкретный ориентир анализа, чем уводящие в «актуальную бесконечность» математической логики формулы, лишенные конкретного содержания: «институциональная среда», «дискретные институциональные альтернативы», «институциональные соглашения», «гибридные структуры» и др. понятия «нового институционализма». Эти два момента, выделенные Дементьевым, представляют некий инвариант «сверхзадачи» Станиславского, которая едва ли осуществима сегодня в каждом отдельном случае, но служит важным ориентиром и залогом успешного развития экономического знания в целом.

Доклад В.Каплуна обратил внимание на некритичность принятия и бесконечного тиражирования в России определения института как «правила поведения (или «правила игры») с внешними механизмами поддержки и принуждения, почерпнутого из известной книги Д.Норта. В полном согласии с его критикой находятся слова Д.Фролова в указанной выше статье: «Не совсем понятно, почему Д.Норт возведен большинством «постсоветских» институционалистов в статус очередного «нашего великого учителя». Преклонение перед зарубежными «гуру» - слишком легковесное основание для признания ин-

¹⁸ Экономист 2008. - № 9.

А.И. Московский

ституты «правилами игры» или «рамками хозяйственной деятельности». Такое понимание начисто лишено содержательной экономической и институциональной специфики, а с его помощью ничего нельзя понять в экономике»¹⁹.

Поэтому название нашей работы - «Современные экономические институты» - не выдумка, не субъективный каприз автора, а отображение тенденции, медленно, но поступательно формирующейся в сознании российских экономистов, и попытка автора – конечно же, вполне субъективная – уловить насколько возможно закономерные обстоятельства этого процесса.

Предлагаемое «учебное пособие» отличается от «стандартного» представления о пособиях. Более точное определение его жанра – «книга для чтения по институциональным экономическим проблемам». Необходимость такой работы давно назрела, поскольку уже почти два десятилетия курсы по институциональной экономике читаются во многих российских вузах, но они оставляют в неясности принципиальный вопрос – о чем же в реальном мире, в действительности идет в них речь? Несмотря на существующую многочисленную литературу по институциональной тематике, в этой области остается еще очень много неопределенностей. Поэтому есть острая потребность в разъяснениях относительно предмета, метода, философских оснований институциональной теории и для понимания её связей с реальной жизнью, с реальной деятельностью людей вообще и в нынешних российских условиях, когда реформирование экономики чуть ли не на каждом шагу сталкивается с «инновационными головоломками». Возникшее более ста лет назад институциональное направление исследования экономической жизни остается до настоящего времени далеким от завершения, оно открыто развитию и здесь неизбежны дискуссии.

Все это наложило печать на структуру и содержание предложенной работы. Большая её часть – главы 1-5 – посвящена по существу методологическим вопросам – предмету, методу, философии институциональной теории - и лишь некоторым моментам его истории. Ядром содержания всей работы является современный вид институциональной традиции, основанной Вебленом и Коммонсом, её взаимоотношениям с другими направлениями экономической теории сегодня. Главы 6-8 посвящены рассмотрению некоторых собственно экономических институтов – технологии, понимаемой в этой традиции в качестве «прото-института», капиталу как базовому институту современной рыночно-капиталистической экономики и науке как специфическому институту индустриальной формы капиталистической экономики. Эти институциональные структуры рассматриваются автором как главные в современной экономике. Именно они задают экономике существенные ориентиры движения – без оценки технологического состояния экономики невозможно сказать ничего конкретного о приоритетах развития. Они же - главным образом капитал в своих разнообразных формах и подвидах - заключают в себе наиболее мощные импульсы экономического развития. Этим экономическим институтам посвящено основное внимание, хотя рассмотрены они не в той полноте, которой хотелось до-

¹⁹ ЭВРГУ 2007, Том 5. - №3. - С.157

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

стичь автору, – многое осталось лишь намеченным. А институциональная система в целом, конечно же, не исчерпывается этими институтами. Здесь и рынок, и корпорация, и государство, и образование и многое, многое другое, например, ... казино, реклама, или «шоу-бизнес».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА: ЭТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ С.Н.БУЛГАКОВА

Виктор Тимофеевич Рязанов,

заведующий кафедрой экономической теории

Санкт-Петербургского государственного университета

д-р экон. наук, профессор.

Проанализирован жизненный и творческий путь С.Н. Булгакова. Выделены и рассмотрены базовые положения творческого наследия концепции философии хозяйства С.Н. Булгакова с точки зрения мировоззренческой и философской основы политической экономии, призванные заложить общие основы хозяйственной деятельности в ее органической целостности и с поиском опоры в «философской антропологии» и «натурфилософии». Критически проанализированы концепции экономического материализма и экономизма, как философской и мировоззренческой основы мирохозяйственного устройства. Выделены основы мыслительной традиции, основанной на русской социо-культурной матрице.

Ключевые слова: *мировоззренческая и философская основы политической экономии, органическая целостность деятельности, социо-культурная матрица.*

V. Ryazanov. POLITICAL ECONOMY AND THE PHILOSOPHY OF ECONOMY: ETHICAL ECONOMY OF S.N.BULGAKOV.

Analyzed the life and career SN Bulgakov. Identified and dealt with the basic provisions of the creative heritage of the concept of economic philosophy SN Bulgakov in terms of ideological and philosophical foundations of political economy to lay the basic foundations of economic activity in its organic integrity and support in finding a "philosophical anthropology" and "natural philosophy." Critical analysis of the concept of economic materialism and economism, as a philosophical and ideological foundations of the world economic unit. Allocated basis of intellectual tradition based on the Russian socio-cultural matrix.

Keywords: *ideological and philosophical bases of political economy, organic integrity of activity, the socio-cultural matrix.*

Политэконом и философ хозяйства. Жизненный и творческий путь С.Н.Булгакова был непростым («ломанным» и «сложным», по его собственному признанию), отличался упорным и самоотверженным поиском своего видения человека и хозяйственной деятельности, вызывая неоднозначные отклики. Для него было характерно критическое переосмысление философских и экономических учений, которые возникали и получали популярность на рубеже веков, приверженцем которых на время и он становился. С.Н.Булгаков в своих исканиях прошел путь от экономиста-теоретика марксистской школы к разработке философии хозяйства, завершив

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

творческую эволюцию переключением интереса на религиозную метафизику с принятием священства.

Остановимся только на той части его многоликого творчества, которая была связана с отходом от традиционной и узко понимаемой политико-экономической тематики и формированием концепции философии хозяйства. На наш взгляд, именно эта часть творческого наследия русского мыслителя представляет наибольший интерес, поучительна и имеет актуальное значение, во всяком случае, для более глубокого понимания современных процессов в экономике и для развития экономической науки.

С.Н.Булгаков поступил на юридический факультет Московского университета в 1890 г., специализируясь по политической экономии, и по окончании его в 1894 г. по рекомендации профессора А.И.Чупрова был оставлен при кафедре политической экономии и статистики для подготовки к профессорскому званию. С 1895 по 1920 гг., хотя с перерывами и с разного рода отвлечениями, продолжалась его научно-педагогическая деятельность, связанная с политической экономией. Им написано немалое число книг, статей и учебных курсов, посвященных различным вопросам политической экономии и истории экономических учений. Магистерская диссертация («Капитализм и земледелие», 1901 г.) и докторская диссертация («Философия хозяйства», 1912 г.) были выполнены и защищены по политической экономии. Интересен такой факт: последнее место его деятельности до высылки из России была должность профессора Таврического университета в Симферополе по кафедре политической экономии (1919-1920 гг.), которую он совмещал с должностью священника. Из университета он изгоняется из-за своего священства, как это уже ранее произошло в Московском университете (1918 г.).

Можно сказать, что значительная часть его сознательной жизни в России была либо прямо, либо косвенно связана с профессиональной деятельностью экономиста-политэконома. Однако такая, казалось бы, успешная творческая деятельность С.Н.Булгакова как экономиста-теоретика должна быть скорректирована его собственной оценкой сделанного жизненного выбора. Уже под конец своей жизни в 1942 г. с высоты зрелого жизненного опыта в автобиографических заметках им был вынесен о нем весьма суровый приговор, названный выбором «чуждой науки», которому поддался в силу «интеллигентской стадности» и «вопреки собственному влечению». Хотя оно было связано с «филологией, философией, литературой». Он же, «как каторжник к тачке, привязал себя к политической экономии».¹

Такой краткий экскурс в творческую и жизненную биографию С.Н.Булгакова подтверждает ее неоднозначность и противоречивость, как и многоликость самого его творческого наследия. Следует ли на основании такой самокритичной переоценки С.Н.Булгаковым своего политико-экономического прошлого исключить его из научного

¹ Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. - С.67.

В.Т. Рязанов

наследия как несущественного и им же отвергнутого? Тем более что его последующий жизненный путь подтвердил неслучайность такого отторжения. Уход в область философии и религиозной метафизики закреплён был переключением интереса на богословие и принятием духовного сана.

Все это важные обстоятельства, имеющие значение для изучения творческой биографии русского мыслителя, но они не вычеркивают даже преодоленные и закрытые им исследовательские темы. Во-первых, для ученых высокого ранга даже то, что ими отвергалось в последующих исканиях, все равно имеет значение для понимания творческого пути и эволюции взглядов. Политэкономический период в творчестве Булгакова был первым периодом, с которого он начинал свои исследования.

Во-вторых, экономические темы, разрабатываемые С.Н.Булгаковым, сохраняют свое собственное значение как для понимания истории развития российской экономической науки в прошлом, так и для решения современных хозяйственных задач. Причем его экономические взгляды не оставались неизменными, развивались в соответствии с переменами в экономике России и с творческими поисками самого автора. Такая эволюция экономических воззрения – это всегда дополнительный повод для более внимательного их изучения.

Ключевое место в экономическом наследии занимает работа «Философия хозяйства», которая стала завершающим аккордом его политико-экономических исследований, предвзяв вступление С.Н.Булгакова в область собственно философских и религиозно-метафизических поисков. В этой связи нелишне будет напомнить, что само понятие «хозяйство» относится к числу центральных политэкономических категорий.

От политической экономии к философии хозяйства. Разработка концепции философии хозяйства была обусловлена неудовлетворенностью объяснительным и аналитическим потенциалом политической экономии, как она сложилась к началу XX века. Что же конкретно в ней не устраивало С.Н.Булгакова?

Об этом уже немало написано. Тем не менее, принципиальные оценки Булгакова стоит воспроизвести, имея в виду не только их собственное содержание, но и несовпадающие их интерпретации, которые давались в прошлом и представлены сегодня.²

Главным объектом его критики в первую очередь стала мировоззренческая и философская основа политической экономии как науки о хозяйстве, заложенная экономическим материализмом (или экономизмом), активным проповедником которого он был сам в пору своего увлечения марксизмом. «Между политической экономией и экономизмом как мировоззрением существует, - подчеркивал Булгаков, - тесная, неразрывная связь. Фактически экономический материализм есть господствующая философия политической экономии».³ Таков исходный его посыл, из которого

² О критических откликах на «Философию хозяйства» и другие работы С.Н.Булгакова, которые появились после их публикации, и о современных оценках см.: С.Н.Булгаков: pro et contra. - Т.1.- СПб., 2003.

³ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. - М., 1990. - С.9.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

следовало, что эта связь нуждается в «философском пересмотре и углублении своих основ, в освежении их философским сомнением».

Осуществление философского пересмотра предполагало, в свою очередь, разработку нового взгляда к определению самого хозяйства и его природы. Предложена была более широкая трактовка, в которой хозяйство понимается как «борьба за жизнь» с враждебными силами природы, овладение ими и превращение в их хозяина. Поэтому главным признаком хозяйства выступает трудовая деятельность, раскрываемая через двойное тождество субъекта и объекта, труда и творчества, дающего место свободе.⁴

В подходе Булгакова к определению хозяйства и его природы уже содержится отличие от традиционных взглядов политэкономов. Обычная трактовка труда и хозяйства связана с их односторонним отождествлением с производством материальных благ (товаров) для удовлетворения потребностей людей. Этим ограничивается хозяйство объектной стороной и недооценивается творческая природа самой трудовой деятельности субъектов. Особое внимание к субъектной стороне хозяйственной деятельности помещает в центр исследования антропологические характеристики экономики, связанные с целеполаганием, смыслом, ценностями, мотивами, этикой.

Хотя хозяйство есть творческая деятельность человека над природой, но он может творить не из ничего, а уже из созданного мира. «В нем он может отпечатлеть свои идеи, воплощать свои образы».⁵ Вот это сотворенное ранее воплощено у Булгакова в Софии. «София, принимающая на себя космическое действие Логоса, причастная Его воздействию, передает эти божественные силы нашему миру, просветляя его, поднимая его из хаоса к космосу». Посему: «Человеческое творчество – в знании, в хозяйстве, в культуре, в искусстве – *софийно*».⁶

Учение о Софии разрабатывал В.С.Соловьев, а его наиболее последовательными продолжателями были П.А.Флоренский и С.Н.Булгаков. При этом именно Булгакову принадлежит идея «просветления» ею хозяйственной деятельности людей, которая выводит на понимание окончательной цели хозяйства. Она находится за пределами его, ибо хозяйство «есть только путь мира к Софии осуществленной, переход от неистинного состояния мира к истинному, трудовое восстановление мира».⁷

Из определения софийной природы хозяйства следует, что истинным и единственным «трансцендентальным субъектом хозяйства, олицетворением *чистого хозяйства*, или самой функции хозяйствования, является *не человек, но человечество*».⁸ С одной стороны, это означает, что всеобщее в экономике связано с

⁴ «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет» (Там же. - С.110).

⁵ Там же. - С.112.

⁶ Там же. - С.113.

⁷ Там же. - С.125.

⁸ Там же. - С.94.

В.Т. Рязанов

общечеловеческим (общемировым), которое содержит в себе абстрактно-всеобщее и универсальное, проявляемое через особенное в хозяйственном устройстве и в конкретных видах хозяйственной деятельности индивидов, социальных групп, этносов. С другой - следует учитывать, что хозяйство софийно в своем метафизическом основании, а в реальности софийность скрыта, хозяйство же представлено как хаотичная деятельность, что находит свое отражение, в частности, в хаотическом состоянии экономических идей и учений.

Почему скрыта софийность хозяйства? Булгаков это обосновывает следующим образом: «Тяжелый покров хозяйственной нужды ложится на хозяйственную деятельность и закрывает ее софийное предназначение, целью хозяйства становится борьба за жизнь, а его естественной идеологией экономический материализм».⁹

Итак, ограниченность ресурсов как объективная реальность при неограниченно растущих потребностях человека превращает экономический материализм в «естественную идеологию» науки о хозяйстве (т.е. политэкономии). Возникает вопрос: почему в этих условиях, «признав его правду, понимая его мотив», тем не менее, экономический материализм должен быть положительно преодолен?

В «Философии хозяйства» так разворачивается система доказательств. Во-первых, экономический материализм легко критиковать, отмечает С.Н.Булгаков, «обнаруживая всю его невыработанность, незаконченность, уродливую однобокость». Тем не менее следует иметь в виду, что он «есть первая попытка философии хозяйства, в нем впервые сознательно поставлена ее проблема». В этом его историческое значение. И еще: «Экономический материализм как философское учение ориентирует философию на факте хозяйства». И «эта мысль глубока и значительна, и потому она способна к дальнейшему развитию и углублению».¹⁰

Она, помимо прочего, разворачивает саму философию в сторону хозяйства. Тем самым она перенацеливается на познание мир сквозь призму хозяйствования, как сферы деятельности человека, ставшей приоритетной. (Характерно, что первая часть «Философии хозяйства» имела подзаголовок – «Мир как хозяйство»).

Во-вторых, экономический материализм, представляя собой попытку философии истории, характеризуется как всего лишь «наивная или догматическая метафизика». Особенно ярко его недостатки проявляются в объяснении причинности в жизни общества через разграничение базиса и надстройки. Ведь экономический детерминизм, считает Булгаков, «имеет метафизическое, а не эмпирическое значение», поскольку он не абсолютен, что признается даже его сторонниками (марксистами), когда они не исключают обратного влияния надстройки.

Отсюда делается вывод, что экономический материализм, выступая философской основой политической экономии, реализует себя как «мнимая научность»

⁹ Там же. - С.126.

¹⁰ Там же. - С.230, 231, 239.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

с совершенно непреодолимыми трудностями, носящими методологический характер. Поэтому он не может претендовать на универсальность, которая возможна лишь при условии опоры на «метафизику истории», а не на эмпирику и не на экономический базис.

Еще одним недостатком экономического материализма является то, что он порождает свои фикции, к числу которых Булгаков относит саму конструкцию «экономического человека», интерес которого становится основным двигателем принятия рациональных решений и экономического поведения. Также критически оценивается Булгаковым теория К.Маркса о классовой борьбе в объяснении исторического процесса.

Завершающим аккордом в анализе экономического материализма становится критика его гносеологии. По этому поводу Булгаков формулирует вывод, почерпнутый приобретенным научным опытом. *«Вера в авторитет – такова гносеология экономического материализма, ее логическая основа»*.¹¹ Из этого следует, что процесс развертывания экономического знания приобретает неслучайный характер, представляя собой определенные метаморфозы. Экономический материализм как первая (наивная) форма «метафизики истории», будучи встроенной в политическую экономию, трансформируется в «специальную науку» (научную доктрину) с центральной идеей о базисе и надстройке, которая затем закономерно превращается в «идеологию» с разными проявлениями (марксистским, либеральным, кейнсианским и т.п.), ибо опирается не столько на эмпирическую составляющую хозяйственной жизни (т.е. реальную действительность с множественностью и многообразием причин и взаимодействий), сколько на «авторитет», в одном случае, признанных классиков, в другом - формализованных теоретических моделей, не исключая возможности их сочетания.

Философия хозяйства как философская система и метод (логический стиль). Обосновывая недостатки политической экономии, отражающие дух «воинствующего экономизма», Булгаков выдвигает концепцию философии хозяйства, призванной заложить общие основы хозяйственной деятельности в ее органической целостности и с поиском опоры в «философской антропологии» и «натурфилософии». Иначе говоря, превратиться в философию истории, став «метафизическим учением о всеобщей исторической закономерности».¹²

Важно подчеркнуть, что в трактовке Булгаковым философии хозяйства выделяется два ее «лица» - «одно обращено к философии, другое же – к социальной науке, в частности к политической экономии».¹³ Это означает, что в данной концепции философия хозяйства выступает одновременно как *философская система* (общая

¹¹ Там же. - С.249.

¹² Там же. - С.241, 244.

¹³ Там же. - С.259.

В.Т. Рязанов

философия) и как *метод* (или в терминологии автора, «логический стиль»), применимый в политической экономии и в других социальных науках.

Что касается значения философской системы, то Булгаковым прежде всего отвергается постулат о всеобщем и универсальном как наиболее абстрактном и отвлеченном от реальной жизни. Вместо него обосновывается идея опоры на общую философию жизни, реализуемой, как уже отмечалось, в процессе хозяйственной деятельности всего человечества. При этом любая философская система, выступая философской рефлексией жизни, всегда призвана отражать ее целостность в отличие от специальных наук, ориентированных на частные жизненные проявления. «Философию можно определить поэтому, - выводит Булгаков, - как учение о жизни в ее целом или в самых общих ее определениях ...». ¹⁴ Соответственно «философская система может быть построена и как философия хозяйства». Поэтому политико-экономический и философско-хозяйственный подходы различаются не в их объекте – он один и тот же, - а в способе его познания (раскрытия). «...Философия ищет уразумения жизненного смысла и значения явлений, в отдельности изучаемой наукой». ¹⁵

В этом своем философском значении политическая экономия приобретает черты «софийности», воспринимаемой от философии хозяйства. Она может трактоваться как задача создания науки о «совершенном» человеке, (обществе и хозяйстве) и не в абстрактном и идеальном измерении, а в историческом и прогностическом смысле. В интерпретации Ю.М.Осипова: «София сродни всему предшествующему, тому, чего еще нет, но что либо будет, либо возможно будет, о чем сказать до поры ничего или почти ничего определенного нельзя, хотя кое-что все-таки можно пророчески нежданно-негаданно уловить и даже иносказательно ни с того ни с сего высказать». ¹⁶

Это стремление понять то, каким может быть человек, общество и хозяйство, а потому за ней стоит поиск путей к альтернативному переустройству мира, преодолевающему экономический гегемонизм в жизни современного мира. Но достижимо ли такое совершенство и не есть ли это некое переиздание утопических вариаций о грядущем светлом обществе?

При всем том, что достижение «совершенства» ставится как дальняя цель, совсем не обязательно воплощенная на практике и даже скорее не реализуемая, но она уже в своей постановке все же отличается от многочисленных утопических проектах, которые создавались в прошлом и к которым сам Булгаков не раз обращался. Для него совершенное общество и хозяйство мыслились не посредством только переделки общественно-экономического устройства и создания идеального строя, а через обращение к его религиозно-этической стороне и к «живой творческой энергии человека», направленной в первую очередь на самосовершенствование. Особый упор

¹⁴ Там же. - С.30.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Осипов Ю.М. Русская софийная философия (к 140-летию С.Н.Булгакова) // Философия хозяйства, 2011. - №3. - С.16.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

сделан не столько на среду (внешние факторы), сколько на самосовершенствование и самодисциплину человека, что нашло свое выражение в выдвижении в качестве необходимой предпосылки успеха преобразовательной деятельности осуществление «величайшей духовной революции».¹⁷

Такая трактовка совершенного устройства общества и хозяйства может считаться условно-реалистичной, если исходить из определения важнейших его предпосылок. Хотя приходится признать, что в реальной жизни оно вряд ли достижимо. И у Булгакова большого оптимизма не возникало по поводу его возможности. История XX века и современные социально-экономические тенденции оптимизма не прибавляют. Тем не менее, сам Булгаков пытался найти выход через соединение «абсолютных целей» развития общества и экономики, которые даются религией, и средствами для осуществления этих целей, которые должны быть найдены разумом или наукой. В его учении это означает, что руководящей нормой христианской политики в области политических и экономических отношений должен стать идеал свободы личности и уважения человека к человеку. «Эта общая задача разрешается постепенным упразднением насилия, деспотизма, бюрократической опеки и развитием самоуправления и общественного самоопределения, при котором правительство, власть и общество постепенно сливаются друг с другом».¹⁸

Само понимание хозяйства как творчества, дающее место свободе, подводит к следующему этапу исследования - выявлению его этической стороны.¹⁹ Для Булгакова – это мостик, ведущий к разворачиванию проблематики философии хозяйства уже в более практичную сферу, которую он определяет как этику хозяйства и его эсхатологию, имея в виду создание нового типа хозяйства как конечной цели, соединяющего в единое целое материальное и духовное в хозяйстве и обеспечивающее адекватную смену хозяйственного мировоззрения. В таком направлении им предполагалось продолжить исследование своего сочинения, на что есть в тексте непосредственное указание.²⁰

Рассмотрим теперь философию хозяйства как *метод* («логический стиль»), применимый в политической экономии и в других социальных науках. И в этом случае С.Н.Булгаков обращает внимания на ограниченность политической экономии с точки зрения используемых методов и особенно метода дедукции. «Благодаря этому изолирующему методу только и могут быть установлены те своеобразные "законы", которые знает политическая экономия. Нельзя возражать принципиально против этого метода абстракции и изоляции как такового. ...Необходимо только одно: помнить удельный вес таких заключений и не переходить их компетенции».²¹

¹⁷ Булгаков С.Н. Религия и политика // Христианский социализм (С.Н.Булгаков): споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. - С.71.

¹⁸ Булгаков С.Н. Неотложная задача (О Союзе христианской политики) // Христианский социализм. - С.33.

¹⁹ В этой связи отметим, что С.Н.Булгаков понимал социальные науки как «социальную этику».

²⁰ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. - С.187.

²¹ Там же. - С.200-201.

В.Т. Рязанов

Политическая экономия должна оставаться наукой преимущественно практической (эмпирической) и не должна увлекаться чрезмерным теоретизированием, превращаясь, в терминологию Булгакова, в «абстрактную» или «теоретическую политическую экономию». «Возможность отвлеченного теоретизирования в науке вообще и в политической экономии в частности не имеет границ, и потому, - подчеркивал Булгаков, - оно непременно должно стоять под контролем сознательного, критического прагматизма, спрашиваемого: кому выгодно? Возможны ведь и такие восхождения от фактов к теории, за которыми не может последовать обратного нисхождения. Теория есть продукт отложений научной мысли, кристалл науки, и потому без теории не обходится ни одна наука, однако никогда не должен убираться мост, соединяющий оба берега, и номография (т.е. описание законов – В.Р.) все же остается средством для идиографии (т.е. описание исторической реальности - В.Р), или, иначе, теория для практики, которая всегда конкретна, исторична».²²

Если политическая экономия представляет собой единство теории и практики (экономической политики) и она как специальная наука призвана отображать реальные хозяйственные процессы, то возникает вопрос: какое место занимает в ней философско-хозяйственный метод? Не приведет ли его использование к уходу от хозяйственной практики с возвращением в русло абстрактной политической экономии?

Если философию хозяйства понимать как замещение собой политической экономии, то такая опасность подмены конкретных хозяйственных проблем абстрактным теоретизированием существует. Избежать ее Булгаков предполагает следующим образом. Само обращение к практике не должно приводить к доминированию «ложного эмпиризма», ведущего к безразборчивому нагромождению эмпирического материала. Другими словами, политэкономия не сводится к простому описанию хозяйственной жизни, и даже при ее ориентации на практику она призвана выполнять аналитическую функцию, обобщая хозяйственные явления, выводя тенденции и закономерности развития. В реализации данной функции у философско-хозяйственного метода есть определенные ресурсы, особенно в понимании горизонтов развития экономики.

Еще более существенную роль философско-хозяйственный метод играет в исследовании конкретных хозяйственных проблем с точки зрения важности раскрытия целостности хозяйственной жизни как единства материальных и духовных процессов, а потому и установления взаимосвязи политической экономии с другими социальными науками. Ключом в применении данного метода становится сформулированное Булгаковым принципиальное положение: «Онтологические корни социальной науки, как и всякой науки, во всеобщей связности бытия ...».²³

В итоге получается, что философия хозяйства как философская система и метод, имея свои самостоятельные содержательные характеристики, приобретает в

²² Там же. - С.226.

²³ Там же. - С.207.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

перспективе черты целостного строения. В нем хозяйственная жизнь выстраивается через соподчиненность не только экономическим факторам, но и нравственным, духовным, человеческим ценностям.

«Философия хозяйства» Булгакова: продолжение следует? Можно ли считать, что концепция философии хозяйства Булгакова приобрела законченные очертания? Или она также как и его более ранние искания (например, в марксистском духе) себя исчерпала, а интерес сместился в новые области, уйдя в общую философию и религиозную метафизику? Ведь сам автор предполагал подготовить вторую часть своего исследования.

Считается, что этот замысел был реализован в книге «Свет невечерний. Созерцания и умозрения», опубликованной в 1917 г. Казалось бы, такое утверждение подкрепляется прямым указанием самого автора, которое обнаруживается в одном из примечаний этой книги.²⁴ Тем не менее, есть достаточные основания усомниться в его правомерности. В этом можно убедиться при обращении к тематике книги «Свет невечерний». В этом объемном произведении содержатся, естественно, множество тем и сюжетов, но главным является вопрос о природе отношений между философией и религией. Дальнейшее осмысление получает также идея о софийности мира, первоначально только намеченная в «Философии хозяйства». Что же касается самой темы хозяйства, то она представлена всего лишь небольшой главой, особенной новизной не отличающейся.

Но даже не это последнее обстоятельство имеет значение. Знакомство с этим произведением показывает, что основной круг вопросов, исследуемый в книге «Свет невечерний», либо дополняет, уточняет и развивает уже ранее поставленные проблемы, либо выводит в новые сферы, которые по существу уходят от тематики, определяемой философией хозяйства. Во всяком случае, даже при большом желании трудно в этой работе найти развитие философско-хозяйственной темы в том направлении, которое сам Булгаков ранее намечал как исследование этики и эсхатологии хозяйства. Это неудивительно, поскольку «Свет невечерний» по своему жанру относится к философским произведениям, проникнутым духом богословия.²⁵ Оно имеет весьма отдаленное отношение к той задаче, которая ранее ставилась как раскрытие философских основ хозяйственной деятельности в ее органической целостности. Если и видеть ее близость к философии хозяйства, то прежде всего с

²⁴ «В настоящей работе, писал С.Н.Булгаков, основные идеи этого исследования получают дальнейшее развитие и углубление, а также рассматриваются и те вопросы, которые предназначены были для *второй* части "Философии хозяйства" (именно этика и эсхатология хозяйства). Поэтому хотя формально настоящее сочинение и не является обещанной второю частью, но по существу дела я считаю свое обязательство перед читателем "Философии хозяйства" здесь фактически выполненным» (Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. - М., 1994. - С.396-397 – электронная версия).

²⁵ На эту важнейшую черту мировоззрения С.Н.Булгакова обращает внимание В.В.Зеньковский. «Неотделимость философа от богослова в Булгакове, - особо отмечает он, - есть самое яркое свидетельство его умственной зоркости и духовной серьезности ...» (Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Л., 1991. -Т. 2. Ч.2. - С.224-225).

В.Т. Рязанов

точки зрения развития представления о смысле хозяйства как изначального творения Бога и осуществления Божьего замысла о мире, которое уже представлено в «Философии хозяйства».

Более того, по ряду принципиальных положений наблюдается не столько развитие ранее сформулированных идей, сколько их весьма существенная коррекция. В первую очередь это относится к такому важному пункту, который касается определения софийной природы хозяйства. Если ранее Булгаков признавал софийность хозяйства, хотя и указывал на ее скрытую форму, то в книге «Свет невечерний» главной сферой проявления Софии становится искусство и красота. «София открывается в мире, - выводит он, - как красота, которая есть осязаемая софийность мира. Потому искусство прямее и непосредственнее, нежели философия, знает Софию. Если религия есть прямое самосвидетельство и самодоказательство Бога, то искусство или, шире, красота есть самодоказательство Софии».²⁶

Другим примером ухода от темы эсхатологии хозяйства, является по сути дела отрицание конечного торжества софийного хозяйства. «Хозяйство, как связанное с проклятием земли, *не имеет* в себе эсхатологических задач, переходящих за грань смертной жизни этого века, к ней исключительно относится его область. Поэтому оно и не может завершиться в своих собственных пределах, а должно перерваться, подобно человеческой жизни. ... Но в перспективе времени хозяйство есть дурная бесконечность, не знающая завершения».²⁷ Отсутствие эсхатологической перспективы хозяйства на своем собственном пути развития объясняется тем, что «нравственность имеет силу только для человека в его греховной ограниченности и не имеет абсолютного значения».²⁸

Приведенные примеры, да собственно сам текст и его стилистика, подтверждают ранее сделанный вывод о том, что нет существенных оснований рассматривать самостоятельный философско-богословский труд «Свет невечерний» как продолжение философско-хозяйственного исследования Булгакова.

Однако этим не приуменьшается наличие обостренного интереса Булгакова к этической стороне хозяйственной деятельности. Это тем более важно, поскольку экономический материализм, в его определении, «чужд всякой этики», ибо отрицает подлинность и самостоятельность всего неэкономического и противоречит господствующему принципу экономического детерминизма.²⁹ Собственно сама философско-богословская постановка проблемы философии хозяйства в концепции русского мыслителя в потенции предполагает единственно правильное разрешение – через этическое оправдание хозяйственной деятельности. Отсюда и замысел второй

²⁶ Булгаков С.Н. Свет невечерний. - С.221.

²⁷ Там же. - С.343.

²⁸ Там же. - С.47.

²⁹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. - С.246.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

части, сформулированный в соответствующем названии - «Оправдание хозяйства (этика и эсхатология хозяйства)».

Хотя «Философия хозяйства» не имела формального продолжения, но, тем не менее, этика хозяйства и его эсхатология были основательно исследованы в многочисленных статьях, написанных Булгаковым в период 1905-1917 гг., и, в частности, посвященных концепции «христианского социализма». Тем самым данная тема автором разрабатывалась и до написания «Философии хозяйства» и имела продолжение в последующем. Поэтому можно считать, что вторая часть этой книги «вчерне» была подготовлена еще до опубликования первой части и в силу определенных причин, к которым еще обратимся, не была обобщена в завершающем тексте.

В этой связи приведем наиболее характерные оценки, которые делались Булгаковым относительно хозяйственной этики.

Начать следует с того, что нравственность (мораль, этика) и религия им рассматриваются как неразрывное целое, особенно проявляемое в контексте злободневных социальных вопросов, присутствующих в хозяйственной практике утверждающегося в России капитализма. Заместить в этом целостном образовании религию светскими принципами гуманизма, социальной справедливости, общественного прогресса, свободы и равенства и т.д., значит лишить их Богочеловеческого стержня.

Из такого подхода можно сделать два важных заключения. Первое связано с тем, что должна существовать «христианская политическая экономия», поскольку как социальная наука она есть социальная этика со своими особенными чертами, которые, с одной стороны, отражают общее христианское отношение к базовым хозяйственным явлениям (ярче всего, на примере отношения к богатству и труду), с другой – не могут не учитывать религиозно-этические представления социальных групп (классов), что в тот период прежде всего было характерно для крестьянского мировосприятия самого хозяйства и отношения к собственности на землю.

Второе заключение, вытекающее из этической характеристики хозяйства, объясняет, почему христианское понимание нравственно-этических отношений и капиталистически организованное производство в принципе несовместимы. Булгаков так разъясняет свою позицию: «Современный капитализм исторически может быть, конечно, оправдываем, и могут признаваться его заслуги и преимущества перед предшествующими эпохами, но нельзя все-таки отвергать, что он основан на насилии и неправде, подлежащих устранению». И еще: «Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчиненность хозяйства высшим началам нравственности и религии ...». ³⁰

В этической подоплеке состоит совпадение христианской и марксистской критики капитализма, но Булгаковым разрабатывалась собственная версия

³⁰ Булгаков С.Н. Христианство и социализм // Христианский социализм. - С.34, 225.

В.Т. Рязанов

альтернативы капитализму в варианте «христианского социализма». В соответствии с христианскими заповедями, обосновывал он, нормальным представляется «такой общественный строй, в котором не было бы места для социальной праздности, существовала бы общая обязанность труда, соответственно склонностям и способностям, и в котором не было бы теперешнего различия между богатыми и бедными, имущими много и подвергающимися искушению от своего богатства и не имущими ничего, подавляемыми этой бедностью».³¹

Понятно, что представленный вариант социализма, имея совпадающие социальные цели, тем не менее принципиально отличается от марксистской версии. Если марксистский социализм, будучи атеистическим (богоборческим), опирается на «религию человекобожества» и отражает идею «пересотворения» мира (общества, хозяйства, человека) без участия Бога. Вполне закономерным итогом ее реализации становится утверждение тирании государства и его бюрократии, что подтвердила история. То христианский социализм призван воплотить в жизнь христианские ценности. Это означает, что «существует, может и должен существовать и христианский социализм, - утверждает Булгаков, – социализм не во имя человекобожества, но во имя Богочеловечества».³²

Определяющими чертами христианского социализма должны стать всеобщность труда, воплощение начал справедливости, христианское отношение к собственности (богатству), переход земли в распоряжении тем, кто на ней трудится. Это то, что определяет основы «христианской политической экономии», которая по сути своей становится христиански осмысленной социальной этикой, нацеленной на достижение хозяйственной свободы, исключающей абсолютную подчиненность государству. При этом «христианский путь к хозяйственной свободе ведет не через хозяйство, а как бы поверх его, через преобразование человеческой природы, ибо не хлебом единым живет человек, но всяким словом Божиим».³³

О том, что Булгаков серьезно относился к разрабатываемой им модели социализма свидетельствуют не только соответствующие публикации и выступления, но и идея создать Союз христианской политики с главной задачей на деле послужить «выполнению заветов Христовых», для которого им была разработана политическая платформа. Примечательно и то, что С.Н.Булгаков был избран депутатом II Государственной Думы от Орловской губернии как беспартийный "христианский социалист".

Подводя итог, можно сказать, что вторая часть «Философии хозяйства» - это по существу предложенная концепция христианского социализма, достаточно подробно описанная в статьях и доведенная до выработки политической платформы. Но и в этом

³¹ Там же. - С.85.

³² Булгаков С.Н. Неотложная задача (О Союзе христианской политики) // Христианский социализм. - С.43.

³³ Булгаков С.Н. Христианство и социализм // Христианский социализм. - С.210.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

случае наступило разочарование. Бесперспективность этой идеи для Булгакова особенно стало наглядной в ходе революционных событий 1917 г. Стало понятно, что исполнение христианских заповедей в реальной политике – задача в своем строгом понимании неосуществимая. Остается только вариант, который им в год революций был сформулирован следующим образом. «Пусть социалисты становятся христианами, тем самым социализм, как и вся наша жизнь, будет делаться христианским». ³⁴

В дальнейшем С.Н.Булгаков отошел от философско-хозяйственных исследований, но от идеи христианского социализма не отказался, хотя в ряде случаев отождествлял его с «социальным христианством». Тем не менее, позднее, находясь в эмиграции, он писал, что русский коммунизм является примером «безбожия и воинствующего богоборства». «Однако возможен иной, ... свободный или демократический социализм, и, думается нам, его не миновать истории. И для православия нет никаких причин ему противодействовать, напротив, он является исполнением заповеди любви в социальной жизни». ³⁵

Уроки С.Н.Булгакова: от философии хозяйства к политической экономии.

Насколько С.Н.Булгаков современен и полезен? Что из его творческого наследия может быть востребовано в нынешней России?

Бесспорно, что С.Н.Булгаков – это яркое явление в русской мыслительной традиции. Творческий накал его поисков, самобытность, смелость в исканиях и поступках, способность критически переосмысливать свои взгляды, преодолевая сомнения и разочарования, политическая ангажированность – все это и многое другое определяет достойное место, которое он занимает в истории философской и экономической мысли России. Для современных российских исследователей он ценен не только поучительным и уникальным примером творческой деятельности, но и своими серьезными открытиями, которые достойны возрождения и продолжения. ³⁶ Ограничимся только той частью его наследия, которое определяется философско-хозяйственным учением.

Прежде всего следует выделить критику экономизма как остающейся до настоящего времени философской и мировоззренческой основы мирохозяйственного устройства. Прошедший XX век обернулся превращением экономизма в глобальный экономизм, подчиняющий себе и те сферы человеческой жизни, о которых трудно было представить в прошлом. Конечно, к началу XXI века можно найти уже немало критических разборов экономического материализма. Более того, даже присутствует понимание того, что главным и единственным результатом хозяйственной деятельности

³⁴ Там же. - С.229.

³⁵ Булгаков С.Н. Православие. М., 2003. - С.325.

³⁶ В этой связи отметим следующие издания: Преодоление времени (по материалам международной конференции, посвященной творческому наследию С.Н.Булгакова) / Под ред. Ю.М.Осипова, В.М.Кулькова, Е.С.Зотовой. - М., 1998; С.Н.Булгаков: Религиозно-философский путь. Материалы международной научной конференции, посвященные 130-летию со дня рождения / Науч.ред. А.П.Козырева. - М., 2003.

В.Т. Рязанов

не может быть наращивание ВВП и других денежных параметров. Оно выразилось в том, что уже более 20 лет назад ООН в качестве основного показателя для межстрановых сопоставлений был предложен Индекс человеческого развития, включающий наряду с ВВП, показатели продолжительности жизни и уровня образования. Тем не менее подчеркнем, что Булгаков был одним из первых политэкономов, который обнаружил последствия доминирования экономизма, в этом случае продолжая российскую философско-экономическую традицию, вскрыл его корни и, что еще более важно, предложил свой вариант ухода от экономического гегемонизма с помощью разработанной им философии хозяйства.

Можно разделять или не разделять взгляды Булгакова, но и сегодня не менее актуальное значение имеет выявление подлинного смысла и предназначения самого хозяйства и хозяйственной деятельности человека. Собственно вопрос по-прежнему остается открытым с точки зрения поиска возможных альтернатив будущего, реальности перестроения и ухода от капиталистической системы хозяйства в его нынешней версии «финансового (глобального) капитализма», еще более прокапиталистической и потому еще сильнее основанной «на насилии и неправде».

Как свидетельствует исторический опыт, в мир и на российские просторы капитализм пришел «всерьез и надолго», в том числе из-за того, что предложенные в прошлом варианты по разным причинам не смогли выдержать конкуренцию. Возможно, в силу того, что социализм, по пронизательному наблюдению Булгакова, отрицал капитализм недостаточно радикально, «сам духовно пребывая еще в капитализме». ³⁷ Все же рано или поздно, что-то должно произойти в мире. Как известно, «всерьез и надолго» не означает, что «навсегда».

Поможет ли такому выздоровлению более пристальное внимание к этической стороне хозяйства? ³⁸ Ведь само хозяйство, по Булгакову, находит свое оправдание в этике (морали, нравственности), от повсеместного отсутствия которых в бизнесе, во власти и, к сожалению, уже и в человеческом сообществе, страдает и мучается современная Россия. Та политическая сила, которая найдет в себе способность и волю сломать и устранить аморальность и безнравственность в обществе и экономике, приобретет историческую перспективу.

Еще одна важная проблема, поставленная Булгаковым, касается экономического детерминизма. Как соотносятся в экономике действие объективных факторов и свобода воли, творческая деятельность человека? Критикуя экономический детерминизм, русский мыслитель развивал идею о присутствии недетерминированности в историческом процессе, свободе воли и творческой деятельности, отказавшись от

³⁷ Булгаков С.Н. Христианство и социализм // Христианский социализм. - С.225.

³⁸ О том, что в современной экономической науке к этике хозяйства как научному направлению привлечено повышенное внимание свидетельствуют многочисленные публикации. См., например, Макашева Н.А. Этические основы экономической теории. М., 1993; Сен А. Об этике и экономике. М., 1996; Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом. СПб., 1998; Козловский П. Принципы этической экономики. - СПб., 1999.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

признания господствующей роли в этом процессе «железных законов» экономики, действующих по аналогии с законами природы. Отсюда два начала в историческом процессе: причинность от действия объективных факторов, включая экономические, и самопричинность, идущая от творческой свободы человека, стихийности самой жизни. У Булгакова они выступают как сотрудничество божественной воли и человеческой свободы.

Как свидетельствует исторический опыт, несмотря на все разработки аналитического инструментария, а они весьма масштабные, современная экономическая наука не прибавила в способности предсказывать и прогнозировать экономические изменения и наступление кризисов. Однако в данном случае важно иметь в виду не только непредсказуемость самих хозяйственных процессов, но и то, что саму экономику нельзя понять изнутри, ограничившись узкоэкономическим подходом, даже и перенасыщенным моделями и другими расчетными методами. Экономика – это взаимосвязь и взаимодействия большой совокупности разнородных факторов. Целостность знания об экономике в немалой степени обеспечивается через взаимосвязь социальных наук. Поэтому полнее и глубже понять хозяйственное устройство и особенности экономического развития, значит, подключить весь арсенал социальных наук, обеспечив экономическую науку прочными связями с ними.

Уроки С.Н.Булгакова – это не только открытия и гипотезы, которые находят и сегодня подтверждение в науке и общественно-хозяйственной практике. Важно учитывать и о тех неподтвердившихся выводах, иллюзиях и заблуждениях, которые также присутствуют в творческом наследии русского мыслителя. Тем более, что ему самому приходилось не раз разочаровываться и сомневаться в ранее высказываемых идеях, развиваемых под влиянием разных теорий. С этим связана незавершенность его начинаний, в том числе и философско-хозяйственной научной системы. Возможно, такой неровный творческий путь через преодоление сомнений объясняется личностной чертой, которую те, кто его знал, определили как стремление к абсолютному знанию, а потому в итоге он и пришел к вере, ибо «вера есть способ знания без доказательств».³⁹

Если обратиться к содержательной стороне его концепции философии хозяйства, то стоит задуматься о той ее стороне, которую с учетом современных реалий можно определить как «христианская модель глобализации». В этом смысле Булгаков прав в том, что в своих исканиях предвосхитил нарастание тенденции замещения национального глобальным, которая особенно явственно себя проявила с конца XX века. Понятно, что само христианство по своему изначальному смыслу и предназначению – это глобальный (вселенский) проект. Однако такую вселенскость Булгаков распространил на сферу хозяйства, сделав ее «истинным» субъектом все

³⁹ Еще одна его характерная черта, по собственному признанию, была связана с ощущением «творческого одиночества». Как С.Н.Булгаков писал в автобиографических заметках: "Чужой среди своих, свой среди чужих, а в сущности нигде не свой".

В.Т. Рязанов

человечество. Этим он развернул учение В.С.Соловьева о всеединстве («философию единства») из области религиозно-метафизической и трансцендентной в область хозяйственной практики. Поэтому для него права личности составляют «абсолютные сверхклассовые и сверхисторические блага». Все это говорит о том, что Булгаков может рассматриваться как своего рода первый «христианский глобалист». ⁴⁰

Заметим, что сама по себе эта идея о хозяйстве человечества на христианской основе является утопичной. Христианская церковь даже не смогла сохранить свое конфессионального единство в рамках сугубо религиозной и богословской жизни. О каком в этом случае единении в хозяйственной жизни может идти речь.

Но еще более сомнительной представляется роль России в этом глобальном христианском проекте. Сошлемся на впечатления Булгакова, которые он вынес после посещения в 1923 г. в Константинополе храма Св.Софии. Вот, некоторые выдержки из его дневника. «София есть Храм, вселенский, абсолютный храм вселенского человечества и Вселенской Церкви ...». И далее: «Русские славянофилы всегда относили пророчество о Византии к русскому православному царю, всеславянскому (Тютчев). Но этого мало для Софии. Что для космоса Россия? – провинция. – Славянство? этнографическая группа. Но София всенародна, она не национальная, местная, но Вселенская церковь, все народы призывавшая под свой купол». ⁴¹

Конечно, эти записи сделаны под влиянием трагических событий в России и принудительной высылки из страны, но по своей сути они соответствуют его взглядам. Также как вполне вписывается в его идейную платформу с последующим активным участием в экуменическом движении.

В этой связи следует отметить характерное раздвоение и противоречивость в позиции С.Н.Булгакова, особенно проявляемые в его творческой деятельности. По своим корням, православному воспитанию и мировоззренческим основам – он патриот России, горячо заинтересованный в ее благополучии и остро переживающий беды, обрушившиеся на нее. Но в своих научных исканиях в области политической экономики и философии он прочно оказывался в орбите в одном случае марксизма, в другом – немецкой философии идеализма. Достаточно обратиться к источникам его идей и к наиболее цитируемым авторам в «Философии хозяйства». Это – Шеллинг, Кант, Гегель, Коген, Маркс и другие в основном немецкие философы, ⁴² правда, основательно разбавленные самым цитируемым автором – В.С.Соловьевым.

⁴⁰ В известном смысле Булгаков впоследствии скорректировал свою «глобалистскую» позицию, когда в более поздней своей работе («Православие») поставил проблему «православного экономического человека», подробно раскрыв отличие этой модели хозяйствующего человека от протестантской модели.

⁴¹ Булгаков С.Н. Константинопольский дневник // Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. - С.128, 130.

⁴² Характерно то, что С.Н.Булгаков в своем почтительном отношении к Шеллингу готов его считать «истинным основоположником философии хозяйства» (Булгаков С.Н. Философия хозяйства. - С.47)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

На эту особенность философско-экономической части творчества Булгакова заостряем внимание по одной существенной причине. Дело в том, что многие его идеи созвучны взглядам предшествующих поколений русских философов и ранних экономистов, особенно славянофиловского направления (И.В.Киреевского, А.С.Хомякова, Ю.Ф.Самарина и др.), имена которых при всем обилии цитируемых авторов практически даже не упоминаются в «Философии хозяйства». Но ведь именно они заложили основы мыслительной традиции, основанной на русской социо-культурной матрице. Для нее характерно особое внимание к нравственной составляющей хозяйственной деятельности, акцентирование проблемы «правильного распределения» в интересах приумножения общественного богатства и отвергающим «неправедное богатство», приоритетность трудовой деятельности на основе православно-христианских ценностей. Русская философская мысль XIX века отличалась от западной философии еще и тем, что заострила проблему человека, его познания и самих познавательных возможностей, что воплотилось в оригинальной разработке такого научного направления как философская антропология – науке об изучении места человека в мире и обществе.

Можно еще приводить массу других примеров, подтверждающих близость экономико-философских взглядов Булгакова своим русским предшественникам.⁴³ Но для него, как видно, не они авторитет, а идеи немецких философов. Конечно, приведенные имена – это вполне уважаемые и достойные ученые, но почему обращаясь только к ним, ищется опора в разрабатываемой собственной и достаточно оригинальной теории. Между прочим, что касается славянофилов, то они также прошли «школу Шеллинга», некоторые из них с ним встречались и слушали его лекции, но они ее смогли переосмыслить и в своем творчестве вышли на новые творческие рубежи.

Надо сказать, что такое «преклонение» перед европейскими (западными) авторитетами, к сожалению, распространенная и не самая лучшая черта русской мыслительной традиции. В настоящее время она сохранилась и даже еще более укрепилась в социальных науках. Это приводит к возникновению разрывов в научных традициях и нарушению преемственной линии в социальных исследованиях.

В заключении остановимся на вопросе о том, какое сегодня может занимать место философия хозяйства относительно политической экономии.

Прежде всего следует подчеркнуть, что дальнейшее развитие философии хозяйства не означает вытеснение и отрицание политической экономии. Собственно, такого подхода придерживался и сам С.Н.Булгаков. Стоит повторить, что в его представлении политическая экономия – это специальная и практическая наука, изучающая хозяйственную жизнь в ее эмпирической данности. Философия хозяйства

⁴³ Об особенностях русской экономико-философской школе см.: Рязанов В.Т. Русская школа экономической мысли: универсально-всеобщее и национально-особенное // Вестник СПбГУ. Сер. Экономика. 2010. - Вып. 3. - С.66-84; Рязанов В.Т. Политическая экономия особенного: начала русской исследовательской традиции // Российский экономический журнал. 2011. - № 5. - С.22-48.

В.Т. Рязанов

призвана формировать мировоззренческие и методологические основания политической экономии, которые раскрывают философскую сторону экономико-теоретического знания. При этом такая философская сторона экономического знания, учитывая продолжающийся процесс дифференциации социальных, вполне может уже выступать как относительно самостоятельное научное направление. В этом смысле можно говорить о дальнейшем развитии философии хозяйства, имея в виду ее достаточно прочную связь с философией, а для кого-то с богословием.

Поэтому для политэконома как любого представителя социальных наук нет непреодолимой преграды для исследовательской деятельности в области философии хозяйства. Так он может повторить путь Булгакова и даже завершить его переключением на богословие и уходом в священство. Почему нет? И сегодня такие жизненные примеры имеются, когда экономисту по образованию в силу его мировоззренческих или религиозных убеждений становится тесно в рамках политической экономии.

Тем не менее, политэконому, оставаясь таковым, есть, что получить от философии хозяйства. Он нуждается в ней для того, чтобы не раствориться в инструментальных методах калькулирующего разума, не упустить из виду смысла и последствий от суетливой повседневности, видеть горизонта восходящего и нисходящего вариантов развития.

Вместе с тем, политэконому, оснащенному философско-хозяйственным методом, совсем не обязательно отказываться от исследования той части хозяйства и хозяйственной деятельности, которые связаны с ее практической и прикладной сторонами. Более того, самой философии хозяйства полезна и нужна непосредственная связь с политической экономией и с другими социальными науками. Без них, а это значит, без выхода в реальную социально-хозяйственную жизнь она может превратиться всего лишь в «философствование» о смысле (и бессмыслии) жизни и хозяйства. В одной из рецензий на работу Булгакова Л.Шестов дал такое определение философии. «Философия – наука, что в ней дальше "искания" не идут».⁴⁴ Однако из философствовании о смысле хозяйства «кашу не сварить» и голодного не накормить.

Если в философии хозяйства знание о хозяйственной деятельности формируется на основе ее философского и мировоззренческого осмысления, то в политической экономии оно происходит и проверяется через непосредственное обращение к эмпирической реальности экономики. Поэтому экономист-теоретик не должен замыкаться на философских поисках, от него как профессионала общество вправе требовать достаточно конкретные объяснения и рекомендации по совершенствованию хозяйственной жизни общества.

В качестве заключительного итога, сформулируем такой вывод. Философия хозяйства и политическая экономия могут быть связаны прочными узами, дополняя и обогащая друг друга. Философия хозяйства для собственно политико-экономических

⁴⁴ См.: С.Н.Булгаков: pro et contra. - С.597.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

исследований имеет значение по многим направлениям, но особо выделим ее роль как философско-хозяйственного метода, призванного обогатить аналитические возможности самой политической экономии за счет усиления ее философско-мировоззренческих и этических оснований как науки. Использование этого метода дает возможность преодолеть существующие разрывы в познавательном процессе, восстанавливает связность всех сторон в жизни общества и в конечном счете помогает построению интегрального знания о человеке, хозяйстве и обществе.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОШЛОГО И ДИЛЕММЫ БУДУЩЕГО

Руслан Семенович Гринберг,
член-корреспондент РАН,
директор ИЭ РАН,
д-р экон. наук, профессор.

Последний мировой кризис свидетельствует о глобальном характере экономических трансформаций рубежа тысячелетий. Их адекватное понимание, равно как и оценка перспектив современной модернизации, предполагает использование опыта и результатов исследований проблем переходной экономики постсоциалистического типа. Они убеждают в предпочтительности не радикальных, а эволюционных экономических преобразований, нацеленности дерегулирования, стабилизационных и приватизационных мер на новую индустриализацию реального сектора и социализацию экономики, повышение роли государства и гражданского общества в сферах «провалов» рынка и конкурентоспособной внешнеэкономической экспансии. Указанные проблемы являются ключевыми для нового этапа развития теории трансформационной экономики.

Ключевые слова: модернизация, эволюционные экономические преобразования, теория трансформационной экономики.

R. Grinberg. ECONOMIC TRANSFORMATION AND MODERNIZATION: THE CONTRADICTIONS OF THE PAST AND DILEMMAS OF FUTURE.

Last global crisis demonstrates the global nature of the economic transformations at the turn of the millennium. Their adequate understanding, as well as assessment of the prospects of contemporary modernization involves the use of experience and research problems of post-socialist transition economies. They convince a preference for evolutionary economic changes before the radical; require the focus of deregulation, privatization and stabilization measures on the new industrialization of real sector and socialization of the economy, cause the increased role of the state and civil society in the spheres "failures" of the market and competitive of foreign economic expansion. These problems are crucial for a new stage of development of the theory of transformational economy.

Keywords: modernization, evolutionary economic transformations, the theory of transformational economy..

Похоже, сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда есть требования на какое-то новое понимание жизни. В том смысле, что старые концепции обесцениваются, а новые

ДИСКУССИИ О МОДЕРНИЗАЦИИ

еще не появляются, и политики, в общем-то, не дотягивают до критического мышления, они озабочены только своими выборами. Это очень важная проблема сегодня для всего человечества. С одной стороны, можно наблюдать какой-то стратегический поворот к новому во всем мире, с другой стороны – есть реальная политическая жизнь, где старое просто так не уходит. И собственно говоря, эта жизнь доказала, что наряду с демократией есть другие способы устройства общественной жизни, которые могут приносить какие-то определенные успехи. Но все-таки в долгосрочной перспективе эти недемократические способы не работают. Вспомним Фрэнсиса Фукуяму, которому удалось придумать очень удачное название своей статьи – «конец истории». Если бы не это название, то мало бы кто обратил внимание на эту статью. Но название это все. Это было очень удачное название и для сторонников и для противников либеральной идеи. Но это ведь его собственное мировоззрение и смена мировоззрения о чем-то говорит. Она говорит о том, что не только мы в России были опьянены свободой и в общем-то были заражены коллективным сумасшествием в конце 1980-х начале 1990-х гг., но и западные интеллектуалы тоже.

Если бы на Западе в то время не было бы таких мощных противовесов авторитарному устройству жизни (экономическая свобода, демократия, большое количество партий и т. п.), то тогда бы они тоже увлеклись. Это очень интересная история. Беседы со многими западными интеллектуалами, которые определяют интеллектуальный и критический тонус западной жизни, указывают на то, что действительно есть конец истории, или, конец истории действительно приходит. Это не просто объяснить сразу. Мы люди, мы учимся, мы становимся в чем-то все мудрее.

Итак, конец истории близок. Почему? А потому что в главной капиталистической стране под названием Соединенные Штаты Америки 140 месяцев был экономический рост. Это очень много. А люди так устроены, что если сегодня вам хорошо, завтра вам хорошо, то вы думаете, что и послезавтра будет хорошо, и через месяц вам будет хорошо, и через год, и через пять, и что это будет вечно. Было совершенно очевидно, что все устроено очень просто, почти идеально. Институциональная демократия, гражданское общество и рыночная экономика. Большинство интеллектуалов в Америке и в Европе считали, что может быть все эти разговоры про социально ориентированную рыночную экономику – это уже устаревшая история. Нужна просто рыночная экономика без прилагательного, без определения социального. Нормальная рыночная экономика должна работать как надо. А что значит как надо? Это значит, чтобы она работала одна и ей никто не мешал. И тогда по определению она будет социальной. И это сработало почти во всех постсоциалистических странах, конечно, в разной степени, но особенно в России. Это грустно констатировать, но так случилось. А потом в США наступил экономический кризис, который затронул многие страны. Вера во всемогущество либеральной рыночной идеологии пошатнулась.

Сегодня мы присутствуем при смерти двух утопий. Первая – это утопия плана, и вторая – утопия рынка, или гармонии рынка. Можно сказать, гармонии плана и гармонии

Р.С. Гринберг

рынка. Легче всего сказать, что мы заботимся об их синтезе, что мы все пытаемся соединить план и рынок. Но есть тут какое-то недопонимание, нет четкого и ясного вывода о том, что же надо делать. Думается, что мы должны трудиться над каким-то *новым образом мира*.

Сегодня мы можем констатировать только некоторые тенденции. Например: возвращение централизации и концентрации капитала, возвращение государства. Или релокализация мирового хозяйства, то есть борьба с жесткими ударными локализациями через кучкование в региональных союзах. Для России это очень актуальная проблема, даже сверхактуальная. Мы находимся в очень сложном положении в этом смысле. Китай с полтора миллиардами человек не нуждается ни в каких блоках и Люксембург не нуждается поскольку там 500 тыс. человек. От бывшего СССР осталось 380 млн. человек без всякого союза, и куда им идти? Сегодня очевидно, что так или иначе мы должны создать свой блок вокруг себя. Это очень сложно, но необходимо. Не прекращается тенденция – уже традиционного отношения бывших советских республик к России: они хотят иметь минимум политических обязательств и максимум политических выгод для себя. С этим очень трудно бороться. В отличие от Европейского Союза, где блок был создан равновеликими государствами и были возможности достижения консенсуса. У нас другая ситуация. Россия слишком сильна, слишком велика. В этом отношении Советский Союз был более удобное союзное образование. Там понимали, что когда киргиз приезжал в Москву, то он приезжал не к русскому, а к общесоветскому центру, к руководящему центру той же самой коммунистической партии СССР, членом которой он был сам. Сейчас этого нет и не будет. Об этом даже мечтать нельзя.

У нас часто говорят, что мы живем в постиндустриальном мире. Но в России складывается доиндустриальный мир, потому что индустрия у нас умерла. С одной стороны мы имеем рассвет нематериальной экономики или экономики знаний. Так многим казалось перед недавним экономическим кризисом. А теперь меняется сама дискуссия. Возвращается понимание значения индустриальной экономики. Возвращается реальный сектор экономики. Это возвращение к реальной экономике, к реальному сектор - альтернатива финансиализации. Теперь про доминирование финансового сектора (финансиализация) говорят, что это должно исчезнуть, но с другой стороны, и без финансового сектора нельзя. Никто не может найти золотую середину как регулировать финансовые операции, чтобы отделить плодотворное от вредного. Мы тоже над этим работаем.

И еще один момент. Это проблема глобального управления глобальной экономикой. Вот теперь уже точно ясно, что мы имеем «большую деревню» или большой мегаполис, где проживает 7/9 человечества, за исключением может быть Северной Кореи и Кубы, все сюда так или иначе входят. И императив общего регулятора очевиден, но очевидна также полная невозможность его создания. То есть национальные механизмы очень сильны и национальные интересы очень сильны. Мы

ДИСКУССИИ О МОДЕРНИЗАЦИИ

даже для Европы можем ясно констатировать слабость общеевропейского управления, члены национальных парламентов намного важнее, чем члены Европарламента. Это очень серьезный конфликт. И не очень понятно как его будут решать.

Содержание и варианты трансформационных процессов

Теоретическая база для осуществления системных реформ, т.е. для перехода от административно-командной экономической системы к современной рыночной, не разрабатывалась ни в СССР, ни в мире до конца 1950-х годов. В 1960–1980 гг. начались теоретические исследования возможностей реформирования социализма через широкое внедрение в него элементов рыночной экономики (возникла теория «рыночного социализма», отчасти примыкающая к западной теории конвергенции социализма и капитализма) и во многом через теоретическое обобщение того, что уже было практически достигнуто на этом пути и социалистической Югославии, Венгрии, а затем и в Китае. Позже, в 1990-е гг., в постсоветских республиках широко использовались и теоретизировались тогдашний опыт радикальных рыночных реформ в Польше и других европейских постсоциалистических странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), а также рекомендации Международного валютного фонда и Всемирного банка (так называемый Вашингтонский, а затем и поствашигтонский консенсус, т. е. подход этих организаций к осуществлению рыночных реформ). В последние годы начал теоретически обобщаться опыт проведения системных реформ в самих постсоветских республиках.

Зарубежный опыт внедрения элементов рыночной экономики в социалистическую экономическую систему был для советских экономистов 1960–1980-х гг. главным источником их предложений по реформированию экономики СССР. Югославский опыт наделения предприятий и их трудовых коллективов большой самостоятельностью и идеи чешского экономиста О. Шика о «рыночном социализме», когда социалистическое предприятие хозяйствует на рыночных (коммерческих) условиях и доходы коллектива зависят от результатов этой рыночной деятельности, привели в конечном счете к появлению в СССР в 1987 закона «О государственном предприятии», дававшего большие права предприятию и его трудовому коллективу. В то же время российские экономисты недостаточно теоретизировали опыт тех европейских социалистических стран, где существовал заметный частный сектор (Югославия, Польша) или где он активно нарождался (Китай). Впоследствии сохранился интерес лишь к китайским умеренным реформам, которые успешно конкурировали с радикальными центрально-восточноевропейскими реформами.

Опыт радикальных системных реформ стран ЦВЕ и рекомендации МВФ и ВБ оказали особенно сильное воздействие на теоретическое обоснование системных реформ на всем уже начинающем распадаться советском пространстве. Для прибалтийских республик оказалось возможным не только следовать опыту стран – лидеров ЦВЕ и советам МВФ и ВБ, но повторить успех Польши, Чехии и Венгрии. Для

Р.С. Гринберг

России, Украины, Молдавии, республик Закавказья, Казахстана и Киргизии путь радикальных реформ, особенно после провала умеренных реформ в СССР, казался неизбежным, однако быстрое решение некоторых задач радикальных реформ оказались трудновыполнимым делом, и задачи были скорректированы исходя из местных особенностей. Остальные постсоветские страны также многое взяли из опыта стран ЦВЕ и рекомендаций МВФ и ВБ при проведении собственных системных реформ, которые хотя и оказались намного умереннее, чем в вышеперечисленных странах, но, в конечном счете, были более радикальны, чем китайские реформы (хотя и менее успешны).

Процесс социально-экономической трансформации сопровождался распадом Советского Союза и появлением дезинтеграционных тенденций на территории России, глубоким падением и примитивизацией производства, накоплением серьезнейших социальных проблем. Значительная часть российского населения оказалась за чертой бедности. Практически были подорваны гарантии трудящихся на труд и жилье, бесплатное образование и медицинское обслуживание. Небывало возрос уровень преступности и детской беспризорности, резко сократилась продолжительность жизни. На фоне общего падения жизненного уровня произошло глубокое расслоение российского общества по величине получаемых доходов.

Издержки перехода к демократии и рынку оказались невероятно большими. Они включают развал государства, огромное количество безвременно ушедших и неродившихся сограждан, обнищание значительной части населения, потерю существенной части доли научно-технического потенциала и т. п.

Переход к рыночной экономике оказался в постсоциалистических странах значительно более сложным, чем это первоначально предполагалось. Все без исключения государства столкнулись в первые несколько лет преобразований с масштабным спадом экономической активности, дестабилизацией финансового положения, резким обострением социальных проблем. Всеобщность этих процессов на постсоциалистическом пространстве дали основание исследователям (а затем и политикам) говорить о трансформационном кризисе как о неотъемлемом спутнике системных изменений.

В России спорят сторонники либерального и кейнсианского направления экономической теории. Либералы тяготеют к центрально-восточноевропейскому опыту и рекомендациям МВФ и ВБ, а кейнсианцы – к китайскому опыту проведения реформ и традициям активного вмешательства государства, достаточно популярным на постсоветском пространстве в силу исторических причин.

В результате можно говорить не только о складывающейся теории переходного периода, но и о разных подходах (концепциях) к ее реализации. Это, прежде всего, две концепции – *эволюционного* перехода и *радикального* перехода.

Концепция эволюционного перехода базируется на медленном и последовательном проведении системных экономических реформ. В результате

ДИСКУССИИ О МОДЕРНИЗАЦИИ

длительное время сосуществуют механизм административно-командной экономики (особенно в госсекторе) и рыночный механизм. Поэтому здесь действует так называемая двухсекторная модель экономики, а демонтаж первого сектора осуществляется постепенно. Достоинством концепции является отсутствие (или меньшие по сравнению с другой моделью размеры) спада производства, смягчение социальных последствий реформ. Недостатками концепции являются медленные темпы построения современной рыночной экономики в стране, сохраняющееся сильное государственное вмешательство. Наиболее последовательно концепция эволюционного перехода реализуется в Китае, но сильное воздействие этой концепции видно и в других странах – Белоруссии, Вьетнаме, Таджикистане, Туркмении, Узбекистане. Практика показывает, что проведение в жизнь данной концепции или многих ее элементов возможно только при наличии авторитарной власти.

Концепция радикального перехода основывается на быстром, широком и параллельном проведении системных экономических реформ. Радикальный переход осуществляется, прежде всего, через быстрый демонтаж централизованного планирования и замену его экономическими методами регулирования (особенно финансовыми, т. е. денежно-кредитными и налогово-бюджетными), быструю либерализацию цен внутренней и внешней торговли. Одним из наиболее известных вариантов концепции радикального перехода была основанная на идеях монетаризма «шоковая терапия», которая в целях быстрого высвобождения рыночных сил рекомендовала резкий уход государства из экономической жизни и одномоментную либерализацию цен, а также активную борьбу через жесткие бюджетные ограничения за устойчивые финансы (особенно борьбу с инфляцией), подорванные одномоментной либерализацией цен. Достоинством радикальной концепции является быстрое построение современной рыночной экономики. Недостатками являются дестабилизация финансов в ходе одномоментной либерализации цен и большой и нередко длительный спад производства из-за активной борьбы с инфляцией, падение уровня жизни и рост безработицы и другие социальные проблемы. Данная концепция стала преобладающей на постсоветском пространстве, хотя лишь в странах Балтии она реализовалась с высокой скоростью, широким размахом и одновременным проведением реформ во всех направлениях. Более того, в ряде постсоветских стран она к тому же сочеталась с частичной реализацией концепции эволюционного перехода.

Очевидно, что создание *общей теории трансформационной экономики* невозможно без осмысления её концептуальных основ. Трансформация как рыночная реформа представляет собой процесс преобразования плановой экономики в рыночную экономику. Поэтому создание концептуальной основы трансформации неразрывно связано с раскрытием содержания трансформационных процессов в рамках рыночных реформ.

Теория трансформационной экономики выделяет ряд стратегических *направлений* системных реформ: либерализацию, приватизацию, стабилизацию.

Р.С. Гринберг

Первым исходным элементом трансформации как перехода к рыночной экономике выступает блок мероприятий, обозначаемый как либерализация хозяйственной жизни.

Либерализация хозяйственной жизни (дерегулирование) означает уменьшение роли государства и хозяйственной жизни. Для этого решаются следующие задачи:

- ликвидируется тотальное директивное государственное планирование (т. е. обязательное к выполнению во всех отраслях и сферах экономики), и в результате резко сокращается сфера его применения (обычно только в госсекторе);
- государственное регулирование экономики осуществляется преимущественно экономическими мерами, особенно финансовыми, прежде всего через налоги и бюджетные расходы, учетную ставку и валютный курс;
- ликвидируется монополия государства в большинстве сфер и отраслей экономики. В странах радикального перехода эта монополия ликвидируется в подавляющем большинстве отраслей и сфер, в странах эволюционного перехода – в большинстве, и сохраняется государственная монополия во многих отраслях тяжелой промышленности, инфраструктуре, кредитной и внешнеэкономической сфере;
- отменяется или резко ограничивается набор регулируемых государством цен;
- проводится политика демополизации и поощрения конкуренции, в том числе через регулирование естественных монополий, поощрение малого бизнеса, постепенное снятие ограничений для иностранных компаний.

Эти и иные либерализационные изменения ведут к формированию макроэкономического равновесия на новом уровне и в новых пропорциях. Следует подчеркнуть, что либерализация хозяйственной деятельности не может быть, однако же, стихийным, спонтанным процессом, а контролируемым, управляемым государством в рамках внутренне увязанной стабилизационной программы, определяющей соответствующую экономическую и финансовую политику, в том числе фискальную (систематическое ограничение бюджетного дефицита с целью контроля инфляции или борьбы с гиперинфляцией) и монетарную (размер денежной эмиссии, уровень процентных ставок центрального банка, курсы обмена иностранных валют).

Либерализационно-стабилизационную программу можно реализовать скачкообразно или постепенно. Здесь выступает следующая закономерность: чем нестабильнее данная экономика, особенно ее общественные финансы, тем выше необходимость применения в короткий период времени стабилизационных средств, благодаря чему возможно будет более быстрое восстановление как внутреннего, так и внешнего равновесия.

Либерализация в широком смысле представляет собой создание условий, при которых могла бы функционировать хозяйственная система, основанная на либеральных принципах. Под демократическим (либеральным) понимается общественный строй, который в наибольшей мере обеспечивает свободу индивидуума

ДИСКУССИИ О МОДЕРНИЗАЦИИ

вообще и экономическую свободу в частности. При этом совместное существование членов общества может быть обеспечено путем создания общих правил поведения в обществе.

Под общими правилами поведения понимаются преимущественно правовые нормы, регулирующие собственность, механизм заключения договоров и возмещения ущерба. Именно эти правила имеют решающее значение для обеспечения рыночных сделок. Функция контроля за соблюдением «правил поведения» должна быть возложена на государство.

Основная функция государства в либеральном обществе заключается в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить свободу каждого индивидуума, а, с другой – разумно ограничить его. Именно четкое разграничение частной сферы и является основной задачей экономической политики в условиях рыночной (либеральной) экономики.

При этом, одной либерализации для становления цивилизованного рынка недостаточно. Экономическая свобода может переродиться в рыночную анархию, провоцировать появление секторов «теневой» (нелегальной) экономики, криминализацию рынка и возрождение монополизма. Противовес этим опасным потенциям – утверждение в результате институциональных преобразований определенного хозяйственного порядка.

Основные направления институциональных преобразований

Институциональные преобразования обеспечивают, с одной стороны, защиту рыночной либерализации и конкуренции (от тенденций к монополизации, чрезмерного интервенционизма государства применительно к экономической жизни, перехода части хозяйств в «тень», от умышленных банкротств и прочих полузаконных и незаконных махинаций), а с другой, – открытость, прозрачность предпринимательских действий субъектов рынка для общества.

Институциональные преобразования в ходе рыночной трансформации экономики, включают следующее.

1. Преобразование отношений собственности и создание эффективной системы защиты прав собственников.

2. Формирование субъектов рынка, адаптированных к его условиям и эффективно функционирующих в рыночной среде или обслуживающих ее, – предприятий, корпораций, финансово-промышленных групп, банков и инвестиционных фондов, брокерских и дилерских контор, бирж и учреждений страхования различных рисков.

3. Регламентацию хозяйственной деятельности, т. е. выработку правил поведения и взаимодействия рыночных субъектов в производственной, финансовой, внешнеэкономической и иных ее видах. Такого рода правила и нормы обеспечивают равноправие упомянутых субъектов, а при их последовательном соблюдении – и не нанесение друг другу ущерба. Они дают отправные позиции для государственного и

Р.С. Гринберг

корпоративного регулирования экономики. Регламентация хозяйственной активности выражается в принятии различных кодексов (гражданского, коммерческого, налогового, бюджетного, трудового), а в целом – в формировании соответствующего рыночным принципам хозяйственного права (юридических основ защиты собственности, конкуренции и антимонопольной деятельности государства; защиты прав инвестора, как и любой из сторон хозяйственного контракта).

4. Создание институтов и новых (в сравнении с планово-распределительной системой) принципов и конкретных правил госрегулирования народного хозяйства – правил выработки и реализации социально-экономической политики на разных уровнях иерархии государственного управления.

5. Утверждение гражданских, т. е. негосударственных, институтов регулирования экономики и рынка, лоббирования интересов различных групп субъектов рынка – профсоюзов и других общественных организаций, представленных ассоциациями предпринимателей, союзами потребителей, научными общественными объединениями, и т. п.

6. Развитие наднациональных (межгосударственных) институтов и выработку правил их функционирования в области регулирования двусторонних и особенно многосторонних хозяйственных отношений (тем более, если они развиваются в режиме экономической интеграции).

7. Развертывание системы подготовки хозяйственных кадров (экономистов и юристов), адаптированных к работе в интернационализируемой рыночной среде, способных к стратегическому мышлению и ориентированных на инновационное развитие производства, а так же ответственных в социальном плане.

Замена командно-административного механизма рыночным – не самоцель, а лишь средство преобразования общественного производства (реальной экономики) и повышения на этой основе жизненного уровня населения.

Реформирование реальной экономики предполагает последовательное решение комплекса задач. Это:

1) преодоление экономического кризиса, который обычно предшествует активной фазе трансформационных процессов и может в какой-то период углубляться под их воздействием;

2) финансовая, а затем и в целом макроэкономическая стабилизация;

3) обеспечение экономического роста, повышение эффективности воспроизводственного процесса и глобальное изменение структуры производства товаров и услуг;

4) включение национальной экономики в международное разделение труда, определение своей ниши на мировом рынке и утверждение в ней;

5) создание условий для экологически безопасного и устойчивого на длительную перспективу развития;

ДИСКУССИИ О МОДЕРНИЗАЦИИ

б) формирование научно-технических и социальных предпосылок перехода к постиндустриальной (информационной) стадии развития.

Кроме процессов либерализации основу трансформации составляют также приватизация и стабилизация.

Под *приватизацией* понимается передача государственных предприятий в частную собственность, а также (в широком смысле) увеличение доли частных предприятий в общем количестве организаций, функционирующих на территории страны. В переходной экономике приватизация обуславливает следующие преобразования:

а) в результате приватизации хозяйствующие субъекты попадают в ситуации, для которых характерны рыночная конкуренция, финансовые риски, финансовая ответственность за принимаемые решения.

б) кардинально меняется вся система управления национальной экономикой, т. к. уходят в прошлое директивные механизмы государственного воздействия на предприятие; в этих условиях возникает, по крайней мере, теоретическая возможность низвержения старой бюрократической элиты.

в) приватизация рассматривается как один из решающих факторов в процессе экономической трансформации, т. к. при наличии её позитивных результатов (повышение общехозяйственной эффективности, экономический рост) подтверждается правильность проводимой реформы и преодолевается постсоциалистическая ностальгия некоторых слоев общества. Как и в развитых индустриальных странах задачи приватизации в условиях переходной экономики заключаются в обеспечении роста доходов частных предприятий и государства, повышении инвестиционной активности, относительно равномерном распределении приватизированной собственности среди населения, а также обеспечении социальных гарантий. Однако и здесь существует принципиальное различие подходов: если в индустриальных странах приватизацию целесообразно проводить лишь по мере решения указанных выше задач, то в условиях переходной экономики приватизация должна быть осуществлена наиболее быстрыми темпами. Темпы приватизации необходимо форсировать и в том случае, если отмеченные выше задачи достичь не удастся. Замедление темпов приватизации создает угрозу для самого процесса экономической трансформации в бывших социалистических странах.

Макроэкономическими целями приватизации считается:

1) относительно быстрая приватизация большей части имущества, все еще находящегося в ведении государства как обязательное условие создания институциональных рамок рыночной экономики;

2) содействие структурным преобразованиям народного хозяйства;

3) содействие росту уровня конкурентоспособности в экономике;

4) рост микроэкономической эффективности предприятий;

5) повышение чувствительности экономики на потребительский спрос;

Р.С. Гринберг

6) помощь в реформировании системы социального страхования в направлении, соответствующем мировым тенденциям;

7) обеспечение в перспективе дополнительного стабильного источника бюджетных доходов;

8) реализация идеи всеобщего наделения граждан собственностью;

9) создание среднего класса общества;

10) ускорение темпа развития финансового рынка, в том числе рынка капитала.

Микроэкономическими целями приватизации можно считать: структурное преобразование предприятий, рост капиталовложений, технический прогресс, новые принципы и методы управления, повышение качества продукции, освоение новых рынков, повышение конкурентоспособности производства, продуктивные рабочие места.

Страны, проводящие системную трансформацию, выбрали различный темп, охват, сценарии и методы приватизации.

В России использован сценарий, сочетающий решения общественно-наделительного и денежно-рыночного вариантов в условиях ослабленной роли государства.

Исключительно неблагоприятным для российского производства товаров и услуг фактором выступили избранные и реализованные варианты приватизации и реструктурирования крупных государственных предприятий.

Во-первых, приватизация значительной части госимущества была проведена либо бесплатно, либо за бесценок и не создала необходимых импульсов налаживания воспроизводственных процессов.

Во-вторых, «приватизация по-русски» не дала полного решения задачи появления эффективного собственника. Нерешенность столь серьезного вопроса крайне мешает рациональному использованию формально приватизированных средств производства. Если скоро нет эффективного собственника, нет ни осознанного экономического интереса, ни достойного менеджмента, довлеет злоба дня и отсутствует забота о перспективе (об устойчивости роста и долгосрочной рентабельности). В подобных условиях проведение осмысленной экономической политики, прежде всего в реальном секторе, весьма затруднено.

В-третьих, зачастую отчуждение государственной собственности в пользу негосударственных юридических и отдельных физических лиц мотивировалось с их стороны принципом «запас кармана не тянет», осуществлялось не для совершенствования производства, а «на будущее» и для спекулятивных целей.

В-четвертых, приватизационные мероприятия приводили к смене профилей производства, нарушению сложившихся кооперационных технологических связей, к выпадению из налаженных производственных цепочек необходимых звеньев, невыполнению «приватизаторами» инвестиционных обязательств.

Еще один мрачный сюжет, который ощущается все явственнее: экономика переживает весьма затянувшиеся «инвестиционные каникулы». И действующие, и

ДИСКУССИИ О МОДЕРНИЗАЦИИ

бездействующие мощности изнашиваются и проедаются; все жестче становятся ресурсные ограничения (по энергии, по технике и оборудованию, по некоторым видам сырья, по разведанным запасам полезных ископаемых).

Не сбылись обещания и надежды на то, что мощным средством преобразования реальной сектора станут сформировавшиеся в постсоветской России крупнейшие (как правило, столичные), возросшие под сенью государства, при его прямой финансовой и материальной поддержке, частные капиталы, получившие название олигархических. Нормальное функционирование реального сектора не стало ни источником, ни целью функционирования большинства из них, что и естественно, если принять во внимание специфику их происхождения. Оно, во-первых, спекулятивное, связанное с: крупномасштабной торгово-посреднической деятельностью в условиях галопирующего роста цен; кредитными операциями, в том числе с использованием государственных финансовых ресурсов, при баснословно высоких процентах и на «коротких деньгах», ссужаемых агентам транзакционного (а не производственного) сектора; валютными сделками в обстоятельствах постоянно меняющегося курса национальной валюты; умелым использованием несовершенства хозяйственного законодательства и всякого рода подзаконных актов (приватизационных, налоговых, таможенных).

Во-вторых, приватизационное, сопряженное либо с незаконным, либо с формально худо-бедно правообеспеченным, но в любом случае бесплатным или за бесценок присвоением государственного имущества, причем присвоением наиболее дееспособных, эффективных его частей (тогда как безнадежно неэффективные объекты оставались «на шее» у государства).

Соответственно «олигархи» нацелены вовсе не на развитие производства, а на защиту любой ценой своего приобретенного капитала и на консервацию ради его дальнейшего увеличения тех своих преференций, которые были получены в первые годы праворадикальных реформ (отмеченные паническим «бегством» государства с экономических позиций).

Как отмечалось, процесс трансформации представляет собой комплекс мероприятий, направленных на преобразование хозяйственной системы планового типа в хозяйственную рыночную систему. Основное содержание трансформационных процессов составляют: либерализация, приватизация и стабилизация.

Политика стабилизации в условиях переходной экономики

Проблема политики стабилизации играет ключевую роль в процессе трансформации плановой хозяйственной системы. Экономическую стабилизацию можно рассматривать как завершающую цель, достижение которой определяет успех всей стадии перехода к рынку.

Действительно, результатом переходного периода выступает стабильно функционирующая рыночная экономика, основанная на частной собственности и

Р.С. Гринберг

свободных ценах. В отличие от приватизации и либерализации достижение экономической стабилизации рассматривается как достаточно длительный процесс.

Экономическая политика государства в этом случае связана с достижением таких известных целей как стабильный уровень цен; устойчивый экономический рост, полная занятость, равновесное сальдо платежного баланса. Эти цели объединяются термином «магический четырехугольник». Однако, в отличие от традиционной рыночной экономики, переходная стадия имеет ряд специфических особенностей.

В первые годы реформ либерализация цен обуславливает высокие темпы инфляции. Борьба с инфляцией в этом случае направлена не только на стабилизацию цен, но и на улучшение инвестиционного имиджа страны (высокие темпы инфляции пугают потенциальных инвесторов), а также на преодоление социальной напряженности в обществе в связи с падением доходов, обесценением сбережений и т.д. Основным инструментом борьбы с инфляцией является жесткая бюджетная политика, основанная на таких мерах как проведение процедуры банкротства, прекращения субсидирования неконкурентоспособных предприятий, контроль за задолженностью предприятий и т. д. В начале переходной стадии, как правило, происходит существенный спад производства, вызванный ликвидацией государственного заказа и неспособностью многих предприятий быстро приспособиться к работе в рыночных условиях. Спад производства порождает такие острые проблемы как отставание в области технического прогресса, падение жизненного уровня населения, социальное расслоение общества, разрушение системы здравоохранения и т. д. Все эти негативные явления приводят к отрицательному восприятию проводимых рыночных реформ. Таким образом, достижение экономического роста (преодоление спада производства), в значительной мере, предопределяет успех всей рыночной реформы. Кроме того, решая эту проблему, можно приблизить экономику к состоянию полной занятости и обеспечить равновесное сальдо платежного баланса. Основным направлением в достижении данной цели является создание финансового сектора, обеспечивающего достаточную инвестиционную активность. Речь идет об образовании такой банковской системы, которая исключала бы возможность нерационального предоставления кредитов. В качестве инструментов стимулирования предложения выступают также налоговая, валютная и таможенная политики.

Наряду с этими основными мероприятиями государство должно проводить также и другие меры, стабилизирующие ситуацию в экономике. Например, осуществляя грамотную жилищно-коммунальную политику, можно добиться повышения мобильности рабочей силы и сокращения безработицы. Необходимо также создавать систему социального обеспечения граждан, ослабляющую негативные эффекты, вызванные социальным расслоением в первые годы рыночных реформ. Помимо конкретных мероприятий в рамках экономической стабилизации большое значение имеет способность новых институциональных структур убедить население в правильности проводимой ими политики. Здесь очень важно выдержать равновесие: стремясь

ДИСКУССИИ О МОДЕРНИЗАЦИИ

максимально стабилизировать ситуацию в экономике в первые годы рыночных реформ, не следует применять методы, характерные для планового хозяйства. В противном случае рыночная реформа не увенчается успехом.

Практика первых лет переходного периода (в том числе и в России) показала, что фазы частичной стабилизации сменялись новыми циклами раскручивания инфляционной спирали. Принципиально для начальной стадии перехода к рынку характерно недоверие к финансовому сектору, которое обусловлено такими факторами как социально-экономическое и политическое положение страны, степень независимости Центрального Банка, стратегические цели, преследуемые политической элитой и т. п.

Основной вывод приведенных рассуждений состоит в следующем: в первые годы экономических реформ следует стремиться к обеспечению доверия населения к национальной валюте, которое, так или иначе, выражает доверие ко всему курсу проводимых в стране экономических преобразований. Для достижения этой цели следует проводить такие мероприятия, как контроль за номинальным валютным курсом и политика стимулирования экспорта. Основная цель контроля за номинальным валютным курсом состоит в том, чтобы сохранить доверие населения к национальной валюте и не допустить массового превращения денежных национальных единиц в реальные ценности и иностранную валюту. Обесценение национальной валюты может позитивно влиять на уровень конкурентоспособности отечественного производства. Однако оно подрывает доверие к национальной валюте, что вызывает множество негативных эффектов, таких как повышение экономического риска нестабильность ожиданий населения. Фактически деньги перестают выполнять функцию средства сохранения ценности. Кроме того, регулярное обесценение национальной валюты способствует усилению инфляции.

Несколько слов об управлении бюджетным дефицитом. Устойчивый высокий бюджетный дефицит отрицательно сказывается на экономическом росте.

Все три метода финансирования дефицита имеют свои недостатки: внутренние заимствования способствуют повышению процентных ставок; внешние заимствования не слишком надежны; денежная эмиссия приводит к инфляции.

Нет простой формулы определения оптимального дефицита. Он зависит от различных обстоятельств, в том числе: фазы экономического цикла, перспектив будущего роста, направлений правительственных расходов, развития финансовых рынков, уровня национальных накоплений и инвестиций.

Оптимальный уровень дефицита текущего платежного баланса. Абстрактно определить невозможно; зависит от конкретных обстоятельств и, особенно, от направлений использования финансовых ресурсов. Дефицит возникает, когда страна больше инвестирует, чем накапливает.

Р.С. Гринберг

Большое значение имеет форма финансирования дефицита. Желательны ПИИ (капитал, знания, стабильность; опасны краткосрочные заимствования и движение портфельных инвестиций).

Стабилизация производства и содействие экономическому росту. Как можно обеспечить макроэкономическую стабильность в смысле стабилизации производства и занятости? Традиционный ответ – проведением разумной макроэкономической политики, включая денежно-кредитную политику, направленную на сглаживание последствий циклических колебаний, и отработанную бюджетно-налоговую политику. Плюс важны микроэкономические факторы поддержания макроэкономической стабильности, в частности велика роль финансовых рынков.

О перспективах развития теории трансформационной экономики

Концепция трансформационной экономики, которая могла бы стать общепринятой, до сих пор не разработана. Естественно поэтому отсутствие теории структурного поворота к инновационной экономике. Поэтому целесообразным представляется обозначить некоторые направления дальнейших исследований в данной области.

Одним из таких направлений является, по нашему мнению, фундаментальное изучение роли структурного фактора в трансформационном процессе. Ключевое значение имеет следующая теоретическая проблема: ведут ли проводимые в рамках процессов либерализации, приватизации и стабилизации мероприятия к автоматическому преобразованию плановой экономики в рыночную.

Рассматриваемая проблема имеет ещё один аспект. Речь идет о соотношении рыночного и централизованного (государственного) воздействия при осуществлении структурных преобразований. Принципиально возможны две крайних точки зрения. Первая заключается в том, что быстрый запуск рыночных механизмов (путем осуществления либерализации, приватизации, стабилизации) сам по себе приведет к созданию новой (рыночной) материальной структуры экономики.

Вторая точка зрения – государство должно обеспечить предварительное приспособление плановой экономики к рыночным условиям и только затем осуществить непосредственный запуск рыночных механизмов. Оба положения представляются ограниченными. В бывших социалистических странах плановая экономика существовала несколько десятилетий, что с учетом темпов экономического развития в XX в. является большим сроком. Поэтому предположение о том, что рыночные механизмы в относительно короткое время способны кардинально изменить исходную материальную структуру, нереалистично. В то же время сомнительна и гипотеза о возможности государства подготовить материальную структуру к новым условиям и, тем самым, осуществить безболезненные структурные преобразования. Дело в том, что государственное планирование изначально не способно полностью заменить действие рыночных механизмов. Даже в том случае, если в плановой экономике руководство

ДИСКУССИИ О МОДЕРНИЗАЦИИ

полностью осознает необходимость рыночной реформы, оно не может создать структуру рыночного типа, используя плановые инструменты экономического регулирования. Только введение рыночных «правил игры» для хозяйствующих субъектов может заставить их адаптировать свою материальную структуру к рыночным условиям. Поэтому наиболее эффективным представляется разумное сочетание рыночных механизмов последовательной структурной политики и государства.

В теории трансформационной экономики должны быть отражены параметры, указывающие на отличия бывших социалистических стран в уровне экономического развития. Необходимо указать на соотношение экономических и культурных факторов, определяющих возможности различных стран с переходной экономикой.

Наконец, ещё одним направлением дальнейшего развития теории трансформационной экономики является рассмотрение рыночных реформ в отдельных странах в контексте процессов глобализации. Проводимые с начала 1990-х гг. рыночные преобразования в бывших социалистических странах имеют огромное значение для их национальных экономик. Поэтому трансформационные процессы рассматриваются в большинстве исследований, в первую очередь, на национальном уровне. В то же время глобализация как комплексная главная тенденция в развитии мирового хозяйства затрагивает практически все страны мира. Рыночные реформы в бывших социалистических странах нельзя рассматривать в отрыве от глобального контекста. Взаимосвязь процессов трансформации и глобализации многогранна.

В этой связи трансформационные процессы можно рассматривать в качестве одной из форм проявления глобализации (наряду с такими феноменами, как образование и развитие международных экономических и торговых блоков, либерализация инвестиционных и торговых режимов развивающихся стран, создание мирового информационного пространства).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СЕЛА УКРАИНЫ И РОССИИ И ЕГО ГАРМОНИЗАЦИЯ С ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКОЙ¹

Елена Николаевна Бородина,

член-корреспондент РАН,

зав. отделом экономики и политики аграрных

преобразований ГУ "Институт экономики и

прогнозирования НАН Украины"

д-р экон. наук, профессор.

Проанализирована институциональная среда функционирования Общей аграрной политики Европейского Союза (ОАП ЕС), выделены общие институциональные проблемы аграрных трансформаций Украины и России и институциональные препятствия на пути перехода наших стран к устойчивому сельскому развитию, предложены основные направления институциональных изменений в наращивании местного потенциала для гармоничного сочетания экономических, экологических и социальных функций сельского хозяйства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, село, корпорации, аграрная политика, политика сельского развития, ОАП ЕС, институциональная среда, институты устойчивого развития.

E. Borodina. INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF AGRICULTURE AND RURAL UKRAINE AND RUSSIA AND ITS HARMONIZATION WITH THE EUROPEAN POLITICAL PRACTICE.

The institutional medium of the functioning of EC is analyzed, the institutional problems common for the agrarian transformations of Ukraine and Russia and the general institutional obstacles to the transition of these countries to a steady development of agriculture are separated, and the main directions of institutional changes in the increase of the local potential aimed at the harmonic joining of economic, ecological, and social function of agriculture are proposed.

Keywords: agriculture, village, corporations, agrarian policy, agriculture development policy, Common agrarian policy of EC, institutional medium, steady development institutions.

В сельском хозяйстве Украины и России после 20 лет аграрных трансформаций успешно формируется реальный и эффективный собственник на земле в секторе крупнотоварного производства за счет крупного капитала (преимущественно не

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке НАН Украины проекта "Россия и Украина в общеевропейском пространстве: гармонизация интересов и объединение усилий" № 100200761a/U совместного конкурса НАН Украины – РФНФ.

аграрного происхождения). Поиски инвестиций и реального собственника завершились появлением “сельского хозяина”, установившего новое аграрное корпоративное устройство с превалированием агрохолдингов. Агрохолдинги в роли инвесторов сельскохозяйственного производства действуют исключительно как бизнес структуры, основная цель которых состоит в приумножении собственного капитала за счет перевода сельскохозяйственного производства на индустриальную основу. При этом игнорируется общеизвестная истина, что сельскохозяйственное производство, в отличие от индустрии, связано с живой природой и человеком; хозяйственную деятельность на селе нельзя рассматривать вне общей системы его социальных связей и экологических ограничений. Сельское хозяйство – это сфера не только производства, но и жизни. Экономическое поведение хозяйствующих субъектов на селе формируется не столько рынком, сколько совокупностью социальных отношений и норм, являющихся составляющими институциональной среды сельского развития. Взаимодействие этой среды с экономическими интересами обуславливает характер и направленность хозяйственных решений. Следовательно, изучение современных тенденций в развитии аграрного производства России и Украины будет односторонним без их рассмотрения в тесной связи с тенденциями и динамикой изменений в других сферах экономической и социальной жизни села.

Таким образом, цель статьи – применение институционального подхода для исследования аграрного развития России и Украины в контексте общеевропейских принципов ведения сельского хозяйства и развития сельских территорий, определение исходя из этого научно обоснованных направлений гармонизации дальнейших аграрных преобразований наших стран в соответствии с потребностями и интересами сельских общин.

Изучение институциональных принципов развития сельской экономики и аграрного сектора является новым направлением как в российской, так и в украинской экономической науке. Среди отечественных авторов, в работах которых исследуются разные аспекты функционирования и развития институтов трансформированного аграрного сектора, следует отметить Е. Власенко, Ю. Лопатинского, И. Москаленко, Е. Мороз, Т. Осташко, В. Унгурян, А. Фролова, А. Шпикуляка и других.

В российской научной мысли использованию институциональных подходов в изучении детерминантов экономического поведения на селе и результатов аграрных трансформаций в тесной связи с социальной сущностью человека уделяется намного больше внимания. Этой проблематике посвящены труды известных российских ученых А. Барлыбаева, О. Белокрыловой, И. Буздалова, В. Вольчика, Р. Гайсина, А. Емельянова, Д. Лукманова, В. Пациорковского, Е. Серовой, И. Суслова, А. Чернова, А. Шутькова, С. Юрина и других.

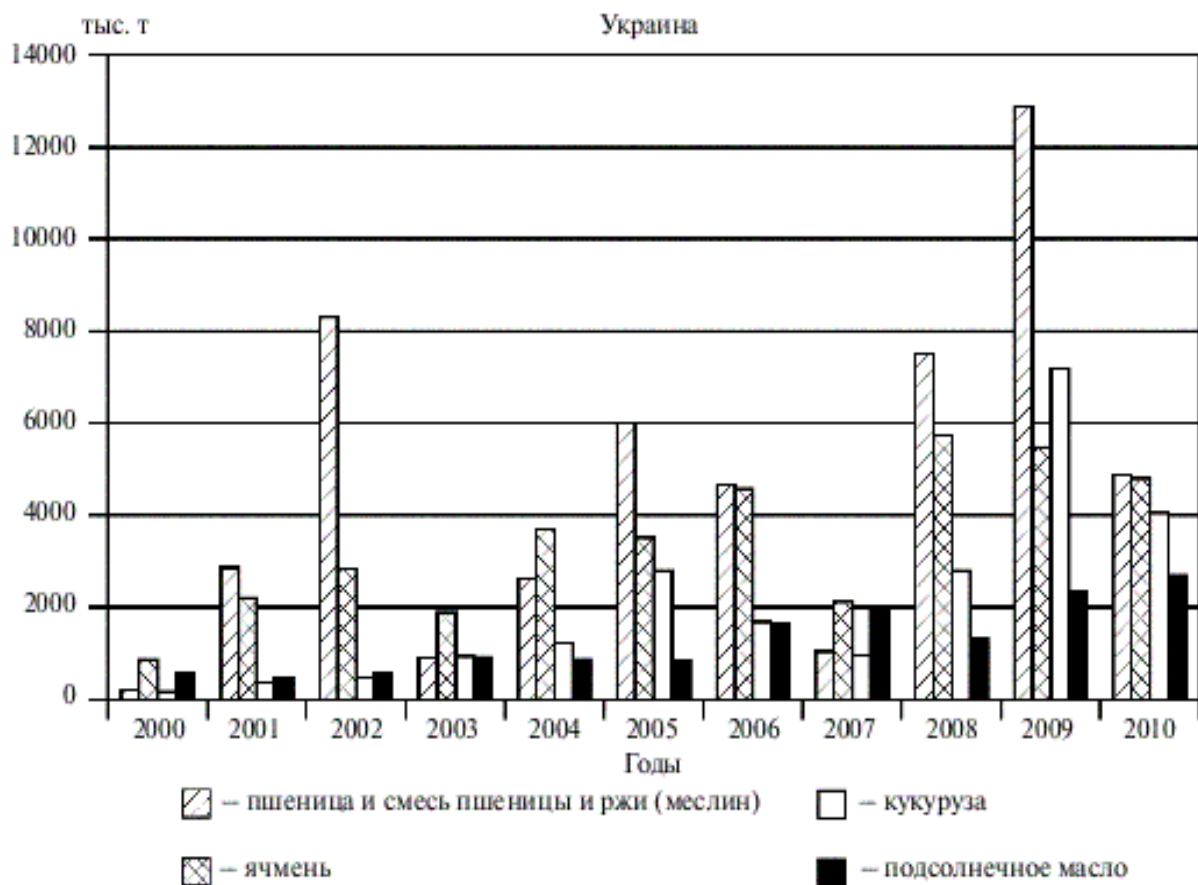
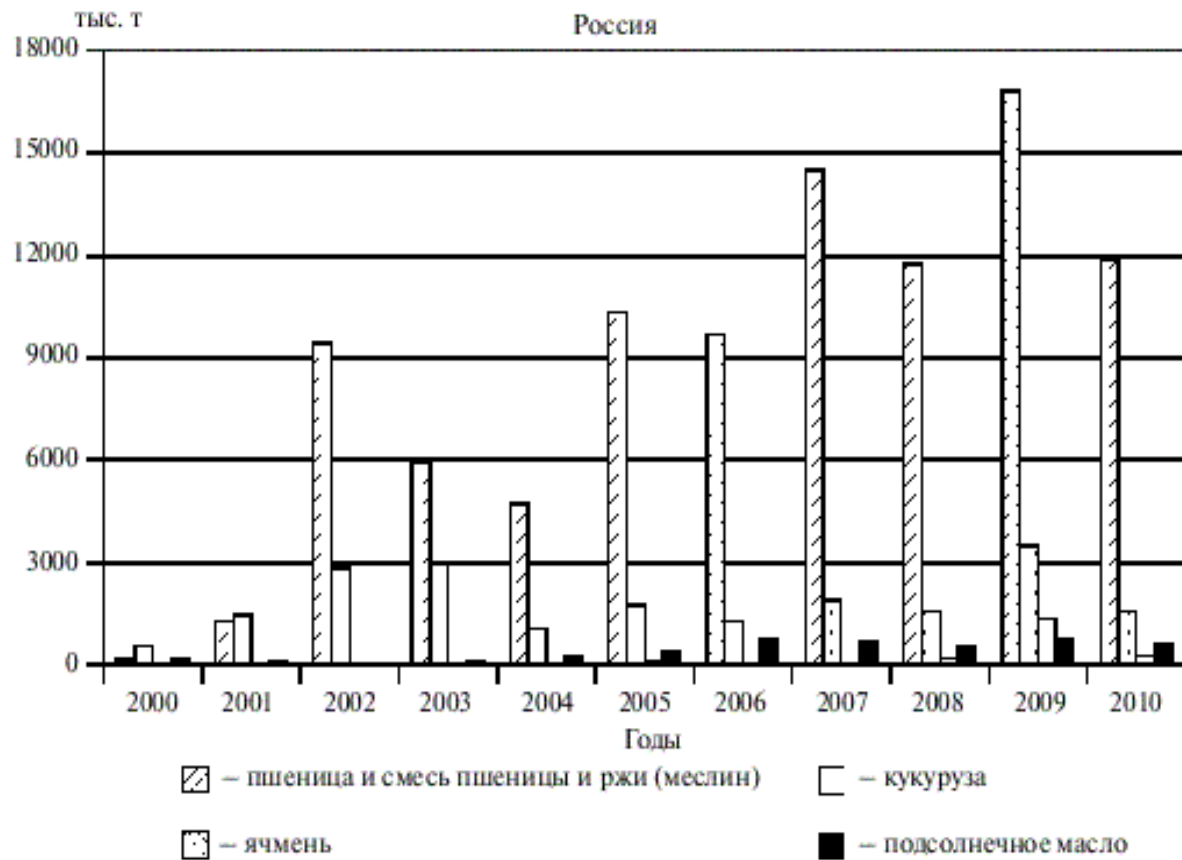
Обобщая мнения исследователей, целесообразно отметить, что, несмотря на определенные достижения в применении институционально трансформационной методологии, теоретические представления об институциональном аграрном устройстве

обеих стран являются дискуссионной научной проблемой. При этом нельзя не согласиться с тем, что “институциональное обеспечение трансформации экономической системы, наполнение институтов адекватным способом мышления, привычками, традициями и учет их в процессе трансформирования системы являются определяющим условием успеха реформ... Реформирование должно быть эффективным и направленным на повышение благосостояния населения. Несоблюдение определенных принципов при институциональном проектировании обуславливает становление неэффективных институтов, при которых экономическая система выбирает неэффективный путь развития”².

Село и аграрная экономика занимают весомое место в украинском и российском обществах. Исторически эти страны считались аграрными. Сегодня почти треть населения – сельское (27% в РФ, 33% в Украине). Удельный вес занятых в сельском хозяйстве в динамике несколько снижается, однако остается на уровне примерно 10% в России и 15% в Украине.

В 1990-х годах аграрное производство и сельские территории Украины и России в значительной степени пришли в упадок, однако с начала 2000-х наблюдается наращивание производства. Индексы валовой продукции сельского хозяйства в 2010 г. на треть выше по сравнению с базовым периодом. Самыми успешными были два года (2008–2009), когда произошел существенный рост в производстве сельскохозяйственной продукции обеих стран. Параллельно увеличивался и экспорт: за 10 лет страны стали лидерами по важным видам сельскохозяйственной продукции на внешних продовольственных рынках (табл. 1).

² Фролов А.Ю. Принципи державного регулювання забезпечення продовольством населення: від проектування інституту до інституційної пастки. Зб. наук. праць ХарПІ НАДУ “Теорія та практика державного управління” № 1 (32), 2011, с. 1 (<http://www.kbuapa.kharkov.ua/e-book/tpdu/2011/1/doc/2/22.pdf>).

Экспорт основных видов сельскохозяйственной продукции по годам *

* Источники: статистические сборники "Торговля в России". (М., Росстат) и "Зовнішня торгівля" (К., Держкомстат України) за соответствующие годы.

Таблица 1

Динамика общих показателей развития сельского хозяйства Украины и России *

Показатель	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
	Украина										
Занятые в сельском хозяйстве к среднегодовой занятости в экономике.....	24,9	24,8	25,2	20,4	19,7	19,4	17,6	16,7	15,8	15,6	15,4
Индексы валовой продукции сельского хозяйства.....	100,0	110,2	111,4	99,2	118,8	118,9	121,8	114,0	133,5	131,1	129,1
Среднемесячная зарплата по сельскому хозяйству, охоте и лесному хозяйству к среднемесячной зарплате по экономике в целом	49,6	49,5	48,7	47,4	52,7	54,0	55,8	57,1	61,0	64,0	65,5
	Россия										
Занятые в сельском хозяйстве к среднегодовой занятости в экономике.....	13,0	12,3	12,5	11,8	11,2	11,1	10,6	10,2	9,8	10,0	9,8
Индексы валовой продукции сельского хозяйства.....	100,0	107,5	108,3	108,7	115,6	118,7	119,0	121,8	143,7	145,8	129,3
Среднемесячная зарплата по сельскому хозяйству, охоте и лесному хозяйству к среднемесячной зарплате по экономике в целом	40,0	40,0	43,0	43,0	45,0	43,0	43,0	45,0	49,0	52,0	51,0

* Источники: статистические сборники "Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России" за 2004, 2008 та 2010 гг. и "Сільське господарство України" за 2005, 2007, 2010 гг., собственные расчеты автора.

По данным ФАО, на начало 2010 г., по стоимостным оценкам, Украина заняла 1-е место в мире по экспорту подсолнечного масла, 2-е – рапса и ячменя, 5-е – кукурузы, 6-е – семян подсолнечника, 7-е – пшеницы, 9-е – сои. В то же время РФ занимала 3-е место в мире по экспорту подсолнечного масла, 4-е – ячменя, 5-е – пшеницы. Однако по животноводству Украина и Россия не входят даже в двадцатку мировых экспортеров³. Вместе с тем общеэкономические показатели не отражают тенденции в распределении выгод от наращивания сельскохозяйственного производства и экспорта.

Процессы, происходящие в сельском социуме двух стран, можно идентифицировать как системную деградацию. Существенно уменьшился уровень занятости, сохраняется низкая оплата труда, особенно в России (см. табл. 1), сформировалась большая прослойка безработных и самозанятых в личных хозяйствах. За период аграрных трансформаций сфера социальных услуг на селе постоянно сужается (табл. 2).

Таблица 2

Введение в действие объектов сельской социальной инфраструктуры
в Украине и России *

Показатель	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Украина								
Общеобразовательные учебные заведения (тыс. мест).....	60,8	17,7	8,6	5,2	4,9	5,2	2,5	3,6
Больничные учреждения (тыс. коек).....	0,781	0,291	0,065	0,021	0,05	0,048	0,265	0,008
Амбулаторно-поликлинические учреждения (тыс. посещений за смену).....	6,376	1,96	0,8	0,317	0,277	0,212	0,341	0,522
Россия								
Общеобразовательные учебные заведения (тыс. мест).....	181	87	53,5	27,9	35,9	26,1	23,5	20,2
Больничные учреждения (тыс. коек).....	5	2	1,5	0,9	0,9	0,9	1,2	0,9
Амбулаторно-поликлинические учреждения (тыс. посещений за смену).....	18	6	3,3	2,6	4,3	4,6	3,3	2,6

* Источники: Статистичний щорічник України за 2010 р. К., Держкомстат України, 2011; статистический сборник "Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России". М., Росстат, 2011, а также статистические данные за соответствующие годы.

Хотя в обеих странах есть отдельные "очаги" сельской жизни, которые даже по европейским требованиям можно признать благополучными, общая картина не вселяет оптимизма. В начале реформ 1990%х годов в новых независимых странах бывшего

³ Исключением является экспорт твердых сыров из Украины, по которым она заняла 17-е место в мире.

Советского Союза консультанты пропагандировали, что успех аграрных трансформаций зависит от скорости перетока активов от неэффективных колхозов и совхозов к новым эффективным собственникам⁴. Этими собственниками должны были стать семейные фермерские хозяйства. Никто даже не предполагал, что формирование новых собственников приведет к захвату земли крупным капиталом и чрезмерной концентрации холдингами экономической власти в сельском хозяйстве.

Становление корпоративного агрохолдингового уклада в сельском хозяйстве Украины и России происходило по одному и тому же сценарию, только с некоторой разницей во времени: сначала в России, позднее – в Украине. Это закономерно, поскольку, как видим, аграрные реформы в обеих странах осуществлялись на одинаковых методических принципах, с определенными несущественными вариациями. Учитывая общую институциональную систему советского периода, основные причины и следствия такого развития событий закономерны для обеих стран. Среди главных предпосылок, способствовавших становлению холдингового уклада, следует назвать такие⁵.

1. Функционирование переходных рынков, на которых нарушаются рыночные механизмы. Это приводит к гипертрофированному развитию вертикальной и горизонтальной интеграции как инструмента, позволяющего противостоять чрезвычайно высоким транзакционным расходам и рискам. В пределах неразвитых рынков также наблюдаются неравные условия конкуренции.

2. Слишком высокие барьеры вхождения в “традиционные” секторы сельского хозяйства, обусловленные задолженностью и многочисленными недостатками вновь созданных форм хозяйствования на базе реформированных колхозов и совхозов. Внешнее инвестирование в сельское хозяйство при таких обстоятельствах могло осуществляться через создание новых бизнес-структур.

3. Влияние иностранных инвестиций (в том числе прямых) на национальную экономику через тесную связь новых сельскохозяйственных операторов с иностранными инвесторами, прежде всего занятыми в отраслях пищевой промышленности и торговли.

4. Изменение уровня и макроэкономической отраслевой структуры переменных (альтернативных) затрат: долговременные внешние инвестиции в сельское хозяйство и агробизнес могут рассматриваться как один из наиболее привлекательных долгосрочных направлений размещения капитала.

Конечно, каждый из этих факторов в той или иной степени повлиял на становление холдингового уклада. Но, на наш взгляд, эта проблема значительно глубже. Весомую роль тут играют неформальные институты советского времени, которые, как известно,

⁴ Csaki C., Nash J. The agrarian economies of Central/Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States. Washington, “Situation and perspectives” March 16, 1998.

⁵ См.: Храмова И. Г., Серова Е. В. Вертикальная интеграция в продовольственном комплексе России. М., Институт экономики переходного периода, 2002; Рылько Д. Новые операторы в сельском хозяйстве России”. Доклад ИМЭМО. Москва, октябрь 1999 г. (<http://ecsocman.hse.ru/data/220/698/1219/rylko.pdf>).

меняются достаточно медленно. На политическом уровне это проявляется в активной государственной поддержке развития крупнотоварного аграрного производства и нивелировании роли и значения семейных фирм (фермерских и личных крестьянских хозяйств). Последние, функционируя в такой институциональной среде, постепенно адаптируются к своей “ненужности” в общественном производстве, поэтому массово отдают землю в аренду корпорациям либо же совсем продают ее, не задумываясь над долгосрочными последствиями таких действий.

Правительства России и Украины, несмотря на динамичность изменений политических элит, в течение всего периода аграрных трансформаций способствовали созданию и развитию крупного бизнеса в сельском хозяйстве. По старым стереотипам обществу навязываются мнения, что именно крупные предприятия, контролируя сотни гектаров земли, способны “вытянуть” сельское хозяйство из застоя, могут обеспечить высокое качество производимой продукции и продовольственную безопасность, нарастить экспортный потенциал и др. Вместо этого семейным формам хозяйствования отводится роль подсобных, какими они были в дореформенный период, хотя за последнее десятилетие больше половины сельскохозяйственного ВВП и в Украине, и в России производится в секторе личных крестьянских и фермерских хозяйств.

В настоящее время в обеих странах холдинговый уклад в аграрном секторе значительно усиливает свое влияние на структурную динамику отрасли, несмотря на различия в законодательном регулировании их создания и функционирования. Закон РФ “О холдингах” был принят Государственной Думой в декабре 1999 г., одобрен Советом Федерации в июле 2000 г., но отклонен Президентом РФ В. В. Путиным в июле 2001 г. и до сих пор так и не принят. Закон “О холдинговых компаниях в Украине” был принят в 2006г., однако его действие ограничивалось отраслями производства и переработки сельскохозяйственной продукции, что было закреплено Указом Президента Украины “О холдинговых компаниях, создающихся в процессе корпоратизации и приватизации” № 224 от 11 мая 1994г. Стремительный захват земель корпоративными структурами, который сопровождался усилением их политического влияния, привел к отмене этого ограничения через год после принятия Закона “О холдинговых компаниях в Украине” другим Указом Президента Украины № 640 от 12 июля 2007г.

Несмотря на такие отличия в законодательствах, и в России, и в Украине агрохолдинги продолжают расширяться, скупая сельскохозяйственную землю; при этом государство не влияет на эти процессы, не контролирует их (даже на уровне консолидированной статистической отчетности). С институциональной точки зрения это можно идентифицировать как несбалансированное институциональное развитие, порождающее определенные мотивации в поведении хозяйствующих субъектов, направляя их на эксплуатацию природных ресурсов и игнорирование социально-экономических задач развития общества. “Процесс идет, несмотря на существующие ограничения и негибкость рынка. Основной вопрос состоит в том, способны ли агрохолдинги поднять эффективность отрасли и как их появление повлияет на

отечественных потребителей, экономическое благополучие мелких сельскохозяйственных производителей и сельских жителей”⁶. Ведь в период аграрных трансформаций произошло сужение дореформенных социально-экономических прав крестьян. Государство больше не гарантирует стабильные цены на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие, доходы в размере прожиточного минимума, тем более – достойного уровня жизни, полную занятость, отсутствие безработицы. Сузилась сфера действия прав на бесплатное медицинское обслуживание и образование и др. Эти изменения в институционально-правовом пространстве официально задали новые “правила игры” для корпоративных структур на селе, что мотивирует их к созданию определенных управленческих моделей функционирования.

Анализ литературных источников⁷ и эмпирические наблюдения свидетельствуют, что для этих двух стран холдинговый уклад представляет значительную опасность, связанную со структурными перекосами как в экономике стран, так и в сфере социально-экономического, демографического и экологического развития села.

Незначительный класс мелких и средних коммерческих сельхозпроизводителей, а также малые и средние предприятия по переработке аграрной продукции, функционирующие параллельно с агрохолдингами, вряд ли смогут выжить в условиях наступления последних на земельные права и их монопольной власти на аграрных рынках и в политике. Отсутствие реальной государственной поддержки малого и среднего производителя в аграрном секторе (особенно в Украине) также способствует утверждению позиций холдингов в сельском хозяйстве. При этом усиливается угроза продовольственному самообеспечению наших стран, поскольку именно мелкий и средний бизнес способны поддержать экономику и население в условиях финансовой нестабильности или новых кризисных явлений. Экспортная ориентация крупного аграрного капитала дестабилизирует внутреннее предложение, обуславливая дефицит отдельных видов продовольствия и сырья. Для Украины членство в ВТО запрещает количественные ограничения экспорта, поэтому оптимальным путем наполнения отечественного продовольственного рынка стало повышение цен. Такая ситуация провоцирует продовольственную инфляцию, падение покупательной способности населения, что ухудшает структуру и качество его потребления и может усиливать частоту возникновения “шоков предложения”, с которыми Украина сегодня сталкивается

⁶ См.: Рылько Д. Указ. труд.

⁷ См.: Бородина О. М., Геець В. М., Гуторов А. О. та ін. Українська модель аграрного розвитку та її соціоекономічна переорієнтація: наукова доповідь. (За ред. В. М. Гейця, О. М. Бородіної, І. В. Прокопи). К., Інститут економіки та прогнозування НАН України, 2012, 56 с.; Агрохолдинги в Україні: добре чи погано? Німецько-український аграрний діалог. Інститут економічних досліджень та політичних консультацій. Серія консультативних робіт AgPP № 21. - К., 2008; Гуторов А. О. Вертикально інтегровані структури у сільському господарстві: економічні засади формування та розвитку. “Економіка і прогнозування” № 1, 2011, с. 120–130; Аграрная реформа в России: концепция, опыт, перспективы. Научные труды ВИАПИ РАСХН, вып. 4. - М., “Энциклопедия российских деревень”, 2000; Рейтинги крупных и средних сельскохозяйственных организаций в России за 2004–2006 гг. 10-е издание. ВИАПИ им. А. А. Никонова. М., “Энциклопедия российских деревень”, 2008; Узун В. Я., Гатаулина Е. А., Сарайкин В. А. и др. Тенденции развития и механизмы взаимодействия крупного и малого бизнеса в агропромышленном комплексе. ВИАПИ им. А. А. Никонова, вып. 24. - М., “Энциклопедия российских деревень”, 2009.

все чаще. Учитывая недавнее присоединение России к ВТО, эти риски могут стать реальными и для нее.

Однако наибольшая опасность для наших стран лежит в сфере сельского развития, поскольку сельское хозяйство – это производство не только сельскохозяйственной продукции, но и общественных благ, что является не менее важным, чем продовольствие и сельскохозяйственное сырье. Эксперты Всемирного банка утверждают, что общественные блага и недеформированные цены на факторы производства являются ключевыми макроэкономическими условиями регулирования процессов стихийной концентрации в сельском хозяйстве в странах с переходными экономиками⁸.

Экономика села европейских стран базируется на семейных формах хозяйствования. Семейные фермы в течение столетий демонстрировали свои эффективность и возможности приспособления к изменениям внутренней и внешней институциональной среды. Поэтому и современное европейское институциональное пространство развития сельского хозяйства и сельской местности в значительной степени ориентируется на достижение длительного, экономически эффективного развития семейного фермерства при сохранении природных основ жизнедеятельности и обеспечение экономической и социальной защищенности всех слоев сельского населения. Это пространство формируется с помощью базовых механизмов устойчивого развития.

1. Жизнедеятельность в рамках экологических ограничений. Уважение к планетарным экологическим ограничениям, умеренная добыча ресурсов и сохранение биоразнообразия с целью улучшить окружающую среду, не нарушать баланс природных, необходимых для жизни, ресурсов, чтобы оставить их в таком состоянии для будущих поколений.

2. Обеспечение здорового и справедливого общества. Удовлетворение разнообразных потребностей всех людей в настоящем и будущем, улучшение личного благосостояния, повышение социальной сплоченности, создание равных возможностей для каждого.

3. Достижение целей экономического развития. Создание сильной, стабильной и устойчивой экономики, которая обеспечивала бы процветание и равные возможности для всех, где экологические и социальные расходы возмещали быте, кто является их виновником (загрязнитель платит), и поощрялось бы результативное использование ресурсов.

4. Введение демократического управления. Активное продвижение эффективных систем управления, которые вовлекают членов общества в принятие решений на всех уровнях, задействуют творческий потенциал, энергию и учитывают разнообразие мнений.

⁸ См.: The rise of large farms in land abundant countries. "Policy Research Working Paper of World Bank" March, 2011.

5. Ответственное использование качественных научных исследований. Разработка и реализация политики на основе научных доказательств и предостережений ученых, а также с учетом общественных отношений и ценностей⁹.

В основе последней реформы ОАП ЕС 2006–2013 гг. лежит методология устойчивого развития, базирующаяся на понимании общественной роли сельскохозяйственного хозяйства и признании его многофункциональности¹⁰. Для практической реализации принципов устойчивости выделены два отдельных направления (столпы) ОАП: поддержка аграрного производства и политика сельского развития. Последняя рассматривается как интегрированный (междисциплинарный) процесс, включающий не только экономические показатели роста и развития аграрного производства, но и экологическую безопасность и адаптацию сельских общин к меняющимся условиям функционирования. Важная роль отводится процессам политического партнерства, которое является неотъемлемой составляющей интегрированного подхода, а также расширению спектра влияния экономики знаний на сельское развитие и возможностей наращивания его потенциала благодаря новейшим технологическим достижениям – телекоммуникациям, биотехнологиям и сети Интернет.

В практическом плане средства ЕС расходуются на реализацию принципов устойчивости, заложенных в следующих направлениях (осях) сельского развития:

1) поддержка конкурентоспособности ферм; 2) безопасная окружающая среда и землепользование; 3) экономическая диверсификация для повышения качества жизни сельского населения. Эти три направления базируются на четвертой оси – методологической: создание и функционирование групп местных активистов (лидеров общин), которые мобилизуют местное население для разработки и реализации комплексных местных стратегий развития на демократических принципах (программа “LEADER”). Основной целью программы “LEADER” является привлечение крестьян к разработке и внедрению оригинальных стратегий интегрированного развития сельской местности в общем контексте приоритетных европейских задач – улучшение качества жизни в сельской местности, привлечение высоких технологий в село, оптимизация использования природных и культурных ресурсов локального уровня.

В течение нескольких десятилетий ОАП была основной финансовой статьей расходов ЕС. До последней реформы на аграрную политику расходовалось до 70% бюджетных средств, по действующему бюджету – около 35%. Средств, направляемых на поддержку аграрного сектора России и Украины, значительно меньше, однако при неэффективных институтах даже огромные государственные вложения в экономику бесполезны; они сведутся к банальному “освоению средств” и не дадут реального

⁹ См.: Mainstreaming Sustainable Development – the Government’s vision and what this means in practice. “Department for Environment, Food and Rural Affairs of UK” February, 2011 (<http://sd.defra.gov.uk/documents/mainstreaming%20sustainable%20development.pdf>).

¹⁰ См.: The CAP in perspective: from market intervention to policy innovation. “Agricultural policy perspectives briefs” № 1, December, 2009.

эффекта. Более того, наращивание государственных субсидий в аграрный сектор приведет к распространению и укреплению иждивенческих настроений, закреплению навыков бездумного и нерационального расходования бюджетных средств, росту коррупции. Как утверждает У. Барлыбаев, совершенствуя институциональную систему, можно достичь лучших результатов, чем при накачивании экономики просто дополнительными ресурсами¹¹. Ведь эффективные институты для решения общих проблем и достижения общественных целей используют не только финансы, но и прилагают организованные коллективные усилия.

Институциональные изменения, необходимые для формирования рыночных экономик России и Украины, не предполагают автоматического изменения устоявшегося порядка (как формального, так и неформального), системы ценностей, отношений, способа мышления и практики менеджмента. В институциональной среде сохраняется очень сильное давление наследия неформальных институтов, которые искажают действие формальных и делают недееспособными механизмы принуждения. Результаты анализа свидетельствуют, что институциональная реформа в сфере сельского хозяйства обеих стран имеет ряд общих проблем. Остановимся на наиболее существенных из них.

Институциональная несогласованность. Как правило, вопросы развития сельского хозяйства и села регулируются законами, подзаконными актами и программами, которые выполняются разными государственными органами – министерствами сельского хозяйства, экономики, социального развития, финансов, экологии и др. Однако политика этих государственных ведомств ориентируется на собственные интересы и не служит общей цели развития села. Подобная ситуация приводит к институциональному хаосу на уровне сельской местности. Для преодоления несогласованности нужна институциональная интеграция, с помощью которой будут достигаться целевые задачи и координация действий разных организаций и правовых органов на всех уровнях принятия решений и защиты интересов сельских общин от неконтролируемого захвата их ресурсов (в том числе, земельных). Для эффективной институциональной интеграции различные организации и правовые инстанции как отдельные части одной интегрированной системы должны осознать общую выгоду от согласованного функционирования в сфере защиты прав сельского населения. Для этого следует решить вопросы распределения ролей, обязанностей и стратегических направлений деятельности разных институций при их общей направленности на интересы крестьянина. Подобный координированный подход остается главной задачей в решении проблем холдингизации сельского хозяйства.

Институциональная недееспособность. Это отсутствие действенных общественных институтов, которые могут противостоять давлению крупного капитала: сельскохозяйственных консультационных служб, фермерских организаций, организаций

¹¹ См.: Барлыбаев У. А. Институциональные аспекты устойчивого развития сельских территорий в условиях становления инновационной экономики. Автореф. дис... канд. экон. наук. - М., 2011. - 26 с.

сельских общин, института доверия и сотрудничества между заинтересованными сторонами в защите прав крестьян и др.

В Украине и России за период аграрных трансформаций был создан ряд общественных институтов – ассоциации, союзы, аграрные палаты и др. Они преимущественно создавались либо “сверху”, что обуславливало их огосударствление, либо по инициативе донорских организаций и при поддержке проектов технической помощи. В последующем эти структуры “приватизировались” местной властной элитой для реализации клановых интересов и в качестве средства дополнительной наживы. Остальные превращаются в “грантоискателей”, работающих исключительно на себя, на рабочий аппарат организации за счет получения грантов на выполнение различных проектов. Подобные переходные формы институциональной власти можно наблюдать и на уровне отраслевых органов управления, которые на местах пытаются решать вопросы распределения ресурсов, используя для этого собственное положение, репутацию и власть, что не входит в круг их прямых обязанностей.

Вследствие институциональной недееспособности и суррогатных форм общественного управления, которые не позволяют полноценно решать социально-экономические и экологические проблемы села, правовая система в ограничении власти агрохолдингов недостаточно эффективна.

Псевдодемократизация управления. Местные ресурсы (в том числе земельные) в условиях усиления рыночной власти корпораций превращаются в активы локального развития. Это требует децентрализации управления ресурсами, что позволяет обеспечить участие местного населения в их сохранении и эффективном использовании, а также предотвращает их незаконный захват крупным капиталом. В результате действующие нормы и правила использования местных ресурсов формируются сельскими общинами, адаптируются и постоянно совершенствуются в соответствии с местными потребностями.

В период аграрных трансформаций в децентрализации структур управления сельским хозяйством и селом имел место определенный прогресс. Изменилась роль правительственных институтов и были созданы новые структуры децентрализованного управления. Несмотря на это, местные общины или совсем не участвуют в принятии решений по локальному развитию, или оно недостаточно выражено. Таким образом, процесс децентрализации, касающийся лишь структурных преобразований, но не обеспечивающий качественных изменений (таких как реальное участие, транспарентность, компетентность и надежность), мало способствует созданию управленческой системы, которая приближала бы сельское население к формированию аграрной политики. Кроме структурных и качественных изменений, децентрализованные структуры (как государственные, так и общественные) должны иметь достаточные права и финансовые ресурсы для защиты общественных интересов.

Недоразвитость института частной собственности. С введением частной собственности на землю и имущество в ходе аграрных трансформаций права и

обязанности по использованию природных ресурсов в сельском хозяйстве не были четко сформулированы. Это привело к неконтролируемой концентрации ресурсов (в основном земельных), а “прихватизация” стала доминантной формой поведения хозяйствующих субъектов в сфере землепользования и землевладения. Нет четкого определения, кто имеет право на получение ренты от использования природных ресурсов (прежде всего земли) и несет расходы по их воспроизводству. Право собственности в системе земельных отношений отражает всю сложность проблем распределения, управления и согласования разных “потоков” расходов и прибылей от использования ресурсов, технологий и сельскохозяйственной техники. В результате сельские общины и экосистемы разрушаются и деградируют, а расходы по их воспроизводству ложатся на плечи будущих поколений.

По сравнению с формированием евроинституционального пространства для ОАП ЕС эти трудности в значительной степени усиливаются тем, что Украина и Россия не имели опыта эволюции институтов рыночного хозяйствования в аграрном секторе и создавали новые институты на основе прежней командно административной системы. Хотя развал советской экономической системы служит очевидным доказательством ее нежизнеспособности, все же и западноевропейская экономика, которая создавалась и развивалась преимущественно с помощью рыночных механизмов, не сразу ориентировалась на принципы устойчивости. Такой вывод подкрепляется внешними проявлениями, характерными для европейской сельскохозяйственной практики прошлого столетия. Это, в частности, перепроизводство сельскохозяйственной продукции, связанные с этим значительные экологические потери, проблемы миграции сельского населения и упадок сельских общин и др. Именно с такими явлениями в XXI в. сталкиваются Украина и Россия.

На наш взгляд, институциональные проблемы аграрного развития для наших стран находятся на стыке экономики, природной среды и общества. Сельскохозяйственные системы являются особой сферой институциональных изменений, которые должны происходить с пониманием того, что достижения в экономике связаны с потерями в других сферах (например, разрушение социальных связей либо нарушение функций экосистемы). Поэтому важно сбалансировать институты для обеспечения устойчивости развития и смягчения последствий стремительного экономического роста.

С институциональной точки зрения термин “устойчивость” употребляется в более широком смысле, поскольку, как известно, институты – сложные системы, возникающие и взаимодействующие разными способами. Институты, обеспечивающие устойчивое развитие, можно определить как комплекс правил, эффективно помогающих и способствующих реализации экологических, экономических и общественных целей. Правила, действующие на низовом уровне, должны быть согласованы с правилами на уровне коллективного выбора, а также с конституционными правами сельского населения. Устойчивого развития невозможно достичь, если институты, находящиеся на

разных уровнях, не соответствуют друг другу. В наших конкретных условиях это отражается в динамичных изменениях форм хозяйствования на селе, которые не предполагают адекватных изменений на уровне формальных институтов. Однако одно только законодательное регулирование не может обеспечить устойчивое развитие сельского хозяйства и села – формальные институты должны взаимодействовать с политической системой, модифицируя институциональные структуры и систему управления через механизмы поощрения и принуждения. В аграрный сектор крупный капитал должен привлекаться на условиях, с одной стороны, ограничения его рыночной власти, а с другой – создания благоприятной институциональной среды для сельского развития на базе местных ресурсов. В европейском сообществе институты, способствующие такому развитию, характеризуются:

- системной ориентацией (институты устойчивого развития в сельском хозяйстве развиваются на стыке экономических, экологических и общественных систем, внедренных в более масштабные системы);
- динамичной ориентацией (системы принятия решений и разработки политики адаптируются к изменениям и включают процесс обучения);
- ориентацией участников (объединения участников, их взаимодействие, мотивация и ресурсы, обуславливающие стереотипы поведения);
- ресурсной ориентацией (учет особенностей природных ресурсов и последствий их использования, таких как исключительность, конкурентность, специфичность, сложность и неопределенность)¹².

“Европеизация” политики в сфере сельского хозяйства и села, а также административного и распорядительного управления сельским развитием базируется на принятии и выполнении ряда законов и процессуальных норм, распространенных в еврозоне. Это – достаточно отдаленные перспективы, которые будут реализовываться в случае вступления наших стран в ЕС. Однако уже теперь стоит гармонизировать институциональные системы реализации европейских принципов устойчивого сельского развития как единственно правильного и безопасного направления наращивания аграрного производства и его экспортного потенциала. Для этого в Украине и России политический курс в лучшем случае сводится к копированию институтов стран ЕС без полного понимания и целевого назначения, возможностей и механизмов, применяющихся для рационального и эффективного выполнения политических задач.

Процесс “институциональной европеизации” подчеркивает важность развития потенциала на местном уровне. Структуры низового уровня должны быть наделены соответствующими правами, обязанностями, возможностями и ресурсами для формирования политического курса на ограничение власти корпораций и сохранение и

¹² См.: Обзор программы стабильного сельского хозяйства в странах центральной и восточной Европы (ССХСЦВЕ), ч. 4. Институциональные изменения в сельском хозяйстве и окружающей среде центральной и восточной Европы. (Под ред. Ф. Гацвейлера и К. Хагедорна). Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, ФАО. Берлин, Университет Гумбольдта, -С. 46–53.

воспроизводство основных принципов устойчивого сельского развития. Возможности местной власти и государственных структур локального уровня достаточно сужены из-за ограниченности ресурсов и компетенций. Необходимы значительные капиталовложения для развития местного потенциала с целью осуществления институциональных изменений, которые охватят:

- создание местных, региональных и государственных институтов, которые будут заниматься проблемами сельского развития;
- хорошо подготовленную и правильно организованную систему общественного управления на местном уровне;
- укрепление институтов гражданского общества как действенного партнера в решении социально-экономических и экологических задач развития сельского хозяйства и села.

В контексте формирования европейского институционального развития эти задачи могут успешнее решаться путем налаживания прямых связей между странами ЕС, Украиной и Россией в рамках внедрения Программ институционального партнерства для обмена знаниями между политиками, учеными и практиками на местном уровне для изучения общих и особенных проблем в России, Украине и странах Западной Европы. Такой обмен научными подходами и опытом в значительной степени будет служить катализатором евроориентированных институциональных трансформаций.

Выводы

Несмотря на незавершенность институциональных преобразований в аграрном секторе Украины и России, современное институциональное пространство этих стран существенно отличается от дореформенного благодаря тем шагам, которые были сделаны в направлении создания новых институтов. Вместе с тем степень продвижения в институциональное пространство европейского образца не такая, как может казаться в контексте оценки по формальным признакам тех или иных институтов.

Методологические принципы институциональной трансформации сельского хозяйства и села в ЕС заложены в ОАП и закрепляются в Европейском интеграционном проекте. За долгую историю функционирования ОАП несколько разменялась и на период 2006–2013 гг. трансформировалась в многофункциональную политику устойчивого развития, поддерживающую рыночно ориентированное сельскохозяйственное производство в Европе одновременно с поддержкой жизнедеятельности сельских общин, территорий и экосистем. Первоочередные цели ОАП за эти годы остались неизменными, однако их суть значительно изменилась – в частности, устойчивое развитие (сочетание экономических, социальных и экологических целей) стало основным. Вместе с тем изменились и соответствующие инструменты: уменьшилась поддержка цен в пользу расширения мер по сельскому развитию и прибыли производителей.

Европейская практика прошлого и тенденции современного аграрного развития в Украине и России свидетельствуют, что возможности рынка решать социально-экономические и экологические проблемы села ограничены. В данном контексте важно исследовать, какую институциональную структуру и мотивацию нужно создать, чтобы сельскохозяйственная практика была социально и экологически безопасной. Современная система ведения сельского хозяйства и механизмы, регулирующие аграрный сектор, не поощряют применения методов хозяйствования на земле в интересах сохранения общин и экосистем. Эта проблема для обеих стран особенно актуальна с учетом того, что основным приоритетом реструктуризации хозяйственных систем было и есть повышение экономической эффективности аграрного сектора. Таким образом, необходимо пересмотреть роль рынка в управлении аграрным сектором, который стимулирует распространение социально и экологически неприемлемой сельскохозяйственной практики.

Рыночные стимулы в большей степени касаются производственной функции сельского хозяйства. При диверсификации аграрного сектора сельскохозяйственное производство будет лишь одной из функций наряду, например, с использованием природных ландшафтов, со сферой отдыха и т. д. Модернизация аграрного сектора будет способствовать росту роли сельского хозяйства в сохранении сельских общин и ландшафтов.

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УСЛОВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СТРАНАХ С РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКОЙ»

Уже шестой год в конце апреля ведущие экономисты Украины, стран Восточной и Центральной Европы приезжают в древний Переяслав, чтобы обсудить результаты своих научных исследований, определить направления сотрудничества, подписать новые соглашения, разработать проекты грантовых программ. Финансово-экономический факультет радостно встречает своих украинских и зарубежных партнеров.

Среди организаторов конференции Министерство образования и науки Украины, ГУ «Институт экономики и прогнозирования НАНУ», Всеукраинская ассоциация политэкономов Украины, ГНУ «Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь», Университет имени Николая Коперника г.Торунь, Польша, Литовский эдукологический университет г.Вильнюс, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, МОН РФ ГУ «Центр исследований и статистики науки», г.Москва.

В этом году о своем участии заявили и представили свои статьи 350 участников, 156 участников были со стран Центральной и Восточной Европы, которые представляли Ригу, Вильнюс, Талин и Санкт-Петербург, Москву, Мюнхен, Софию и Комрат, Торунь и Пекин.

Необходимо отметить высокий уровень представительства: 164 доктора наук, профессора; 162 кандидаты наук, доценты; 22 аспиранта, 36 заслуженных работников. Непосредственно в конференции приняли участие 126 человек. В основном это известные ученые, доктора наук, заведующие кафедрами, отделами научных учреждений, деканы факультетов, проректора университетов, руководители научных учреждений. К началу конференции вышло четыре тома сборников научных статей, включенных в перечень ВАК Украины «Экономический вестник университета».

Во время конференции работала секция «Политическая экономия в современном мире», где было представлено 21 доклад. Интерес вызвали доклады: д.э.н., профессора Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, Фоминой М.В. «Сущность, формы и классификация коррупционных отношений»; к.е.н., доцента Белорусского государственного университета г.Минск, Глебы Т.И. «Эволюция системы функционирования капитала как основа перехода на постиндустриальную стадию развития»; доклад к.е.н., доцента ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий ГПУ имени Григория Сковороды» Резника В.В. «Одесское экономическое чудо Армана Ришелье».

VI Международная научная конференция «Условия экономического роста в странах с рыночной экономикой» была удачным соединением университетской и академической науки, отечественной и зарубежной.

На пленарном заседании состоялось соревнование научных докладов, их уровень был очень высок, возникало много вопросов, шла деловая научная дискуссия.

Это понятно, ведь были представлены лучшие научные школы Москвы и Санкт-Петербурга, Минска и Вильнюса, Таллина и Торуня.

Наверное, не напрасно с каждым годом все больше расширяется круг участников, каждый готовится к ней как к празднику, каждый представляет свои лучшие достижения. Соревновательство в науке – это прогресс развития общества.

Это собрание не случайно проходит именно в Переяславе, ведь триста лет тому город был образовательным и культурным центром Российской империи, здесь действовал коллегиум и коммерческое училище, два ректора Московского и Санкт-Петербургского университетов были выходцами из Переяславского коллегиума. Основы высшего экономического образования были заложены еще триста лет тому и сегодня финансово-экономический факультет смог стать настоящим центром интеграции университетской, академической и зарубежной науки. Подтверждением этому является то, что выполняются четыре грантовых программы, которые финансируются ЕС и РФФИ, издаются общие монографии и учебники, обеспечивается мобильность студентов и преподавателей, печатаются статьи в международных научных изданиях, которые включены в международные наукометрические базы.

На конференции были прослушаны доклады ведущих ученых Украины, Беларуси, Литвы, Польши, Германии, Болгарии, Молдовы.

Федулова Л.И. доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом технологического прогнозирования и инновационной экономики ГУ «Институт экономики и прогнозирования НАНУ» выступила с докладом «Направления усовершенствования механизмов внедрения научных разработок в промышленности».

Войцех Коседовски доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой европейской интеграции и региональных исследований факультета экономики и управления Университета им. Николая Коперника, г. Торунь, Польша выступил с докладом «ЕС и СНГ: пути интеграции. Конвергенция или дивергенция?». В докладе значительное внимание было уделено проблеме интеграции ЕС и СНГ, развитию экономического сотрудничества, определены общие соединения, которые способствуют международной кооперации.

Станайтис Саулюс Альгирдович – доктор наук, профессор, заведующий кафедрой географии и туризма Литовского эдукологического университета г. Вильнюс представил доклад «Развитие экономики Литвы и тенденции посткризисного периода».

Бойко Ирина Викторовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой логистики и управления качеством Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики выступила с докладом «Современные проблемы и перспективы формирования производственно-логистических систем».

Олехнович Галина Ивановна – доктор экономических наук, профессор кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета

г. Минск представила доклад «Интеллектуальный потенциал как фактор экономического роста страны»

Студинский Владимир Аркадиевич – доктор исторических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры политической экономии учетно-экономических факультетов ГВУЗ «Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана» выступил с докладом «Институт собственности как фактор формирования экономического поведения субъекта».

Балашевич Михаил Иосифович – кандидат экономических наук, профессор Белорусского государственного экономического университета, г.Минск, представил доклад «Малый бизнес в экономике Республики Беларусь и Украины: проблемы и перспективы развития».

Тетеринец Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь Государственного научного учреждения «Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь», г.Минск, выступила с докладом «Воспроизводственно-инвестиционное развитие Республики Беларусь: отраслевая и территориальная асимметрия».

Гудкова Ангелина Александровна – кандидат экономических наук, зав. сектором Центра исследований и статистики науки Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Научно-исследовательский институт «Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы», г.Москва, представила доклад «Бюджетное финансирование научных исследований: критерии и показатели эффективности».

Боголиб Татьяна Максимовна – доктор экономических наук, профессор, академик Академии экономических наук Украины, декан финансово-экономического факультета, заведующая кафедрой денежного оборота, финансов и кредита ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий ГПУ имени Григория Сковороды» выступила с докладом «Актуальные вопросы макроэкономического развития Украины».

Лондарь Сергей Леонидович – доктор экономических наук, профессор, вице-президент ГУНУ «Академия финансового управления», г.Киев, представил доклад «Стратегические направления и механизмы обеспечения реформ бюджетной системы».

Березкина Лидия Владимировна – кандидат философских наук, доцент, проректор по учебной работе Белорусской государственной академии искусств, г.Минск, выступила с докладом «Образовательные услуги: качество и риски».

Богдан Нина Ивановна – доктор экономических наук, профессор Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, представила доклад «Инновационная политика Беларуси: достижения и проблемы в контексте глобальной динамики».

Михайлова-Станюта Ирина Алексеевна – доктор экономических наук, профессор Высшего государственного колледжа связи, г. Минск, выступила с докладом «Структурная составляющая экономики Беларуси и ее влияние на рост ВВП».

Дейнеко Людмила Викторовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом промышленной политики ГУ «Институт экономики и прогнозирования НАН Украины», г.Киев, представила доклад «Пути и перспективы обновления потенциала пищевой промышленности Украины».

Праневич Алла Александровна – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой мировой экономики Белорусский государственный экономический университет, г.Минск, выступила с докладом «Теоретические основы и мировой опыт институционального строительства конкурентных отношений».

Фомина Марина Валерьевна - доктор экономических наук, профессор Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, представила доклад «Сущность, формы и классификация коррупционных отношений».

Ивашина Александр Флорович - доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента ВЭД Академии таможенной службы Украины, г. Днепропетровск, выступил с докладом «Внешняя торговля как фактор расширенного воспроизводства».

Карпенко Елена Михайловна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга и Карпенко Валерий Михайлович – кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и организации предприятий АПК Белорусского государственного аграрного технического университета», г.Минск, представили доклад «Методика оценки знаний производственной системы как источников ее потенциала».

Шефер Михаэль – доктор наук, президент международной образовательной ассоциации "SEPIKE" (Германия) выступил с докладом «Особенности социально-демографического развития Украины: макроэкономический взгляд на проблему».

Галица Игорь Александрович – доктор экономических наук, заведующий кафедрой Киевского университета туризма, экономики и права, научный советник по инновационным вопросам Международной ассоциации хозяйственного права, академик Украинской технологической академии, представил доклад «Креативный менеджмент: курс на стратегическое использование интеллектуально-инновационного потенциала сотрудников».

Хаминич Светлана Юрьевна – доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, представила доклад «Управление акционерным капиталом: теоретико-методические основы».

Горошкова Лидия Анаталиивна – кандидат физико-математических наук, докторант кафедры экономики и управления предприятием Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, выступила с докладом «Прогнозирование развития сложных технико-экономических систем мезоуровня».

За результатами работы конференции было принято резолюцию, в которой обусловлено дальнейшие направления сотрудничества ученых стран СНГ, Таможенного

Союза и ЕС путем создания межгосударственных научных школ и школ молодых ученых в сфере макроэкономической политики, инновационного развития, новой индустриализации промышленности и сельского хозяйства, укрепления мирохозяйственных связей, новых подходов к развитию политической экономии, кооперации и интеграции с целью разработки долгосрочных программ экономического роста, перехода системы государственного управления от преимущественно административных методов до экономических, основанных на рыночных стимулах, формирование сильной системы мотивации эффективного труда и инициативы, научного обоснования направлений обеспечения экономического роста.

Научные разработки и научно-технические открытия, научные обоснования ученых должны стать основой технологического переоснащения отраслей национальных экономик.

В основу деятельности межгосударственных научных школ должны быть положены общие научные исследования очерченных проблем, которые будут проводиться за средства ГФФИ Украины, ГФФИ Белоруси, ГФФИ Молдовы, ГФФИ Литвы, ГФФИ Польши, ГФФИ Болгарии, ГФФИ РФ, грантовых программ ЕС, 8 рамочной Программы.

Было принято рекомендации к Правительствам стран относительно научного обоснования условий экономического роста и макроэкономической стабильности.

Результаты исследований должны носить рекомендационный характер, быть доступными, изложенными в научных журналах и монографиях.

В экономическом развитии стран СНГ, Таможенного Союза, ЕС имеются существенные проблемы, которые обострились в связи с негативными воздействиями мирового финансово-экономического кризиса, ростом цен на энергетические ресурсы, что замедляет экономический рост в странах с рыночной экономикой. Существует целый ряд проблем:

- низкая технологическая оснащенность базовых отраслей промышленности, что сказывается на конкурентоспособности и себестоимости продукции и услуг, прослеживается высокая импортоемкость производства и потребления. Это приводит к росту внешнего государственного долга, порождает проблемы экономической безопасности;
- недостаточность инвестиционных вложений в основной капитал в производственном секторе экономики прослеживается во всех странах СНГ, Таможенного Союза, ЕС;
- наблюдается низкий уровень вложений в инновации и инновационную активность экономики, что чревато потерей конкурентоспособности экономики и замедлением роста производительности труда;
- несовершенные социальные стандарты, большой уровень миграции населения, проблемы занятости населения и соответственно не обеспечивается реализация Кодекса достойного труда, а соответственного достойного уровня жизни;

- институциональные системы не соответствуют требованиям общества, зачастую тормозят инновационное развитие своих стран. Рыночные институты достаточно не развиты, мало внимания уделяется развитию государственно-частного партнерства.

Участники конференции учли указанные социально-экономические проблемы при обсуждении основных положений, которые должны быть положены в Долгосрочные Программы социально-экономического развития стран СНГ, ЕС, Таможенного Союза на 2014-2020 годы. Основной целью долгосрочных программ должны стать: экономический рост в странах, рост благосостояния и улучшение условий жизни населения, на основе совершенствования экономических отношений инновационного развития и повышения конкурентоспособности национальных экономик.

По ВВП на душу населения и уровню душевных доходов к концу 2020 года необходимо сравнятся с высокоразвитыми странами. Для этого требуется обеспечить рост ВВП на 62-68%, а реальных располагаемых доходов – на 70-76%. Это поможет обеспечить экономический рост в странах СНГ, Таможенного и Европейского союзов.

На конференции получили научное обоснование основные направления экономического роста в странах с рыночной экономикой:

- Научное обоснование стимулирования развития предпринимательства. Для развития предпринимательства необходимо устранить излишние административные барьеры, особенно в сфере налогового администрирования, статистической отчетности, расширения финансовых возможностей на основе снижения налогового бремени (развитие гарантийных, венчурных и других фондов, лизинговых компаний); развитие государственно-частного партнерства.

- Научное обоснование денежно-кредитной политики направлено на поддержание стабильных темпов экономического роста, обеспечение стабильности национальных валют и евро, их покупательной способности и курсового соотношения с корзиной валют.

- Научное обоснование налогово-бюджетной политики базируется на том, что в предстоящем периоде политика должна стать более эффективной. Необходимо значительно упростить и снизить трудоемкость налоговой отчетности, оптимизировать бюджетные расходы, проведя их стратегический аудит. Это должно быть основой для сокращения дефицита бюджета и снижения налоговой нагрузки на предприятия.

- Научное обоснование в сфере социального развития базируется на том, что главным должен стать акцент на развитие человеческого потенциала, что, в свою очередь, требует нового подхода к совершенствованию социальной сферы стран СНГ, Европейского и Таможенного Союза.

Необходимо сосредоточить внимание на двух основных блоках проблем: на методологии перестройки социальной сферы с позиций инновационного развития экономики, дальнейшей социализации общества, и на содержание процесса, реформирование оплаты труда, занятости населения, совершенствования системы

социальной защиты (включая пенсионную систему), реформировании отраслей социальной сферы.

Требуется иной подход к политике занятости. Предстоит переориентировать ее на создание новых форм стимулирования экономической активности и формирование новых мест в V и VI технологических укладах и сфере услуг, а также обеспечить каждому рабочему соответствующее его способностям и наклонностям место, повысить ответственность за результаты труда.

Цель реформирования пенсионного обеспечения – достижение финансовой устойчивости пенсионной защиты, создание условий для ее развития. В связи с этим рекомендуется:

- развивать долгосрочные накопительные виды страхования жизни и дополнительной пенсии;
- формировать профессиональные пенсионные системы;
- усилить дифференциацию пенсий в зависимости от личного участия в финансировании пенсионной системы.

Особое внимание следует уделить мерам, направленным на адресную социальную защиту малообеспеченных семей, в том числе путем объединения в единую систему различных видов социальной поддержки, основанных на единой критерии нуждаемости.

Научное обоснование инновационной экономики, новой индустриализации промышленности и сельского хозяйства базируется на новой парадигме роли знаний и научных открытий в качественно новых условиях хозяйствования и жизнедеятельности. В новых условиях резко возрастает спрос на специалистов, обладающих ярко выраженными научными и творческими способностями.

Научное обоснование в сфере развития реального сектора национальных экономик главного в условиях глобализации, кооперации и ужесточения конкуренции на мировых рынках является перевод его на инновационный путь развития, модернизация на базе современных ресурсосберегающих технологий и техники, повышение уровня конкурентоспособности продукции при максимальном использовании специфических конкурентных преимуществ каждой страны. Для решения этих задач необходимо:

- продолжить модернизацию, структурную диверсификацию экономики, осуществить новую индустриализацию промышленности и сельского хозяйства, обеспечить ускоренное развитие наукоемных, ресурсосберегающих, с высокой добавленной стоимостью отраслей и производств, прогрессивных видов услуг;
- обеспечить либерализацию экономики, направленную на раскрепощение возможностей отечественного бизнеса в поиске резервов, разработке мер и путей их реализации на принципах и механизмах государственно-частного партнерства;
- активизировать структурную трансформацию экономики на основе создания интегрированных корпоративных структур высокотехнологических кластеров, экспортно-

ориентированных холдингов, ТНК, создавать механизмы поддержки высокотехнологических предприятий;

- обеспечить государственную поддержку крупных инновационно-инвестиционных проектов, увеличить долю частного капитала в их реализации;
- активизировать внешнеэкономическую деятельность по привлечению прямых иностранных инвестиций и кредитов, повысить уровень сбалансированности внешней торговли;
- усовершенствовать законодательную и нормативную базу инновационно-инвестиционной деятельности.

Научное обоснование роли ученого в обеспечении экономического роста в странах с рыночной экономикой должно базироваться на:

- комплексной системе экономического, включая налоговое, стимулирование научной и инновационной деятельности, оборота прав на объекты интеллектуальной собственности;
- формировании договорочных цен на научно-техническую продукцию и услуги по заключенным договорам за счет бюджетных и внебюджетных средств на основе рыночных методов ценообразования;
- предоставить право научным коллективам занимающимся научными исследованиями устанавливать за счет всех источников финансирования в пределах средств на оплату труда тарифную ставку первого разряда для оплаты труда работников;
- создавать хозяйственные общества с учетом иных инвесторов, работников данных учреждений;
- самостоятельно распределять суммы превышения доходов над расходами, остающиеся в распоряжении бюджетной научной организации, от приносящей доходы деятельности по фондах экономического стимулирования и их использовать;
- обеспечивать развитие материально-технической базы науки, рынка научно-технической продукции, инновационной инфраструктуры, страхования инновационной деятельности;
- стимулировать развитие инновационного предпринимательства;
- расширять международное научно-техническое и инновационное сотрудничество.

Научно обоснованно, что инвестиционная политика стран СНГ, Таможенного и Европейского Союза должна быть направлена:

- улучшение инвестиционного климата и создания благоприятного имиджа страны;
- повышение эффективности инвестиционных проектов и сокращение сроков их реализации;
- создание «зеленого» коридора для инвестиции в высокотехнологические сектора экономики;

- развитие рынка капитала для обеспечения расширенного воспроизводства модернизации экономики, роста ее конкурентоспособности.

В качестве важнейших направлений и механизмов решения этих задач предлагается:

- расширение и углубление участие Украины, России, Беларуси, Литвы, Польши, Молдовы, Германии в интеграционных процессах, способствующих укреплению торгово-экономического сотрудничества (СНГ, Таможенный, Европейский союзы, Единое экономическое пространство, ЕврАзЭС, Восточное партнерство, ВТО);

- диверсификация географической структуры экспорта, освоение новых рынков;
- формирование кооперационных связей товаропроизводителей с ТНК для привлечение новых технологий и активизации сбыта.

Участники конференции также считают необходимым углублять и расширять международное сотрудничество между странами СНГ и другими ведущими зарубежными научными центрами для проведения совместных исследований.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ XXI ВЕКА

На экономическом факультете Киевского национального университета имени Тараса Шевченко **15–16 ноября 2012** года состоялась Международная научно-практическая конференция **«Парадигмальные сдвиги в экономической теории XXI в.»**. Главными тематическими направлениями конференции были следующие: содержание и основные направления парадигмальных сдвигов в структуре экономической теории XXI века; концептуально-методологическое обновление экономической теории; развитие междисциплинарных исследований под эгидой экономической науки; прогностически-практическая функция экономической теории: взаимодействие теории и практики. Конференция была приурочена к 170-летию основания экономической науки и образования в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко.

В конференции приняли участие 145 учёных из Украины, ближнего и дальнего зарубежья, в частности, из Азербайджана, Беларуси, Грузии, Казахстана, России, Болгарии, Германии, Румынии, Чехии, представлявших 53 высших учебных заведения, 18 из которых – зарубежные.

Открыл конференцию чл.-корр. НАНУ **В.Базилевич** (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко), который посвятил свой доклад концептуализации мегатрендов экономического развития в контексте глобальных вызовов современности. Отметив, что развитие мировой экономики в начале XXI века ознаменовалось фундаментальными социально-экономическими трансформациями, докладчик показал, как кризисные явления и потрясения проявляют противоречивость, неполноту и неадекватность базовых экономических концепций и моделей, подчёркивая необходимость теоретического осмысления новых реальностей и ревизии методологического и понятийного аппарата. Глубина и непредсказуемость глобальных потрясений стали вызовом экономической науке, которая не поспевает за современным высокодинамичным развитием и пытается осмыслить новые процессы и явления в системе устоявшихся категорий и понятий. Отсутствие в научном дискурсе согласия относительно концептуализации стремительных изменений, интенсивности и напряжения, необходимость разработки мировоззренческих ориентиров цивилизационного прогресса, переориентации на гуманистические измерения познавательной и практической деятельности человечества требуют нового уровня обобщений и неортодоксальных научных подходов к изучению мегатрендов современного экономического развития, в частности: 1) *глобализации*, связанной с эпохальными изменениями, разворачивающимися в направлении адаптации основных экономик мира к кардинальным природно-ресурсным, демографическим и технологическим сдвигам. При этом восприятие экономики как сложной открытой системы, далёкой от равновесия, формирует колоссальный потенциал для новых конструктивных идей в экономической науке, в частности, в экономической теории, макроэкономике и финансах; 2) *финансиализации*, отражающей кардинальные сдвиги в

структуре мировой экономики, связанные с гипертрофированным доминированием финансового сектора; 3) *информатизации*, требующей осмысления роли новых коммуникационных потоков, сформированных в сетевых структурах; 4) *интеллектуализации*, повышающей роль человека в социально-экономическом развитии; 5) *социализации*, связанной с подчинением экономических процессов интересам развития человека и общества. Актуализируется поиск новых критериев социально-экономического развития и общественного прогресса с учётом его гуманистической и экологической составляющих. От решения этих задач зависят не только векторы развития экономических исследований, но и реальная экономическая политика и хозяйственная практика.

Чл.-корр. НАНУ **А.Гриценко** (Институт экономики и прогнозирования НАНУ) остановился на раскрытии институциональной политической экономии как выразителя парадигмальных сдвигов в экономической теории. Он отметил, что в современной экономике происходят значительные изменения, связанные с формированием информационно-сетевых обществ, в результате чего существующие концепции теряют адекватность реалиям. Это проявляется в снижении их способности прогнозировать развитие событий и предлагать дееспособные модели для управления экономическими процессами. Закономерности производства, распределения, обмена и потребления сетевых благ существенно отличаются от закономерностей движения ординарных благ. Системные ответы по поводу изменений в закономерностях функционирования и развития экономики можно дать только на основе новой парадигмы, которая адекватно будет отражать реалии и формироваться на базе сочетания на новом уровне институциональных и политэкономических подходов. Институционализм даёт возможность выделить и описать новые условия протекания экономических процессов, а политическая экономия – выяснить их суть. Институциональная политическая экономия открывает возможности для выявления конкретно-исторической специфики в общей логике развития социально-экономических процессов, преодоления рыночного фундаментализма, раскрытия не только рыночных, но и перераспределительных и реципрокных форм связи, экономической эффективности и социальной справедливости, а также для решения других проблем. Она, с одной стороны, исторически реализуется как учение о развитии экономической системы общества в течение всей истории человечества и воплощается в глобальной политэкономии, с другой – даёт методологический ключ к конкретно-историческому познанию каждой отдельной экономической формы и воплощается в локальной политэкономии (политэкономии труда, собственности, власти, знаний, развития, конституционной, феминистской, структуралистской и т. п.). Своеобразие методологии институциональной политической экономии раскрывается в диалектическом методе, сочетающем диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному как метод логического воспроизведения конкретно-исторической системы отношений, и эклектический подход как способ перехода от одной экономической реалии к другой, опирающийся не на логику, а непосредственно на эмпирические и практически актуальные основания.

Практическая и познавательная функции политической экономии освещены в докладе чл.-корр. НАНУ **М.Зверякова** (Одесский национальный экономический университет). Докладчик подчеркнул, что наука, в том числе экономическая, должны служить практике, но при этом следует понимать, что теория нужна практике, только когда она обладает такими свойствами, которыми не обладает практика. Можно выделить два этапа развития экономической теории. Для первого характерно движение от попыток проникнуть в сущность экономических процессов ко всё более поверхностным формам их проявления и к возможности опираться в познании на практику обмена. Второй этап – это переход от описания внешнего проявления экономических явлений к (при сохранении последнего) описанию внеэкономических явлений, которые изучаются другими науками. Объединение экономических и, например, социально-правовых явлений как объекта экономической науки обеспечивает её приближение к практике и способность непосредственно влиять на неё. Задача экономической теории состоит в обосновании хозяйственной практики. Теория, покорно следующая за практикой, не оценивающая её критически, не продвигается на пути познания действительности. А некритический характер практики обусловлен отсутствием в её составе теоретического момента. Такое положение теории и практики порождает схоластику, сущность которой проявляется в отсутствии у науки реального предмета. Когда наука теряет свой предмет, она начинает искать его в формах логики и гносеологизации конкретных экономических проблем. Потом предметом становится метод исследования. Практическая направленность экономической теории должна реализовываться, с одной стороны, в чётко определённой сфере общественной практики, относительно которой теоретические выводы имеют прикладное значение; с другой стороны, экономическая теория является методологической и теоретической основой конкретного экономического анализа, средством понимания экономических фактов через призму социально-экономической природы существующей хозяйственной системы.

Ориентиры и векторы изменений фундаментальной экономической науки XXI века раскрыты в докладе д-ра экон. наук **В.Тарасевича** (Национальная металлургическая академия Украины). Он подчеркнул, что прежде всего следует признать необходимость обогащения и расширения объекта фундаментальной экономической науки (ФЭН). Конечно же, «жёстким ядром» последнего остаётся экономика. Но, во-первых, она должна рассматриваться как сложная человекомерная система с действующим в ней человеком как универсумным существом, в котором нераздельны сознательное, под- и бессознательное. Во-вторых, становится понятным, что существование последнего возможно только в составе сверхсложных человекомерных самоорганизующихся систем – интеграционной (человеческое общество) и универсумной (единство взаимодействующих экономической, социальной, духовной, политической, общественной и природно-экологической сфер). Вместе с homo oeconomicus из ФЭН постепенно будет вытесняться и традиционный экономический субъект. Человек в новом статусе не может не объединять в себе субъекта и объекта, и здесь вполне оправданной представляется категория «актор». Актер – не абстрактный индивид как

член рода, а каждый человек как индивидуальность, каждая ассоциация индивидуальностей. Качественные изменения в экономике, её растущая открытость иным универсумным сферам, особенно по сетевым каналам knowledge есопому, предполагает интенсификацию интерактивного полилога ФЭН с другими, неэкономическими науками. На очереди – более активное освоение потенциала мультидисциплинарности и трансдисциплинарности. По мнению В.Тарасевича, некоторые векторы фундаментальных экономико-теоретических исследований, обозначившихся в XX веке, могут стать ведущими в веке нынешнем. *Первый вектор* связан не только с более полным использованием и развитием, но и пересмотром, ревизией традиционного метафизического, диалектического и экономико-математического инструментария в направлении полилектики, многомерности и политемпоральности. Содержанием *второго вектора* является отбор, а также оценка практики и эффективности использования естественно- и общественнонаучных подходов. *Третий вектор* предполагает выход за традиционные научные границы, разработку и использование интеграционных и универсумного подходов. В связи с этим вполне вероятно в нынешнем столетии развитие теорий интеграционной экономики и экономической универсумики.

В докладе д-ра экон. наук **П.Ещенко** (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) указано, что новая парадигма развития экономики должна идти вместе с разработкой новой парадигмы развития общества. Последняя, по мнению учёного, может быть разработана системой общественных наук, которые отражают реалии жизни современного общества как общества достижений НТР и её противоречий, глобализации и регионализации, скачкообразной неравномерности развития экономик мира. Разработка новой парадигмы развития общества возможна на основе комплексного подхода к изучению всех аспектов жизни общества и человека. Решение этой задачи – веление нашего времени. Глобальный финансово-экономический кризис вызвал фундаментальные трансформации, мировая политика становится всё более непредсказуемой, более неопределённой и более опасной. Целостная теоретическая концепция позволит человечеству развиваться не путём проб и ошибок, а на основе научно обоснованной социально-экономической политики, где мерилom всего будет человек с его реальными потребностями. Модель будущего общества необходимо разрабатывать с учётом как общемировых тенденций, транснационализации и многополярности мира, так и национальных традиций, духовности, культуры, социальных ценностей, а также уровня общественного развития, геоэкономического и геополитического положения, геостратегических интересов страны.

Д-р экон. наук **К.Айнабек** (Научно-исследовательский институт новой экономики и системного анализа при Карагандинском экономическом университете Казпотребсоюза, Казахстан) остановился на вопросах уточнения понятийного аппарата. В экономической литературе, сказал он, мы встречаем разные названия базового экономического курса. Например, фундаментальную экономическую науку "политическая экономия", название которой уже утвердилось, на Западе стали заменять термином "экономикс". У нас – и в Казахстане, и в других странах ближнего зарубежья – некоторые учёные считают, что в

словосочетании "политическая экономия" преобладает оттенок политики и чувствуется некая оторванность от предмета фундаментальной экономической науки. Однако же автор названия "политическая экономия" А.Монкретьен в начале XVII века под политикой понимал государство или общество, таким образом, политическую экономию можно считать учением о национальном хозяйстве. Докладчик вскрыл ошибочность применения термина "экономическая теория" для определения современной фундаментальной экономической науки и, обосновав свою позицию, предложил новый вариант – теория общественного хозяйствования. Термин "теория", сказал он, предполагает совокупность научных положений, выражающих главное содержание экономических явлений; понятие "общественное" отражает связи между субъектами; "хозяйствование" определяет деятельность хозяйствующих субъектов.

Политической экономии постмодерна, в частности, поискам утраченных ориентиров социохозяйственного развития посвятил свой доклад д-р экон. наук **В.Бодров** (Национальная академия государственного управления при Президенте Украины). Сегодня, сказал он, особое внимание привлекает явный и вполне закономерный ренессанс политэкономической парадигмы экономической теории в её постмодернистском, институциональном дизайне. Содержанием политической экономии эпохи постмодерна, её отправным пунктом является отказ от господствующего представления о мирохозяйственном устройстве как ригидном универсуме, подчинённом сумме неизменных законов, в котором нет места хаосу, неустойчивости, нелинейности, неопределённости, и переход к его пониманию как изменчивой, аморфной, инвариантной в своём развитии и бесконечно сложной реальности. Именно политэкономическая парадигма эпохи постмодерна при условии постоянного творческого развития и обновления, преодоления догматов посткейнсианско-неоклассического наследия позволит, на наш взгляд, найти адекватные ответы на глобальные вызовы и выработать ориентиры новой (возможно, неоиндустриальной) модернизации общественного развития.

В докладе д-ра экон. наук **Ю.Бажала** (Национальный университет «Киево-Могилянская академия») нашла теоретическое отражение футуристическая экономика как объективная реальность для новой научной парадигмы. По мнению учёного, классификационные признаки господствующей сегодня и будущей, новой парадигмы экономической теории можно определить с помощью теории Й.Шумпетера, где чётко различаются два типа функционирования экономики: статика и динамика. Первый направлен на достижение макроэкономического равновесия, второй – на обеспечение инновационного развития экономики. Инновационную модель правомерно также назвать футуристической экономикой, так как все основные параметры такой системы – цена, процент, прибыль, зарплата, капитал – зависят не столько от текущей экономической ситуации, сколько от оценок её будущего состояния. Указанные типы функционирования экономики концептуально раскрываются двумя разными парадигмами экономической теории: неоклассическим «главным течением» и шумпетерианским. Когда сегодня говорят о кризисе экономической науки, то имеют в виду то, что она не объясняет современную практику, а точнее, что господствующая неоклассическая парадигма не

достаточно удовлетворительно объясняет последние экономические события, прежде всего, кризисные явления. С другой стороны, мы наблюдаем, что реальная экономическая политика успешных стран фактически базируется на идеях теории экономического развития Й.Шумпетера. Стратегия Европейского Союза «Европа 2020», например, в качестве главной цели определяет построение конкурентоспособной интеллектуальной экономики на базе генерирования знаний и инноваций. Можно привести ещё много аргументов в пользу предположения, что именно шумпетерианская парадигма футуристической инновационной экономики станет новым «главным течением» экономической теории.

Проблема исследования экономической власти, которая не может быть решена в рамках неоклассической парадигмы, очерчена д-ром экон. наук **В.Дементьевым** (Донецкий национальный технический университет). В экономической жизни отсутствуют механизмы, способствующие установлению равенства между экономическими агентами и исключению отношений власти между ними. Равенство – это идеальная умственная конструкция. Причём конструкция, имеющая ограниченную сферу применения. Более того, если механизмы, обеспечивающие действие тенденции к реализации этой конструкции в хозяйственной жизни, отсутствуют, последняя, будучи перенесённой в сферу экономической политики, превращается в утопию. Таким образом, экономику целесообразно рассматривать как систему власти, то есть систему, для которой характерны определённое разделение власти, иерархия власти и борьба за власть. Власть означает способность одного агента (субъекта власти) принудить другого (объекта власти) нести неэквивалентные расходы ради создания дохода (максимизации полезности) субъекта власти. Власть реализуется в возможности субъекта власти получить ренту, то есть доход, превышающий предельную производительность контролируемого фактора производства. Однако абстрагироваться от власти и её последствий в экономике – то же самое, что абстрагироваться от транзакционных издержек. Это «идеальный мир». Фактор власти всегда присутствует в экономике, его невозможно полностью устранить ни силами государства, ни транзакциями по обмену правами, его влияние не преодолевается действием объективных экономических законов. Анализ феномена экономической власти должен способствовать поиску ответа на вопрос, в чём состоит общественно необходимый порядок власти – кто, над кем (чем), в каких пределах, какими методами и для достижения каких целей должен реализовывать власть в экономической жизни общества. Ответ на этот вопрос, учитывая «междисциплинарный» характер исследования феномена власти, может быть найден только путём объединения усилий экономистов, социологов и специалистов в области права.

Развитию теории хозяйственного кругооборота в XX веке посвящён доклад д-ра экон. наук **П.Клюкина** (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва). Учёный высказал мнение о необходимости переосмысления понятия «кругооборот», реконструкции философии, стоящей за ним, и предложил периодизацию развития теории хозяйственного кругооборота. В соответствии с предложенным подходом, принята трактовка кругооборота как макроэкономической

структурной модели хозяйства в целом, впервые систематически развитая В.Леонтьевым («Хозяйство как кругооборот», 1928), которая принципиально отличалась от представлений К.Маркса, Й.Шумпетера, а также советских теоретиков воспроизводства Я.Кронрода, А.Ноткина и др. По мнению докладчика, такая трактовка помогла «снять» разногласия между предметом изучения и применяемым методом. Философия «кругооборота» была раскрыта как определённое видение экономической системы с точки зрения философии «очевидности», которая имела свои прототипы в классической западноевропейской философии – от Р.Декарта к Э.Гуссерля – и специфическим образом была сформулирована Ф.Кенэ. Теория хозяйственного кругооборота прошла в своём развитии два этапа: 1) Ф.Кенэ – К.Маркс, и 2) экономические концепции после Маркса в XX веке. На основе реконструкции наследия Ф.Кенэ сформулирована базовая аналитическая схема кругооборота, раскрыт метод обратной научной традиции, обеспечивающей поступательность и непрерывность её развития, обоснованы пути решения проблемы продуктивного «вмонтирования» этой аналитической традиции в современное магистральное политико-экономическое русло хозяйственного кругооборота.

Д-р экон. наук **В.Мандыбура** (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) призвал к критическому переосмыслению идеологии современного концептуально-методологического «обновления» экономической теории. Он отметил, что содержание новой (или как это часто бывает в социальных науках, «забытой старой») парадигмы заключается в том, что предмет экономической теории (прежде всего, политической экономии) не может быть очерчен только базисно-экономическими отношениями: отношениями собственности; воспроизводственно-экономическими; хозяйственно-экономическими; товарно-денежными; распределительно-экономическими; отношениями обмена жизненных благ; финансово-кредитными; отношениями конечного потребления и удовлетворения потребностей населения и т. д. Чтобы общество не достигло критической, революционной ситуации, не распалось, а продолжало эффективно функционировать, экономическая теория должна отказаться от апологетических идеологем и начать разрабатывать действенные механизмы недопущения такой ситуации. Основой выполнения экономической наукой этого важнейшего социального заказа должен стать поиск и внедрение новых форм достижения общественного консенсуса на принципах согласования и оптимального объединения, прежде всего, социально-классовых интересов.

В.Лагутин, д-р экон. наук (Киевский национальный торгово-экономический университет) определил особенности современной методологии исследования рыночно-конкурентных отношений. Закономерности эволюции рынка, сказал он, необходимо исследовать на основе принципов самоорганизации, понимания механизма саморазвития рынка как органического взаимодействия его структурных компонентов, что предполагает анализ трансформационного потенциала рынка как составной части макро- и микроэкономической систем. Рынок постоянно находится в процессе самокорректирования, приспособления к условиям и открытия новых возможностей. Принципиально новое содержание рыночно-конкурентных отношений формируется в

процессе финансиализации экономики. Финансовое хозяйство – это такое состояние экономики, когда процессу производства предшествуют финансовые операции. Переход от товарно-денежного к финансовому хозяйству означает переход от денежных средств к финансовым ресурсам как основному компоненту данных хозяйств. В условиях развитого рынка на первый план выходят финансовые активы как средство сохранения и возрастания стоимости.

Д-р экон. наук **И.Радионова** (Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана) охарактеризовала теорию финансовой нестабильности как своеобразный защитный пояс (по терминологии И.Лакатоша) макроэкономического мейнстрима. Его «твёрдое ядро» формируется идеями новой классики и неоклассического синтеза, которые не всегда проходят верификацию фактами. Теория финансовой нестабильности обеспечила определённое приспособление традиционного объяснения экономики как целого к фактическим изменениям финансового сектора развитых стран конца XX – начала XXI веков. Это воплотилось в обновлении макроэкономического инструментария – фундаментальных гипотез (идеи), логики (моделей) обоснований взаимосвязей процессов и явлений, а также выводов, из них вытекающих. Использование обновленного макроэкономического инструментария отечественными экономистами могло бы предусматривать исследование, по крайней мере, по следующим направлениям: выяснение особенностей передаточного механизма импульсов от финансового к реальному сектору экономики; эмпирическая проверка достоверности выводов о действии финансового акселератора, кредитного рационарования, финансового инфлирования и т. д.

П.Леоненко, д-р экон. наук (Академия финансового управления) остановился на ортодоксальной и неортодоксальной политической экономии (экономической теории) и основных внутри- и междисциплинарных парадигмальных сдвигах последних 25 лет. Он подчеркнул, что парадигмальные сдвиги – важное свойство политической экономии. В современной экономической теории парадигмальные сдвиги, по мнению докладчика, происходят на четырёх уровнях. *Первый* уровень охватывает изменения в фундаментальных теоретико-методологических подходах к изучению социально-экономического развития. *Второй* касается изменений внутри отдельных теорий, школ, течений, направлений экономической мысли. К *третьему* уровню относятся изменения, касающиеся двух и более направлений экономической мысли. И наконец, на *четвёртом* уровне парадигмальные изменения происходят в пределах отдельных научных дисциплин (экономики, социологии, психологии и т. д.).

Д-р экон. наук **А.Филипенко** (Институт международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко) охарактеризовал основные течения международной политической экономии. Как одна из структурных звеньев конкретно-научной методологии, международная политическая экономия опирается, во-первых, на миросистемный подход, в котором вместо так называемого контейнерного взгляда на государство, когда все аспекты социальных отношений исследуются, прежде всего, в рамках государства, используются такие единицы анализа, как мир-система (мини-система, мир-экономика, мир-империя и т. д.). Во-вторых, заметное влияние на

международную политическую экономию оказали разные теории гегемониальной стабильности, поддерживающие либеральный мировой порядок. В-третьих, международная политэкономия уделяет большое внимание функционированию «международных режимов» – систем институтов на глобальном уровне. Это исследования экономических предпосылок войн и конфликтов, проблемы международного экономического сотрудничества, глобального управления и т. д. Таким образом, международная (глобальная) политическая экономия изучает материальные условия, практику, факты, нормативные положения, характеризующие современный мир, и придерживается правил и концептуальных подходов экономической науки.

По основным тематическим направлениям работы конференции состоялись заседания **секций**. Обсуждались, в частности, следующие вопросы: методологические ориентиры синергетического подхода в экономических исследованиях (д-р экон. наук **Н.Гражевская**, КНУ имени Тараса Шевченко); философия экономики contra философия хозяйства: проблема эпистемы или гнозиса (д-р филос. наук **В.Ильин**, КНУ имени Тараса Шевченко); историографические рамки для определения современных экономических концепций (д-р экон. наук **Н.Шапиро**, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики); отраслевые рынки как объект экономико-теоретического исследования (д-р экон. наук **А.Игнатюк**, КНУ имени Тараса Шевченко); парадигмальная дифференциация структуры экономико-теоретического знания как объекта методологического осмысления (канд. экон. наук **Т.Гайдай**, КНУ имени Тараса Шевченко); классификация парадигм в экономической теории (канд. экон. наук **Е.Нестеренко**, КНУ имени Тараса Шевченко); глобализация под англо-американским контролем: вызовы для Украины и России (д-р экон. наук **А.Кузнецов**, Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины); теория информационной экономики как альтернативная парадигма современной ортодоксии (канд. экон. наук **А.Маслов**, КНУ имени Тараса Шевченко); мировоззренческие основания постулатов «жёсткого ядра» классически-неоклассической парадигмы, их ограниченность и христианская альтернатива (канд. экон. наук **И.Назаров**, КНУ имени Тараса Шевченко), реабилитация природного в экономической теории (канд. экон. наук **В.Ермоленко**, Черкасский государственный технологический университет).

В выступлениях участников секционных заседаний также были освещены такие экономические проблемы: поведенческая экономическая теория как альтернатива неоклассической парадигме в теории потребительского выбора (д-р экон. наук **С.Слухай**, КНУ имени Тараса Шевченко); методологические императивы анализа социально-экономических реалий (д-р соц. наук **Т.Петрушина**, Институт социологии НАН Украины); объективная основа концептуально-методологического обновления экономической теории (канд. экон. наук **В.Радченко**, Национальный педагогический университет имени М.П.Драгоманова); политэкономические основания исследования комплементарности институциональной архитектоники социально-экономических систем (канд. экон. наук **В.Лунов**, Харьковский национальный экономический университет); направления обновления теоретико-методологических основ анализа проблем сущности

экономического развития в современной политической экономике (канд. экон. наук **А.Москаленко**, Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана); новая экономика развития: эволюция теоретических и практических подходов (канд. экон. наук **В.Егоров**, КНУ имени Тараса Шевченко); интеллектуальный продукт как особый объект экономических отношений (канд. экон. наук **В.Вирченко**, КНУ имени Тараса Шевченко); эксплуатация рыночной власти в условиях межвременной конкуренции (канд. экон. наук **А.Герасименко**, Киевский национальный торгово-экономический университет); современные тенденции в развитии кооперативной теории и практики: кооперативные организационные модели (канд. экон. наук **Е.Юрманова**, Донецкий институт железнодорожного транспорта); стоимость инноваций: концептуальные изменения методологии исследования (канд. экон. наук **Д.Зухба**, Донецкий национальный технический университет); композиция постприватизационной собственности (канд. экон. наук **Е.Бакланова**, Одесский национальный экономический университет).

Итоги работы международной научно-практической конференции подвёл председатель Оргкомитета конференции В.Базилевич.

Научная общественность Украины и других стран имеет возможность подробнее ознакомиться с материалами Международной научно-практической конференции «Парадигмальные сдвиги в экономической теории XXI в.» на её web-странице, размещённой на официальном сайте экономического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко: http://www.econom.univ.kiev.ua/paradigm_et/.

В.Д.Базилевич, чл.-корр. НАНУ

А.И.Игнатюк, д-р экон. наук

Т.В.Гайдай, канд. экон. наук

ТУПИКИ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ОРТОДОКСИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Несмотря на то, что, по признанию большинства ученых, интеллектуалов, политиков и бизнесменов, весьма значимым катализатором новейшего мирового экономического кризиса стала моноцентричная и ортодоксальная неолиберальная модель экономической глобализации, несмотря на очевидные и обозначенные на саммитах G8 и G20 тупики в «лабиринте» выхода на траекторию устойчивого не долгового роста экономик стран «золотого миллиарда», отказа от неолиберальной ортодоксии в экономической политике Запада, прежде всего, США, не последовало. Почему? Вполне обоснованный вариант ответа на этот вопрос содержится на страницах фундаментальной монографии известных украинских ученых П.С. Ещенко и А.Г. Арсеенко о метаморфозах западной капиталистической экономики после распада мировой социалистической системы и в процессе современной экономической глобализации¹. Авторы не скрывают своих социал-демократических и марксистских научных взглядов, к слову, отнюдь не ортодоксальных, а весьма прогрессивных и современных, что придает книге несколько непривычный для приверженцев “*main stream*” полемический стиль и оригинальный колорит. Как выражаются мудрецы: «Толково написано».

Подвергнув системному анализу огромный массив зарубежных источников и статистических материалов, авторы обращают внимание на стремление американского капитала к мировому господству после Второй мировой войны и достижение такового после разрушения СССР. По мнению авторов, демонтаж социализма и капиталистическая экспансия на постсоветское пространство предоставила возможность США и их европейским союзникам несколько замедлить имманентные их экономикам кризисные процессы и отсрочить наступление активной фазы кризиса. Однако «чуда» не произошло, и «бумеранг» неолиберальной ортодоксии, запущенный США по постсоветским «целям», вернулся в *alma mater*. О чем идет речь? С одной стороны, впервые в отечественной экономической социологии и политической экономии авторы делают вывод о том, что непосредственным следствием краха старых социальных структур накопления и отсутствия адекватных субститутов стало «накопление посредством изъятия». Это позволило воротилам развитого мира произвести очередное перераспределение национального и мирового богатства в свою пользу. Превращение идеологии и практики неолиберализма в эффективный инструмент проведения антинародной экономической политики и обусловило нежелание большого бизнеса расставаться с рыночным фундаментализмом. С другой стороны, очевидны и разрушительные последствия вернувшегося «бумеранга» для самих стран

¹ См.: Ещенко П.С., Арсеенко А.Г. Куда движется глобальная экономика в XXI веке? / П.С. Ещенко. А.Г. Арсеенко. – К.: Знання України, 2012. – 479 с.

«золотого миллиарда». Несмотря на беспрецедентные многотриллионные «инъекции», реальная ликвидация указанных последствий явно запаздывает.

Несомненным достоинством монографии является сферический научный взгляд на экономическую глобализацию, - она анализируется и как объективный естественноисторический процесс, и как субъективный геополитический и геоэкономический проект США, направленный на ослабление позиций мировой социалистической системы в XX веке и процветание стран «золотого миллиарда» в текущем столетии в условиях нарастающего дефицита ресурсов. В монографии подчеркивается, что Бреттон-вудские финансовые институты – Всемирный банк и Международный валютный фонд, - которые сыграли важнейшую роль в становлении глобального капитализма посредством насаждения Вашингтонского консенсуса в странах «третьего мира» и с переходной экономикой, были задуманы и учреждены США еще в годы Второй мировой войны в рамках стратегических планов установления «Рак Americana». В этом контексте симбиоз и взаимодействие указанных институтов характеризуется авторами монографии как не только финансово-экономическое, но и политическое образование, обслуживающее долгосрочные интересы США и их союзников, обладающих «контрольным пакетом голосов».

Однако политика неокOLONиализма в развивающемся мире и «подрыв социализма изнутри» в странах Восточной Европы и СССР не избавили экономику США и других капиталистических стран от эрозии их финансовой и хозяйственной системы в середине 1970-х годов, что повлекло за собой переход стран Запада от неокейнсианства к неолиберализму и ставку на финансиализацию как новый способ накопления. Ни первое, ни второе, как доказывают авторы, не смогло воспрепятствовать развитию кризисных явлений в развитом центре, но привело к подчинению реального сектора интересам финансовой олигархии, нагнетанию спекулятивных пузырей и созданию «экономики казино». В то же время наметилась устойчивая тенденция к «экспорту» рабочих мест в Китай, Индию и другие страны с дешевой рабочей силой, что не замедлило обернуться деиндустриализацией экономики, известной деградацией рабочей силы, падением реальной заработной платы и ростом безработицы на Западе. По мнению авторов монографии, сокращение покупательского спроса и взрыв финансовых пузырей стали важными причинами втягивания капиталистической экономики в очередную рецессию, которая развеяла вымыслы американского философа Ф. Фукуямы о «конце истории» в связи с мнимым торжеством неолиберальной экономики.

Авторы профессионально анализируют причины, содержание и социально-экономические последствия современного глобального кризиса, которому, по их мнению, не видно конца, и который может повториться в обозримом будущем в еще более тяжелых формах и оказаться еще более продолжительным. Это обусловлено тем, что нынешний кризис является кризисом перепроизводства, отраслевым, структурным и системным кризисом одновременно. Поскольку в рамках системного

кризиса тесно переплетаются продовольственный, энергетический и климатический (экологический) кризисы, выйти из него за счет косметического ремонта терпящей банкротство капиталистической экономики Западу не удастся. Для этого нужна совершенно новая, более демократичная, более эгалитарная (но не уравнилительная) и более гуманная парадигма экономического развития, ведущая к коренной смене действующей капиталистической хозяйственной системы и политического механизма диктатуры ТНК, который завел человечество в исторический тупик и предпринимает отчаянные попытки выйти из него посредством ставки, в том числе, на организованное вооруженное насилие. Не допускать такого трагического развития событий, по мнению авторов, является обязанностью всех людей доброй воли, в первую очередь, интеллектуальной элиты, которая в этих сложных условиях призвана быть не научной обслугой олигархических режимов, а стать на защиту жизненных интересов и демократических прав своих народов.

Авторы монографии не отрицают приоритетную необходимость восстановления экономического роста, но, в отличие от многих неоклассиков и кейнсианцев, обращают внимание на императивность его сбалансированности, устойчивости и экологичности, поскольку дальнейшее хозяйствование по принципу «на наш век хватит, а после нас хоть потоп» таит в себе угрозу уничтожения экосистем и биологического разнообразия планеты. В свою очередь, это требует бережного и рационального использования минерального сырья и ископаемого топлива, уменьшения загрязнения окружающей природной среды ради сохранения жизни на Земле. Для реализации такой важной цели человечество должно сделать высшим приоритетом своей хозяйственной деятельности переход к «зеленой экономике», то есть к экономике, которая могла бы минимизировать влияние экономической активности на окружающую природную среду.

Прогрессивная и активная гражданская позиция авторов монографии, следующих принципу «Мысли глобально, действуй локально», особенно зримо проявляется при рассмотрении печальных результатов реформирования экономики Украины в рамках навязанной ей неолиберальной «транзитологии» и «догоняющего развития». По мнению авторов, экономика Украины находится в летаргическом сне, который непреодолим при годовых темпах роста в 2-3%. Необходимо обеспечить 6-8 процентный рост экономики, что невозможно без устранения таких сдерживающих его причин, как сокращение потребительского и инвестиционного спроса; инновационный дефолт; дефицит торгового баланса. Авторы убеждены в необходимости изменения экономической политики, приоритетами которой должны стать интересы народа, а не олигархов. После 20 лет «приватизации» общенародного богатства следует осознать, что отремонтировать дороги, городскую инфраструктуру, развивать фундаментальную науку, качественно лечить и учить людей возможно лишь за счет госинвестиций. Авторы не ограничиваются отдельными предложениями и рекомендациями, а формулируют научно обоснованную позитивную программу развития страны, перехода к качественно новой смешанной экономике.

В связи с этим принципиально важна конструктивная авторская позиция в отношении современной экономической науки и образования. По их мнению, современная экономикс, методологической основой которой является индивидуализм, превратилась в производство математических формул и искусственных моделей для объяснения поведения человека в условиях товарно-продажной формы отношений, охватившей все сферы человеческой жизни: от продажи рабочей силы до спорта, дружбы и т.д. Данная парадигма в нашей стране стала монопольной, а ее цель – воспроизводство человека-рыночника с ментальностью «шопоголика» - едва ли не ключевой. В то же время, мейнстримовские теории не могут объяснить причины и пути выхода из современного кризиса, ответить на жизненно важные вопросы о бедности, неравенстве, коррупции, деградации человеческого капитала, «третьемиризации» Украины и др. Дальнейшая «опора» на столь ненадежный мировоззренческий «фундамент» чревата интеллектуальной катастрофой.

Следует согласиться с авторами монографии в том, что необходима новая парадигма развития общества и экономики, которая способствовала бы преодолению необоснованного социального неравенства и обеспечению равных возможностей доступа каждого человека к науке, знаниям, культуре, творческой деятельности. Весомый авторский вклад в разработку указанной парадигмы несомненен. Будем надеяться, что авторы монографии не остановятся на достигнутом.

*Тарасевич В.Н., Лебедева В.К., профессора,
Национальная металлургическая академия Украины
(Днепропетровск)*

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ

1. Редакция принимает к печати написанные специально для журнала "Вопросы политической экономии" оригинальные статьи.
2. В случае негативной рецензии статья может быть возвращена на доработку или отклонена редколлегией.
3. Гонорар за статьи не выплачивается.
4. На каждой статье должен быть код "УДК", код "JEL", E-mail автора.
5. Статья сопровождается аннотацией (не более 600 знаков) на русском, английском языках, ключевыми словами, фотографией авторов (в паспортном формате).
6. При написании статьи обязательными являются ссылки на источники использованных материалов (подаются в постраничных сносках). Цитаты из российских, украинских, белорусских источников подаются языком оригинала.
7. Объем статьи не может превышать 40 тыс. знаков с пробелами. Формат А4, шрифт "Arial Narrow", № 14 через 2 интервала.
8. Статьи должны направляться в электронной форме (в файле формата редактора Microsoft Word).
9. Графические материалы необходимо предоставлять в доступных для дальнейшей редакции программах: таблицы – в редакторе Microsoft Word; диаграммы – в редакторе Microsoft Excel или Microsoft Graph; рисунки в виде диаграмм – с помощью панели рисования редактора Microsoft Word; математические формулы – в редакторе формул Microsoft Equation (3.0).
10. Указывать фамилию, имя и отчество автора (авторов), ученую степень, ученое звание, должность, адрес (почтовый, электронный) и контактные телефоны.

Заведующий редакцией:
Леонидов И.Л. (Днепропетровск, Украина)

Оригинал-макет Леонидов И.Л.

Подписано в печать 25.06.2013.
Формат 60×84 1/2.
Уч.-изд. л.11,2. Ус. печ. л. 12,9.
Заказ № 7

Кафедра политической экономии Национальной металлургической академии Украины
пр. Гагарина,4, г. Днепропетровск, 49600, Украина.